

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

2025 Том 12 № 1
DOI 10.22363/2312-8313-2025-12-1

Научный журнал
Издается с 2014 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61271 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Иванов В.Г.,

доктор политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры государственного и муниципального управления ГУУ, Москва, Российская Федерация

E-mail: ivanov_vg@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Белоконов С.Ю.,

кандидат политических наук, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ

СЕКРЕТАРЬ

Минасян Г.С.,

кандидат политических наук, ассистент кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: minasyan_gs@pfur.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Барабашев А.Г. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной службы, декан факультета государственного и муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия
Велиева Д.С. — доктор юридических наук, профессор Поволжского института управления РАНХиГС, г. Саратов, Россия

Вертинский И. — доктор философии, профессор, директор Центра международных исследований корпоративного и общественного управления, Университет Британской Колумбии, г. Ванкувер, Канада

Вольманн Х. — PhD, профессор публичного администрирования и общественной политики Берлинского университета имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия

Ворончук И. — доктор экономических наук, профессор, глава департамента публичного администрирования факультета экономики и менеджмента Латвийского университета, г. Рига, Латвия

Кочегура А.П. — доктор философии (PhD), член Европейской Ассоциации специалистов в области государственного управления (EGPA), г. Москва, Россия

Ма Ф. — доктор наук, профессор института политологии и государственного управления, заведующий центром исследования России и Центральной Азии, вице-директор института исследования ШОС Шаньдунского университета, г. Циндао, КНР

Марголин А.М. — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор РАНХиГС, г. Москва, Россия

Масленникова Е.В. — кандидат социологических наук, руководитель отдела аналитических исследований Дирекции научно-технических программ, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления РАНХиГС, г. Москва, Россия

Прокофьев С.Е. — доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Ропрет М. — PhD, профессор кафедры государственного управления Университета Любляны, г. Любляна, Словения

Стриелковский В. — PhD, профессор, управляющий директор Пражского института повышения квалификации, г. Прага, Чехия, почетный профессор Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия

Хоппе Р. — PhD, почетный профессор Школы менеджмента и государственного управления Университета Твенте, сотрудник Института науки о государственном управлении, сотрудник Нидерландского института управления, г. Энсхеде, Нидерланды

Чуев С.В. — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления и советник ректора Государственного университета управления, г. Москва, Россия

Шедлер К. — PhD, профессор, директор Института менеджмента и государственного управления, Университет Санкт-Галлена, г. Санкт-Галлен, Швейцария

Шульц Д. — PhD, профессор кафедры политических наук Университета Хэмлин, г. Сент-Пол, США

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.2.1, 5.5.2, 5.5.3, 5.5.4 с 01.02.2022.

Материалы журнала индексируются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки, Научная электронная библиотека «КиберЛенинка», Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions, East View, DOAJ.

Цели и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление» – рецензируемое научное периодическое издание, учрежденное в конце 2013 года.

Цель издания: содействие развитию науки о государственном управлении и местном самоуправлении, ее популяризации в Российской Федерации, а также создание площадки для обсуждения междисциплинарной и практико-ориентированной проблематики государственного и муниципального управления.

На страницах журнала авторам статей, ученым и практикам, представляется возможность обсуждения основных идей и проблем государственного и муниципального управления, публикация результатов анализа актуальных вопросов государственного управления в России, теоретического осмысления тенденций и перспектив развития местного самоуправления, обобщения зарубежной практики и опыта публичного администрирования и менеджмента, освещения современных тенденций развития высшего профессионального образования в области государственного и муниципального управления и т.д.

Основные рубрики журнала: государственное управление: теория и практика, зарубежный опыт управления, становление и развитие местного самоуправления в России, культура управленческой деятельности, антология государственного управления и другие.

Читательская аудитория журнала: ученые и исследователи, практики государственного и муниципального управления, а также широкий круг читателей, интересующийся проблемами государственного и муниципального управления в Российской Федерации и других странах мира.

В редакционную коллегию журнала входят ведущие ученые и эксперты международного и национального уровня в сфере государственного и муниципального управления.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству ученых, научных работников, аспирантов, работающих в сфере государственного и муниципального управления.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/public-administration>

Электронный адрес: pubadmj@rudn.ru

**Литературный редактор *О.В. Горячева*
Редактор англоязычных текстов *В.Г. Иванов*
Компьютерная верстка: *И.А. Чернова***

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Подписано в печать 27.05.2025. Выход в свет 30.05.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,25. Тираж 500 экз. Заказ № 84. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

2025 Volume 12 Issue 1

DOI 10.22363/2312-8313-2025-12-1

Scientific journal

Founded in 2014

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir G. Ivanov,
Doctor of Political Sciences,
Associate Professor of the
Department of State and
Municipal Management, RUDN
University; Full Professor of The
State University of Management,
Moscow, Russian Federation
E-mail: ivanov_vg@rudn.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergey Y. Belokonev,
PhD in Political Science,
Scientific Supervisor of the
Faculty of Social Sciences
and Mass Communications,
Financial University under the
Government of the Russian
Federation; Associate Professor
of the Department of State and
Municipal Administration, The
State University of Management,
Moscow, Russian Federation
E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Garush S. Minasyan
PhD in Political Science,
Assistant at the Department of
State and Municipal Management,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation
E-mail: minasyan_gs@pfur.ru

EDITORIAL BOARD

Aleksey G. Barabashev — Doctor of Economics, Professor and Head of the Civil Service Department, Dean of the Public Administration Department, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chuev — PhD in History, Head of the Department of State and Municipal Administration, The State University of Management, Moscow, Russian Federation

Robert Hoppe — PhD, Honorary Professor, University of Twente, Enschede, Netherlands

Aleksandr P. Kochegura — PhD in Philosophy, European Association of Professionals in Public Administration (EGPA), Moscow, Russian Federation

Fenshu Ma — PhD, Professor, Institute of Political Science and Public Administration, Head of the Center for Russian and Central Asian Studies, Vice Director of the SCO Research Institute, Shandong University, Qingdao, People's Republic of China

Andrey M. Margolin — Doctor of Economics, Full Professor, Honored Economist of Russia, Pro-Rector of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Elena V. Maslennikova — PhD in Sociology, Head of Analytical Research Department; Leading Researcher of the Center of State Management Technologies, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Stanislav E. Prokof'ev — Doctor of Economics, Rector of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Marko Ropret — PhD, Professor of the Department of Public Administration, University of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Kuno Schedler — PhD, Professor and Director of the Institute of Management and Public Administration, University of St. Gallen, St. Gallen, Switzerland

David Schultz — PhD, Professor of The Political Science Department, Education University of Hamlin, Saint Paul, United States

Wadim Strielkowski — PhD, Professor, Managing Director of Prague Institute for Qualification Enhancement, Prague, Czech Republic; Emeritus professor of Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

Dzhamilya S. Velieva — Doctor of Law, Professor and Head of the Department of Constitutional and International Law, Povolzhsky Institute of Management RANEPa, Saratov, Russian Federation

Ilan Vertinsky — PhD, Professor and Director of Center for International Studies, Corporate and Public Administration, University of British Columbia, Vancouver, Canada

Inesa Voronchuk — Doctor of Economics, Professor and Head of Public Administration Department of Economics and Management Faculty, Latvian University, Riga, Latvia

Hellmut Wollmann — Doctor of Law, Professor of Public Administration and Public Policy Department, Berlin Humboldt University, Berlin, Germany

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University), Moscow, Russia

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Russian Index of Science Citation, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions, East View, DOAJ.

Aim and Scope

“RUDN Journal of Public Administration” is a specialized peer-reviewed scientific journal established in 2013, and a quarterly publication. The Editorial Board of the journal includes renowned researchers from Russia, Canada, Germany, Poland, Latvia, Slovenia, Czech Republic, Netherlands, Switzerland and the USA.

The mission of the journal is boosting research efficiency in the field of public administration on theoretical and applied levels, as well as creation of an international platform to discuss interdisciplinary and practice-oriented perspectives and best practices of public administration.

The journal encourages the authors to discuss current concepts, ideas and problems of public administration, analyze contemporary issues of public administration, the trends and prospects of local government development, evaluate and conceptualize international practices and experience of public administration and management.

The main journal sections are: “Current Problems of Public Administration”, “Theory and Practice of Public Administration”, “International Experience of Public Administration”, “Formation and Development of Local Government”, “Academic Life” and others.

The journal is designed for publishing the results of independent and original research works by researchers, officials in the sphere of public administration, professors of Universities and other scientific centers in the form of articles, review materials, scientific reports, and bibliographical reviews on certain subjects and within selected scientific areas.

The target international audience of the journal are researchers, practitioners and postgraduate students who are interested in problems and perspectives of public administration. The Journal can be useful for decision-making experts, information and analytical departments of governments, political and public organizations and commercial institutions.

The journal editorial board includes leading scientists and experts on international and national levels. Further information regarding notes for contributors, editorial policies, subscription and archive is available at <http://journals.rudn.ru/public-administration>

E-mail: pubadmj@rudn.ru

Review Editor *O.V. Goryacheva*

English Text Editor *V.G. Ivanov*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Public Administration:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba” (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Liu Y., Huang Zh. Institutionalized Trial and Error: A Turn to Rule-based Policy Experimentation in China (Институционализированный метод проб и ошибок в Китае: поворот к политическим экспериментам, основанным на правилах) 7

Лисненко А.А., Асмус В.А., Асмус Т.А. Подсистема информационного взаимодействия в системе сбора медицинских статистических данных 22

Marumahoko S., Nhede N.T. Colonial Heritage and Urban Development: A Critical Study of Zimbabwe’s Local Government System (Колониальное наследие и городское развитие: исследование системы местного самоуправления Зимбабве) 29

Громыко Д.А. Использование технологии блокчейн для сохранения культурного наследия: влияние на политические процессы 47

Рослякова А.С., Ледовская О.А. Влияние неполитических организаций на деятельность формализованных политических институтов в современной Японии 71

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ

Ушакова М.О., Чура М.Н., Баев М.И. Роль интеграции технологий и компетенций в стратегическом управлении образовательной политикой 90

Amelina A.A., Ilina A.Yu., Zhang Yi. Media Ecological Approach in the Context of State and Municipal Policy in Vocational Education (Медиаэкологический подход в контексте государственной и муниципальной политики профессионального образования) 100

Bun T.N., Kuznetsova Yu.S., Zayec V.R. Digitalization of Inclusive Education: Approaches to Management and Policy Initiatives at the State and Municipal Levels (Цифровизация инклюзивного образования: подходы к управлению и политическим инициативам на государственном и муниципальном уровнях) 106

Голованова Н.И., Смирнова Е.А. Трансформация учебного процесса: управление интеграцией цифровых технологий и современных образовательных стратегий 115

Сазонов А.В., Светлова А.А., Морозов С.В. Модель предпрофессиональной подготовки специалистов: управление проектом «Медиакласс в московской школе» как пример реализации государственной и муниципальной политики в сфере образования 126

CONTENTS

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

Liu Y., Huang Zh. Institutionalized Trial and Error: a Turn to Rule-based Policy Experimentation in China 7

Lisnenko A.A., Asmus V.A., Asmus T.A. Subsystem of Information Interaction in the System of Collecting Medical Statistical Data 22

Marumahoko S., Nhede N.T. Colonial Heritage and Urban Development: a Critical Study of Zimbabwe’s Local Government System 29

Gromyko D.A. The Use of Blockchain Technology for Preserving Cultural Heritage and Its Impact on Political Processes 47

Roslyakova A.S., Ledovskaya O.A. The Influence of Non-Political Organizations on the Activities of Formalized Political Institutions in Contemporary Japan 71

EDUCATIONAL POLICY MANAGEMENT

Ushakova M.O., Chura M.N., Baev M.I. The role of integrating technologies and competencies in strategic management of educational policy 90

Amelina A.A., Ilina A.Yu., Zhang Yi. Media Ecological Approach in the Context of State and Municipal Policy in Vocational Education..... 100

Bun T.N., Kuznetsova Yu.S., Zayec V.R. Digitalization of Inclusive Education: Approaches to Management and Policy Initiatives at the State and Municipal Levels 106

Golovanova N.I., Smirnova E.A. Transformation of the Educational Process: Managing the Integration of Digital Technologies and Modern Educational Strategies 115

Sazonov A.V., Svetlova A.A., Morozov S.V. A Model for Prevocational Training of Specialists: Managing the “Media Class in Moscow Schools” Project as an Example of Implementing State and Municipal Education Policy 126

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-1-7-21

EDN: WWCWFZ

Research article / Научная статья

Institutionalized trial and error: a turn to rule-based policy experimentation in China

Yan Liu¹ , Zhenhua Huang²

¹Xi'an Jiaotong University, Xi'an, China,

²Central China Normal University, Wuhan, China

 zhh0626@163.com

Abstract. As confirmed by previous studies, experimentation-based policymaking in China is a highly versatile, pragmatic style that sharply contrasts with the more legalistic, bureaucratic policy approaches. Analyzing the history and recent development of rural reform experimental zones (RREZs), the authors demonstrate that China's unorthodox policy experimentation has been gradually adapted to function smoothly within the country's hierarchical bureaucratic structure governed by formal rules. The process of institutionalizing experimentation started in the early 2010s as a response to the nationwide promotion of "top-level design" and the rule of law with Chinese characteristics. The institutionalization has strengthened the procedural stability, legality, and political accountability of experimentation-based policymaking in China. Contrary to the popular interpretation of this change as a sign of notable reduction in decentralized policy entrepreneurship, the case of the RREZs shows that the rule-based institutionalized policy experimentation model continues much of the legacy of the traditional model and still functions as a laboratory for testing intensive policy reform experiments in China.

Keywords: policy experimentation, institutionalization, policymaking, administrative accountability, rural reform experimental zone, RREZ

Contribution. All the authors participated in the development of the concept of this review, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 10.10.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

For citation:

Liu Y, Huang Zh. Institutionalized trial and error: A turn to rule-based policy experimentation in China. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(1):7–21. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-7-21>

© Liu Y., Huang Zh., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Институционализированный метод проб и ошибок в Китае: поворот к политическим экспериментам, основанным на правилах

Я. Лю¹ , Ч. Хуан²

¹Сианьский университет Цзяотун, Сиань, Китай,

²Центрально-китайский педагогический университет, Ухань, Китай

 zhh0626@163.com

Аннотация. Как подтверждают предыдущие исследования, в Китае разработка политики на основе экспериментов характеризуется весьма гибким прагматичным стилем, который резко контрастирует с более легалистскими, бюрократическими подходами. Анализируя историю и развитие экспериментальных зон для сельской реформы (ЭЗСР), авторы показывают, что неортодоксальное китайское экспериментирование в политике постепенно адаптировалось для бесперебойного функционирования в иерархической бюрократической структуре страны, регулируемой формальными правилами. Процесс институционализации экспериментирования начался в начале 2010-х гг. в ответ на общенациональное продвижение «проектирования на высшем уровне» и верховенства закона с китайской спецификой. Институционализация укрепила процедурную стабильность, законность и политическую подотчетность практики экспериментального принятия политических решений в Китае. Вопреки популярному толкованию этого изменения в стилях разработки политики как признака политической децентрализации, ЭЗСР показывает, что основанная на правилах экспериментальная политика по-прежнему во многом продолжает наследие традиционной модели и может функционировать в качестве лаборатории для тестирования экспериментов по реформированию политики в Китае.

Ключевые слова: экспериментирование в политике, институционализация, разработка политики, административная подотчетность, экспериментальная зона сельской реформы, ЭЗСР

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции обзора, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 10.10.2024; принята к публикации 24.12.2024.

Для цитирования:

Liu Y., Huang Zh. Institutionalized trial and error: A turn to rule-based policy experimentation in China // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 1. С. 7–21. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-7-21>

Introduction

China's unorthodox experimentation-based policymaking approach has been identified as a time-tested explanation for the policy resilience of China; evidence for this can be found in the large-scale market reforms since 1978 and the continuing optimization of public administration. As confirmed by previous studies, experimentation-based policymaking in China differs from the conventional policymaking process, in which policy is *first* analyzed, sometimes with explorative pilot projects, *then* embodied in legislation, and actually implemented *last*. In contrast,

in China, novel solutions often resulted from mass policy experiments with initiatives involving of local policy entrepreneurs that are then selectively and cumulatively translated into major nationwide policy innovations by the central government [1]. This pragmatic, incremental form of policy development — mimicking the Chinese metaphor “cross the river by groping for the stone” — “reflect (s) a mindset and method that contrasts sharply with the more bureaucratic and legalistic approaches to policy-making” [2].

One key component of this structure is the “experimental zones” in China — geographical administrative units used for testing potential new policies. Experimental zones are the key to understanding China’s policymaking style, playing the role of laboratory for the most intensive policy trials in China’s reform and opening-up — a nationwide strategy starting in 1978 intended to transform the planned economy into socialist market economy and to boost its integration into the global economic system. The discretionary power of local authorities to enact local legislation and the volatile integration of decentralized local experimentation with the ad hoc coordination by the central government are perceived by researchers as essential prerequisites for the success of the experimental zones [3], but the management of the experimental zones in the last ten years has shown a paradoxical tendency toward the central’s institutionalization of policy experimentation in China.

By analyzing the history and recent development of rural reform experimental zones (RREZs), this article argues that these experimental zones have transformed into a policymaking mechanism that functions smoothly within China’s hierarchical bureaucratic structure governed by formal rules. As once noted by Deng Xiaoping, often credited as the “General Architect of the Reform”, China’s reforms started in rural areas [4]. To facilitate the pivotal transformation of rural land system, agricultural taxation, grain market, and rural industries, the RREZs were established in 1987 by central leadership as a comprehensive platform for piloting possible reform plans. By May 2019, 58 RREZ sites had been established in different provinces. From 2010 to 2019, 226 rural experimentation projects were launched, and 144 of them directly affected legislation at the state and province levels, contributing to policy changes in nearly all rural development sectors¹.

The article contains six substantive sections. The next section briefly reviews studies on policy experimentation in China and outlines the neglect of institutionalization in previous research. Then, in the next three sections, the authors analyze the formation history, institutional structure, and management workflow of the RREZ. The research data include relevant government documents, annals on RREZ projects, speeches by key policymakers, media reports, and first-

¹ MoA (Ministry of Agriculture). Nongcun gaige shiyanqu: 226 pici renwu jiben fugai nongcun gaige ge lingyu [Rural Reform Experimental Zone: 226 Tasks Cover All Areas of Rural Reform]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-05/28/content_5395378.htm (accessed: 28.05.2019) (In Chinese).

hand materials from field research. Since 2010, the authors have conducted fieldwork and interviews with local officials and villagers who have personally experienced the results of the experimentation at six RREZ sites, including Daxing District in Beijing, the cities of Yunfu and Qingyuan in Guangdong Province, Liangping County in Chongqing Province, Dongping County in Shandong Province, and Zigui County in Hubei Province. In the concluding section, the authors discuss the distinct features of this institutionalized policy experimentation that has emerged and its implications for policymaking in China.

Literature Review

Multiple policymaking models have been extracted from the implementation of the reform and opening-up program to explain the ability of Chinese Communist Party to generate policy innovations and cope with socioeconomic challenges. Drawing on cases from major domains of economic reform in China, Heilmann suggested a basic “experimentation under hierarchy” model, a bottom-up policymaking cycle with decentralized small-scale experimentation at the local level preceding the enactment of national policies [5]. According to this explanatory model, most experimental efforts in the policy process are made by local policymakers faced with pressing local problems or motivated by personal political career prospects, and their piloting initiatives are often backed by some higher-level policy patrons [6]. Then, under the leadership of central decision-makers, the “model experiences” extracted from promising local experiments are further diffused to other places, refined through wider tests, and finally, integrated into nationwide policies.

Factors that might facilitate such a bottom-up policymaking cycle in China are of significant interest to scholars. Some have pointed out that from an administrative perspective, it is the administrative decentralization that allows less central planning [7] and provides space for local initiatives [8]. Others have demonstrated that China’s political structure also provides opportunities for local experimental governance, including competition between policy entrepreneurs [9] and informal patron-client relationships between central and local policy entrepreneurs [10]; furthermore, these scholars have argued that in some cases, these factors provide a more convincing explanation for China’s policy innovation success than administrative decentralization. In searching for historical, ideological factors, Perry and Heilmann coined the term “guerrilla policy style” to describe the Chinese Communist Party’s means of dealing with unpredictable situations during the Mao era and presented evidence that this style continues to shape the present-day Chinese government’s unshrinking willingness to embrace uncertainty, experiment, and learn through trial and error [2].

This adaptive, strategic policymaking model in China has been modified as the “learning and adaption” model proposed by Chinese political scholar Wang Shaoguang [11]. His case study of the 60-year-long rural healthcare reforms shows that since the 1980s, policy advocates outside the political system, including

scholars, the media, stakeholder societies, and NGOs, have played a more active role in policymaking by testing out novel solutions and lobbying policymakers, suggesting a transition to a more open, collaborative policymaking style. Wang also emphasized that the guidance and organization efforts of the central government are vital in policy experimentation, whereas Heilmann's model of "experimentation under hierarchy" assigned central policymakers the somewhat passive roles of sponsorship, coordination, selection, and diffusion, thus highlighting the vigorous local initiatives as the primary driving force in policy innovation. Likely in response to Wang's interpretation, Heilmann later added to his model another key feature — "foresighted tinkering", in which local policy entrepreneurs quite often carry out experimentation in line with broad long-term policy priorities set by top decision-makers in China [12].

Subsequent studies have provided a more detailed description of the role of the central government in such policy experimentation. Mei Ciqi and Liu Zhulin illustrated that in the controversial urban housing policy reform from the 1980s to the 2010s, central leadership consciously designed the reform plans, steered the experimentation process, and sorted out "model experiences", assigning a rather limited role to local innovative initiatives [13]. By analyzing the policymaking process for the abolition of the agricultural tax, Wang Guohui identified a "principle-guided experimentation" model in which local policy experiments were formally launched only after 1) a consensus on reform principles is reached at the top of political system with supporting evidence originating from the initial local practice and delivered to the center and 2) an experimental program is established by a temporary central working agency [9]. The Party cadre system including the hierarchical official appointment mechanism is also key to mobilizing top-down policy experimentation and implementing the reform ambitions of the central government [14]. In addition, central leaders also analyzed experience of other countries and use experiments to adapt them to suit reforms in China.

Although these studies modified the "experimentation under hierarchy" model by reemphasizing the central's leadership and direction in the reforms, seldom have the two key features of Heilmann's model or the popular understanding of China's policy experimentation been challenged. That means, first, that most policy experimentation is pushed forward by individual powerful central and local officials, and the network between them, through which novel policy options are communicated from the bottom up and the top down, is based on informal patron–client relationships. Second, the policymaking process in China is highly maneuverable, as local governments are endowed by the change-oriented central government with broad discretionary powers for testing policies.

By focusing on the versatile features of China's policy experimentation, previous studies have downplayed the ongoing institutionalization process. Since 2013 China has witnessed an official turn to administration in accordance with the law and an overall pursuit of the rule of law. An intensive formulation of rules and regulations has been imposed including with regard to policy experimentation, creating administrative checks and procedural accountability for the functioning

of experimental zones. Analyzing the case of the RREZs, the authors attempt to answer two questions: 1) Why and how does the decentralized policy experimentation be institutionalized? 2) Does such institutionalization facilitate or inhibit the robust policy experimentation that was vital to China's reform?

Establishment of the Rural Reform Experimental Zones

RREZs represent the first use of experimental zones for testing policies in rural areas of China. Prior to the establishment of RREZs in 1987, the central leadership primarily designated experimental zones to test urban economic reforms, such as special economic zones (1979), economic and technological development zones (1984), coastal economic development zones (1985). The idea of RREZs began to crystallize, following the abandonment of collective agricultural production and the introduction of household production system. The latter yielded a great production boom but then led to an abrupt decrease in grain supplies, which finally bottomed out around 1985. The unexpected results gave rise to doubts and debates over the direction of rural reform among both the public and central policymakers, and no consensus was reached regarding further reform projects. One cause of the policy deadlocks was that rural reforms were launched without adequate research input, and the state of stagnation was “quite desperate” [15], as described by Du Runsheng, the then director of the Central Rural Policy Research Office (CRPRO) — China's top thinktank for rural policymaking affiliated with the Secretariat of the Central Committee of the Chinese Communist Party (CCCCP). From 1985 to 1986, the CRPRO frequently sent officials to study how local governments were dealing with issues arising from the reform efforts. Observing that peasants were trying to find their own ways out of the impasse, and that local policy entrepreneurs were making varying attempts to address pressing problems in their jurisdiction and developing adventurous blueprints for further development, Du proposed establishing RREZs to encourage more robust local innovation in the hope that local exploration would inspire nationwide rural reforms.

On Jan. 22, 1987, the CCCCPC passed the *Decision on Deepening the Rural Reforms*, providing the first guidelines for establishing RREZs². The decision required leaders at the provincial level to enhance their supervision of policy experimentation by designing reform programs that would guide the experimentation and drafting instructions for experimentation based on piloting experience. The decision also required that the central government give more leeway to local policymakers to begin experiments that might exceed beyond the boundaries of the current legal and policy system. These requirements and measures signalled official institutional support for local experimentation.

² CCCCPC (the Central Committee of the Chinese Communist Party). *Ba nongcun gaige yinxiang shenru* [Deepening the Rural Reforms]. 22.01.1987. URL: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Gid=109240 (accessed: 20.09.2022) (In Chinese).

The *Decision on Deepening the Rural Reforms* (1987) was not fully implemented at the time, and the first rural experimental zones were set up with a lack of detailed administrative regulations on RREZs; they were guided by the *Opinion on Several Questions on Rural Reform Experimental Zones* copublished by the CRPRO and the Rural Development Research Center (RDRC) of the State Council on March 5, 1987. This Opinion roughly stipulated that experimental zones and experimental projects should be selected through the mutual agreement between the CRPRO and provincial governments. Based on an earlier field investigations and evaluations, the CRPRO selected several pioneering cases and shortlisted experimental sites. Then, an initial consensus between the CRPRO and local governments was reached via central-local interaction, such as, inspection tours for senior leaders, and then was supported through by noninstitutional mechanisms; e.g., in early 1987, the CRPRO and Fuyang Prefectural party committee in Anhui Province signed a task contract confirming their mutual agreement to establish the Fuyang experimental zone [16]. The first 12 rural experimental zones and their pilot tasks were officially validated in two rounds of symposiums hosted by the CRPRO and the RDRC in April and September 1987 to discuss rural reform experimentation with provincial officials from the shortlisted localities.

By the end of 1992, the State Council had authorized 24 experimental zones according to a combination of proposals by central authorities and self-nomination by local officials. In one example of self-nomination in November 1987, in pursuing RREZ status, the Huaihua Prefectural Party Committee and the government in Hunan Province drafted an experimental program proposal for mountain area economic development and launched small-scale tests; in August 1988, they convinced the Hunan provincial leadership to officially designate Huaihua Prefecture as a province-level experimental zone, which would guarantee the prefecture's access to preferential policies for its development. Later, in 1990, during State Councilor Chen Junsheng's inspection tour of Huaihua in April, the provincial and prefectural officials lobbied for RREZ status through multiple central-local interactions and finally obtained it in November. From 1995 to 1997, another six rural experimental zones were ratified through such an informal selection mechanism, and the total number of RREZ sites then remained unchanged until 2014.

In summary, in the initial phase of the RREZ development, the flexible interaction between central and local decision-makers played a key role in establishing the first rural experimental zones, although institutional management tools were emphasized from the very beginning and repeatedly brought to the attention of central leadership. In 1989 on the 40th anniversary of the founding of the PRC, Jiang Zemin noted that the experimental zones should continue conducting pilot projects and building experience with reform, and Song Ping, then committee member of the Central Politburo, emphasized that rural reform experimentation should be continued³.

³ RREZ Office (Rural Reform Experimental Zone Office of the Ministry of Agriculture). *Renshi yu shijian de duihua: Zhongguo nongcun gaige shiyanqu shinian lichen* [A Dialogue between Knowledge and Practice: The 10-year History of Rural Reform Experimental Zone in China]. Beijing: China Agriculture Press; 1997.

In September 1991, the General Office of the State Council held several meetings to discuss the institutional establishment of RREZs.

Nevertheless, most of the institutional arrangements began to take shape only with the release of the *Opinion on Enhancing the Guidance for Rural Reform Experimental Zone under the New Circumstances* by the Ministry of Agriculture (MoA) in 2010 as a direct response to the *Decision on Accelerating Rural Reforms* made during the Third Plenary Session of the 17th CCCCP in 2008 and to the adoption of “a top-level design” of reform principles — a concept that first appeared in the *Proposal on Developing the 12th Five-year Plan* issued on October 18, 2010. The next two sections will illustrate how a unified formal procedure embedded in the hierarchical administrative structure was established for selecting, supervising, and evaluating RREZ sites.

Administration structure of the Rural Reform Experimental Zones

The central management of RREZs has been highly institutionalized from the very beginning of the first phase. According to the *Opinion on Several Questions on Rural Reform Experimental Zones* (1987), the CRPRO was charged with guiding local experimental units and coordinating their work with that of central ministries. The RREZ office was established by the CRPRO and the RDRC in October 1987 to conduct the routine management of local rural experimental zones. To smoothly transfer the administration work from the Party’s branch to a central ministry, in July 1990, the RREZ office was moved to the Rural Economic Research Center founded by the MoA (renamed as Ministry of Agriculture and Rural Affairs in 2018), while, despite the abolishment of the CRPRO and the RDRC in 1989, the former members of the CRPRO continued leading RREZ work until 1991.

Only in accordance with the decision of the State Council in October 1991 were the responsibilities of guiding, managing, and coordinating RREZs officially delegated from the Party’s thinktank, the CRPRO, to the central ministry, the MoA. From then on, the MoA was responsible for all RREZ administration work, while the Party retained leadership in rural reforms by establishing the Central Rural Work Leading Group (CRWLG) on May 19, 1993 and placing the RREZs under its direct supervision. The CRWLG consists of central leaders of the CCP and heads of the MoA; it functions as the top decision-making agency for rural and agricultural development and oversees the rural reform course.

In 1992, the MoA decided to expand the Rural Economic Research Center by setting up four divisions responsible for conducting field research, monitoring the RREZ process, training local officials, and coordinating RREZ-related processes. The decision was necessary given the twofold growth of the number of rural experimental zones in the 1990s, which led to a notable increase in the administrative workload and related complexities and potentially weakened the central government’s supervision of rural policy experimentation. One more move to institutionalize RREZ administration at the central ministerial level was motivated by the *Opinion on Enhancing the Guidance for Rural Reform Experimental Zone*

under the New Circumstances (2010), as it ratified the establishment of the RREZ joint working meeting. The meeting is regularly held by the RREZ office and attended by officials from more than 20 branches of the State Council. Its aim is to jointly set rural reform objectives, discuss experimentation tasks at all RREZ sites, coordinate interministerial work, and select issues of vital importance that need to be re-examined and approved by the CRWLG.

In the first stage of RREZ establishment (1987 to 2010), as direct contact between the central and local governments was the main channel for communicating experimentation tasks, provincial Party committees and governments usually established interim working agencies to assist with RREZ management, arrange field research, conferences, etc., and promote “model experiences” in their respective jurisdictions. The formation of a hierarchical administrative structure for RREZ work at the provincial and local levels was also hindered by the fact that the central RREZ office was affiliated with the Rural Economic Research Center — a government-sponsored social organization lacking subbranches. Thus, from 1991 to 2010, the local (county or prefecture) governments, at the request of the center, directly established local temporary RREZ offices, which in turn enhanced the direct cooperation between the central and the local.

The breakthrough in the formation of the hierarchical administrative structure occurred in 2010. With the issuance of the *Methods for the Management of RREZ Work* by the MoA⁴, the central RREZ office moved from the center to the Bureau of Policies and Regulations of the MoA, and the bureau’s provincial and local branches created RREZ offices accordingly. From then on, the four-level administrative structure comprised the CRWLG at the apex, the MoA and the RREZ joint meeting on the central ministerial level, and RREZ offices on the provincial and local levels; these offices began to serve as the institutionalized organizational and communicative network for RREZ work. This change also demonstrates the central government’s efforts to regularize its support of local pilot projects.

Multilevel Planning and Vertical Check Mechanisms

The management of RREZs in the first (1987–2010) and second (2010 — present) phases demonstrates a distinct contrast between traditional style and modern rule-based policy experimentation in China. In addition to the soaring number of RREZ sites and rural experimentation projects that made the establishment of a hierarchical administration system seem inevitable, public commitment to “rule of law” by the 18th National Congress of the CCP in 2012 and the promotion of overall law-based governance ever since has also reinforced a rule-based RREZ management

⁴ MoA (Ministry of Agriculture). Nongcun gaige shiyanqu gongzuo yunxing guanli banfa [Methods for the Management of Rural Reform Experimental Zone]. 17.11.2010. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2010-11/17/content_1747357.htm (accessed: 12.09.2022) (In Chinese).

model. One of its core tasks — the establishment of governance by law — directly affected reform approaches and the experimentation-based policymaking style specifically. After the adoption of the *Decision on Some Major Issues Concerning Comprehensively Deepening the Reform* during the Third Plenary Session of the 18th CCCCCP in 2013, central Party leadership began emphasizing that fundamental reform projects should abide by laws and regulations.

Consequently, the local self-determined innovative initiatives that were once the hallmark of experimentation were gradually replaced by a top-level design. The RREZ policymaking cycle in the first phase was consistent with the bottom-up model of “experimentation under hierarchy”. For most rural experimental zones established in the early 1990s, experimental tasks were first developed by local policymakers, revised after a discussion with the CRPRO, and then officially approved by the State Council. One example is in Wenzhou County in Zhejiang Province, a rural mountainous area which once had a vibrant household handicraft economy, but which turned into a prefecture-level port and industrial city as a result of the economic reform. This coastal city obtained RREZ status in July 1987, as its pioneering progress in township enterprises and small-town development drew attention from the central government. This example reveals how the RREZ in the first phase served as a platform for the center to identify and disseminate promising local innovative practices that might have nationwide significance.

The center’s influence over experimentation design gained more weight in the middle of the 1990s. For example, soon after the outskirts of the city of Shijiazhuang in Hebei Province were selected as a rural reform experimental zone to explore economic reform approaches for suburban areas in April 1995, the officials of the central RREZ office conducted further field research, drafted 10 experimental programs, organized training courses for the local cadres⁵. During the experimentation period, the central and local officials maintained close communication to routinely discuss the progress and difficulties, and to regularly evaluate and modify the experimental practices. When the second round of RREZ work commenced in 2010, a top-level comprehensive reform plan was created to set rural reform priorities. Under the direction of the CRWLG, the MoA and the RREZ joint meeting formulated six rural reform modules in accordance with the *Opinion on Enhancing the Guidance for Rural Reform Experimental Zone under the New Circumstances* (2010) and assigned them to 24 rural experimental zones. By the end of 2013, the CCCCCP had laid out 336 reform projects, with approximately 15% relating to rural and agricultural development. On July 11, 2014, the MoA published 19 rural reform tasks and announced that new RREZ sites would be recruited

⁵ RREZ Office (Rural Reform Experimental Zone Office of the Ministry of Agriculture). *Renshi yu shijian de duihua: Zhongguo nongcun gaige shiyanqu shinian lichen* [A Dialogue between Knowledge and Practice: The 10-year History of Rural Reform Experimental Zone in China]. Beijing: China Agriculture Press; 1997.

to undertake “pioneering legislation work and explorative projects in line with reform goals of the central government”⁶.

An official “application-authorization” procedure has been adopted to recruit new rural experimental zones. Local governments are required to submit to the central RREZ office proposals for experimental program and apply for RREZ status. The *Opinion on Enhancing the Guidance for Rural Reform Experimental Zone under the New Circumstances* (2010) provides instructions for drafting experimental programs. It requires that an experimental program be congruent with the center’s reform goals and contain sections on experimentation rationale, objectives, operating procedures, expected outcomes, and preparation work. In this way, the reform agenda approved by top decision-makers develops into concrete work plans. This policy experimentation style is described in the public discourse of China as “the central assigns the synopses, the local writes the plays”. Conventionally, provincial RREZ working agencies also help draft experimental programs, mainly by organizing expert consultations, field investigations, and symposiums. According to the *Decision on Deepening the Rural Reforms* (1987), the participation of provincial leadership in the first phase was perceived as a way of managing potential socioeconomic risks in local innovative practice, while since the start of the second phase, provincial leadership has been required to enforce preferential policies, provide guidance and funds for local experimentation, and to ensure the congruence of local efforts with provincial and national reform goals. The supportive and coordinative role of provincial officials is also clearly stipulated in the *Methods for the Management of RREZ Work* (2016).

The hierarchical examination of experimental programs as a formal collective decision-making technique to select RREZ sites has appeared in the second phase. The engagement of provincial governments in the experimentation design functions as the first step of a multilevel examination. Before being submitted to the central RREZ office for approval, experimental programs must first secure the official support of provincial governments. On the central ministerial level, experimental programs still have to pass several rounds of review, first by the MoA or other central ministries, then by the RREZ joint work meeting, and finally by the CRWLG. Throughout the whole process, local and provincial governments respond to feedback, frequently exchange opinions with central government bodies, and revise experimental programs. The collective wisdom helps optimize experimentation plans and reduce the risk of failure. This is especially the case in the context where reform principles have been set beforehand by the top leaders, allowing central ministries of the state to become the key decision-makers in selecting experimental programs. In December 2014, after four months of examination and cooperative

⁶ MoA (Ministry of Agriculture). Nongyebu guanyu zuzhi shenbao di'erpi nongcun gaige shiyanqu he shiyan xiangmu de tongzhi [The Circular about the Second Round of the Selection of Rural Reform Experimental Zones and Experimental Projects]. 11.07.2014. URL: http://www.moa.gov.cn/nybg/b/2014/dbq/201712/t20171219_6111175.htm (accessed: 10.09.2022) (In Chinese).

planning, the MoA officially announced the list of 34 new rural experimental zones and 14 experimental projects in those zones.

Another important change in the administration of RREZs in the second phase is that authorization of the National People's Congress (NPC) — the highest organ of state power and the national legislature of China — is required in advance if rural experiments are to explore policies beyond those set in existing legislation. Unlike experimental points that test “model experiences” within existing policies, some experimental zones may be permitted to undertake a heavier responsibility for “creating a new system alongside, or in the interstices of, the existing one” [17]. These require the center to grant broader flexibility and additional exemptions. The extent to which rural policy experimentation might need to transgress existing regulations has to be specified in the experimental program proposal, and the State Council will officially present a case to the NPC for approval. For rural land system reform, for example, on February 27, 2015, the Standing Committee of the NPC (2015) authorized the State Council to lift several articles of *Land Administration Law* and *Law on Urban Real Estate Administration* in 33 rural experimental zones⁷. When the two-year exemption was going to expire in 2017, the local government requested to prolong the experiments, and the State Council twice applied to the NPC to extend the preferential treatment for another year. This formal NPC authorization strengthens the legal institutionalization of policy experimentation, whereas in the initial phase, it was the RREZ status itself that represented acceptance by central leaders of the local authority's exploration of transformational reforms. As concluded by Chen Xiwen, the former director of the CRPRO, “the present-day RREZ management differs from that in the initial phase in its rule-abiding procedures” [15].

For process control and outcome checks, a regular hierarchical evaluation mechanism has been established. The *Opinion on Enhancing the Guidance for Rural Reform Experimental Zone under the New Circumstances* (2010) requires inspection and assessment before rural experiments can proceed to a second year. Local RREZ offices prepare self-assessment reports and submit them to the central RREZ office after provincial RREZ offices have verified them. At the central level, a combination of assessment by central ministries and third-party evaluation (usually by experienced experts and scholars) has been adopted. The introduction of third-party evaluation in the management of RREZ followed the burgeoning development of external government performance evaluation in China since the early 2000s and aimed to enhance the objectiveness, professionalism, and credibility of the evaluation. Based on the inspection findings and the results of both

⁷ NPC (National People's Congress). Quanguo renmin daibiao dahui changwu weiyuanhui guanyu shouquan guowuyuan zai Beijing shi Daxing qu deng 33 ge shidianxian (shi, qu) xingzheng quyu zanshi tiaozheng shishi youguan falu guiding de jue ding [The Decision of the Standing Committee of the National People's Congress on Authorizing the State Council to Temporarily Adaptively Abide by the Law in Daxing District of Beijing and Other 32 Experimental Counties (Cities, and Districts)]. 28.02.2015. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-02/28/content_2822866.htm (accessed: 10.09.2022) (In Chinese).

hierarchical and external evaluations, the central RREZ office compiles an annual report on RREZs and presents it to the CRPRO. The annual report presents the successes of the experiment that may “proceed from point to surface”, or be applied on a wider scale, and the less successful efforts from which lessons should still be learned. It also provides suggestions about further deployment of rural reforms. Rural experimental zones that are twice rated as “unqualified to further implement experimental programs” will lose their RREZ status.

Conclusions

The case of RREZs illustrates the critical changes in the experimentation-based policymaking style of China. RREZ management in the initial phase (1987–2010) largely fell into Heilmann’s description of “experimentation under hierarchy”, in which policy options are selected from decentralized local reform initiatives and tested in experimental zones before being translated into national policies. The support of top decision-makers, broad discretionary power of local policy entrepreneurs, and direct flexible interaction between them are perceived as key elements of the versatile, pragmatic policymaking approach of China. Although such policy style stands in sharp contrast to legislation-centered policy approaches, the second phase of RREZ work (2010 — present) has witnessed a tendency toward the institutionalization of policy experimentation.

The institutionalization involves the establishment of a hierarchical RREZ management system that is embedded in the bureaucratic government structure and under the leadership of the central. This hierarchically structured organization specifies the responsibilities of central, provincial, and local Party and administration bodies; facilitates a transition to official top-level design and systematic planning; and enhances the administrative supervision of experimental zones. Formal rules on RREZ management have also been established to provide governance tools for interministerial coordination, multilevel collective planning and examination, hierarchical and third-party evaluation, and authorization for transformational local trials. The rule-based management model strengthens the procedural stability, legality, and political accountability of the experimentation-based policymaking cycle in China.

These features show that since 2010 policy experimentation in China has emphasized top-down design of reform policies and hierarchical collaboration in experimental programs more than the decentralized discretionary power local authorities once had. As a result, highly institutionalized, rule-based local trials of novel policy options have replaced so-called guerrilla-style policy experimentation. At least two driving forces have contributed to this turn in policymaking style. The first was the commitment to rule of law with Chinese characteristics and the overall emphasis on more formal law-abiding governance since 2012. Second was the integration of the top-level design into China’s reform logic at the end of 2010.

Some researchers interpret this switch in policymaking styles as a sign of a notable reduction in experimentation and a dramatic decline in decentralized

policy entrepreneurship. Such argumentation is based on the premise that top-down reform design and bottom-up policy exploration are incompatible, as is flexible discretionary experimentation and rule-based hierarchical management. However, the history and recent development of the RREZs shows that the unorthodox policy experimentation has been gradually adapted to function smoothly within China's hierarchical bureaucratic structure governed by formal rules and this rule-based experimentation model in fact continues much of the legacy of the traditional model. For example, the “application-authorization” procedure guarantees that local authorities' innovative initiatives and pioneering experiences are still key to obtaining RREZ status. Moreover, the institutionalization of RREZ work promotes formal endorsement of local experimental programs and, together with the central's guidelines on reform priorities, still encourages local officials to embrace the risks inherent in policy experimentation. It can be concluded that the case of RREZs demonstrates how the bottom-up decentralized policy experimentation model has been adapted to the instigation of top-level design and the construction of overall governance based on law, while retaining its function as a laboratory for the most intensive policy trials for China's ongoing socioeconomic reforms.

REFERENCES

1. Husain L. Policy experimentation and innovation as a response to complexity in China's management of health reforms. *Globalization and Health*. 2017;13(1):54. <https://doi.org/10.1186/s12992-017-0277-x> EDN: LINFNA
2. Perry EJ, Heilmann S. Embracing uncertainty: Guerrilla policy style and adaptive governance. Chap 1. In *Mao's invisible hand: the political foundations of adaptive governance in China*. Cambridge: Harvard University Press; 2011. 336 p.
3. Heilmann S. Policy experimentation in China's economic rise. *Studies in Comparative International Development*. 2008;43(1):1–26.
4. Chen X. Forty years of rural reform in China: retrospect and future prospects. *China Agricultural Economic Review*. 2019;11(3):460–470. <https://doi.org/10.1108/CAER-08-2018-0162>
5. Heilmann S. *Experimentation under hierarchy: policy experiments in the reorganization of China's state sector, 1978–2008*. Cambridge MA: Centre for International Development, Harvard University. 2008. p.19.
6. Heilmann S. From local experiments to national policy: the origins of China's distinctive policy process. *The China Journal*. 2008;59:1–30.
7. Sachs J, Woo WT. Structural factors in the economic reforms of China, Eastern Europe and the former Soviet Union. *Economic Policy* 1994;9(18):101–145. <https://doi.org/10.2307/1344459>
8. Xu Ch. The fundamental institutions of China's reforms and development. *Journal of Economic Literature*. 2011;49(4):1076–1151. <https://doi.org/10.1257/jel.49.4.1076>
9. Cai H, Treisman D. Did government decentralization cause China's economic miracle? *World Politics*. 2006;58(4):505–535.
10. Wang G. Principle-guided policy experimentation in China: from rural tax and fee reform to Hu and Wen's abolition of agricultural tax. *The China Quarterly*. 2019;237:38–57. <https://doi.org/10.1017/S0305741018001224>
11. Wang Sh. Learning and adapting: the case of rural healthcare financing in China. *China Social Sciences*. 2008;6:111–13. (In Chinese).
12. Heilmann S. Maximum tinkering under uncertainty: unorthodox lessons from China. *Modern China*. 2009;35(4):450–462.

13. Mei C, Liu Zh. Experiment-based policy making or conscious policy design? The case of urban housing reform in China. *Policy Sciences*. 2014;47:321–337. <https://doi.org/10.1007/s11077-013-9185-y>
14. Li LC. Working for the peasants? Strategic interactions and unintended consequences in the Chinese rural tax reform. *The China Journal*. 2007;57:89–106.
15. Chen L, Niu Zh. Gaige yongyuan zai lushang, Shidian shiyan ye yongyuan zai lushuang [Reform is always on the way. Experimentation is always on the way]. *Bulletin for Rural Work*. 2019;4:19–24. (In Chinese).
16. Sun X. Zhudong biange de changshi: laizi Fuyang nongcun gaige shiyanqu de baogao [The policy change initiatives: A report from fuyang rural reform experimental zone]. *Outlook Weekly*. 1988;22(22):7–9. (In Chinese).
17. Naughton B. *The Chinese economy: transitions and growth*. Cambridge, Mass.: MIT Press; 2007.

Information about the authors:

Yan Liu — PhD in Political Science, Associate Professor of School of Journalism and New Media, Xi'an Jiaotong University, 28 Xianning West, Xi'an, 710049, China (ORCID: 0000-0002-0035-3493) (e-mail: karenly_62@mail.ru).

Zhenhua Huang — PhD in Law Science, Professor of Institute for China Rural Studies, Central China Normal University, 152 Luoyu, Wuhan, 430079, China (ORCID: 0009-0006-2641-6014) (e-mail: zhh0626@163.com).

Информация об авторах:

Лю Янь — кандидат политических наук, доцент Школы журналистики и новых медиа, Сианьский университет Цзяотун, Китай, 710049, Сиань, ул. Сяньнин Си, д. 28 (ORCID: 0000-0002-0035-3493) (e-mail: karenly_62@mail.ru).

Хуан Чжэньхуа — доктор юридических наук, профессор Института сельских исследований Китая, Центрально-китайский педагогический университет, Китай, 430079, Ухань, ул. Лояй, д. 152 (ORCID: 0009-0006-2641-6014) (e-mail: zhh0626@163.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-1-22-28

EDN: WVAEGX

Краткое сообщение / Note

Подсистема информационного взаимодействия в системе сбора медицинских статистических данных

А.А. Лисненко¹ , В.А. Асмус¹ , Т.А. Асмус²

¹Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), Москва, Россия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
 asmus.veronika.a@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — описать конфигурацию и топологию брокера сообщений для асинхронной и надежной передачи данных в подсистеме информационного взаимодействия в рамках модернизации системы сбора и обработки медицинских статистических данных. Использована информация из нормативно-правовых актов, федерального закона в сфере здравоохранения, а также актуальные исследования в области передачи данных. В рамках цифровой трансформации системы здравоохранения осуществляется оптимизация процесса сбора медицинских статистических данных, одним из инструментов оптимизации является внедрение электронного медицинского документооборота, где каждый документ представлен в виде структурированного электронного медицинского документа. Главные преимущества оптимизации — возможность получать информацию в режиме реального времени, асинхронность процесса обмена сообщениями и упорядочение потока медицинских данных во времени. Для обеспечения работы информационной системы необходимо настроить подсистему информационного взаимодействия между источниками медицинских данных и центрами их обработки. В качестве такой подсистемы авторы предложили использовать программу-посредник для асинхронной передачи сообщений. Программа, реализующая паттерн проектирования, — брокер сообщений. Описаны преимущества брокера сообщений Apache Kafka. Внедрение подобной подсистемы позволяет изменить систему информационного взаимодействия между административными уровнями, таким образом, что верхние уровни могут напрямую получать исходные необработанные данные с нижних уровней. При этом количество кластеров Apache Kafka зависит от количества административных единиц, за которыми закреплены медицинские учреждения.

Ключевые слова: брокер сообщений, медицинская статистика, Apache Kafka, обмен сообщениями, асинхронная передача данных, электронный документооборот

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции исследования, написания текста рукописи, формулировке выводов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 05.11.2024; принята к публикации 26.12.2024.

Для цитирования:

Лисненко А.А., Асмус В.А., Асмус Т.А. Подсистема информационного взаимодействия в системе сбора медицинских статистических данных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 1. С. 22–28. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-22-28>

© Лисненко А.А., Асмус В.А., Асмус Т.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Subsystem of information interaction in the system of collecting medical statistical data

Alexander A. Lisnenko¹, Veronica A. Asmus¹ ✉, Timofey A. Asmus²

¹I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), *Moscow, Russian Federation*

²RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

✉ asmus.veronika.a@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is describing the configuration and topology of a message broker for asynchronous and reliable data transmission in the information interaction subsystem as part of the modernization of the system for collecting and processing medical statistical data. Information from regulatory and legal acts, federal law, as well as data on current research in the field of data transmission were used. Medical statistics is a branch of statistics that includes data on medicine, public health, and the activities of medical organizations. Medical statistics allow the most efficient allocation of limited health resources. The introduction of digital technologies contributes to the effective collection of medical statistics. As part of the digital transformation of the healthcare system, the process of collecting medical statistics is being optimized. One of the optimization tools is the introduction of electronic medical document management, where each document is presented in the form of a structured electronic medical document. An example of structuring an electronic document for medical statistics is documents structured in accordance with the international standard for the exchange of statistical data and metadata — Statistical data and metadata exchange. The main advantages of optimization are the ability to receive information in real time, the asynchrony of the messaging process and the ordering of the flow of medical data over time. To ensure the operation of the information system, it is necessary to configure the subsystem of information interaction between medical data sources and their processing centers. As such a subsystem, we suggest using an intermediary program for asynchronous message transmission. A program that implements the message broker design pattern. The study describes the advantages of the Apache Kafka message broker. The introduction of such a subsystem makes it possible to change the system of information interaction between administrative levels, so that the upper levels can directly receive the initial raw data from the lower levels. At the same time, the number of Apache Kafka clusters depends on the number of administrative units that medical institutions are assigned to.

Keywords: message broker, medical statistics, Apache Kafka, messaging, asynchronous data transmission, electronic document management

Contribution. All authors participated in developing the concept of the study, writing the text of the manuscript, and formulating the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 05.11.2024. The article was accepted on 26.12.2024.

For citation:

Lisnenko AA, Asmus VA, Asmus TA. Subsystem of Information Interaction in the System of Collecting Medical Statistical Data. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(1):22–28. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-22-28>

Введение

Цифровая трансформация системы здравоохранения — это процесс внедрения новой модели работы медицинских организаций и органов управления в них. Главной целью цифровой трансформации системы здравоохранения является сохранение жизни и здоровья людей, повышение ожидаемой

продолжительности жизни до 78 лет¹. Взаимодействие всех уровней управления в медицине осуществляется при помощи единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)². В данной системе используется электронный медицинский документооборот (ЭМДО) на основе структурированных электронных медицинских документов (СЭМД)³. Пример таких документов — медицинские статистические данные, структурированные в соответствии со стандартом SDMX [1]. Использование единого цифрового пространства позволяет обмениваться информацией о деятельности лечебно-профилактических учреждений, а затем совершенствовать и модернизировать систему оказания медицинской помощи жителям регионов [2]. Использование подобной системы повышает достоверность статистических медицинских данных и помогает эффективно маневрировать ограниченными ресурсами здравоохранения [3].

До модернизации системы медицинской статистики передача данных осуществлялась с муниципального уровня на региональный, а затем с регионального на федеральный уровень. Таким образом, федеральный уровень не имел доступа к исходным данным с муниципального уровня, а значит невозможно было проверить их актуальность. Каждый субъект предоставлял отчеты на магнитном и бумажном носителе в двух экземплярах. Передача электронных документов осуществлялась через электронную почту или предоставлялась на магнитном носителе. При такой схеме взаимодействия между федеральным и региональным центрами часто встречались несоответствия медико-статистической информации и требовалось обеспечить процесс корректировки ошибок в статистических данных непосредственно сотрудниками региональных медицинских информационно-аналитических центров (МИАЦ).

После модернизации системы медицинской статистики федеральный уровень может получать данные с любого из нижестоящих уровней в режиме реального времени [2]. Для обеспечения такого обмена данными между всеми уровнями необходима подсистема информационного взаимодействия. В качестве такой подсистемы может выступать специальное программное обеспечение — брокер сообщений. Мы рассматриваем логическую топологию брокеров сообщений и их конфигурацию.

Цель исследования — описать конфигурацию и топологию брокера сообщений для асинхронной и надежной передачи данных в подсистеме информационного взаимодействия в рамках модернизации системы сбора и обработки медицинских статистических данных.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 10.10.2024).

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: текст с изменениями и дополнениями на 2024 год. М. : Эксмо, 2024. С. 152–157.

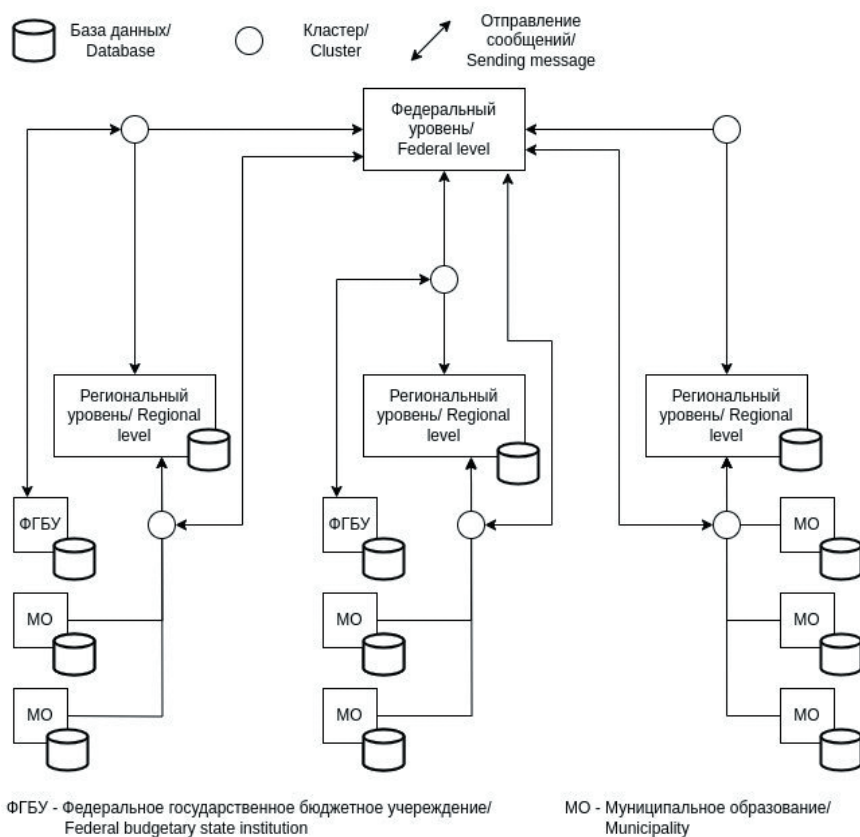
³ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 7 сентября 2020 г. № 947н «Об утверждении Порядка организации системы документооборота в сфере охраны здоровья в части ведения медицинской документации в форме электронных документов». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=474675> (дата обращения: 10.10.2024).

Материалы и методы

Использована информация из нормативно-правовых актов, федерального закона в сфере здравоохранения, а также данные об актуальных исследованиях в области передачи данных.

Результаты

В качестве подсистемы информационного взаимодействия мы предлагаем использовать брокер сообщений [4] Apache Kafka с открытым исходным кодом [5]. Брокер сообщений паттерн проектирования, при котором ответственность за доставку сообщений между сервисами возлагают на некоторую программу посредник. Предлагаем использовать следующую логическую топологию для обмена данными между уровнями (рис.).

Кластер — объединение 2 брокеров сообщений под управляющей системой Zookeeper или Kraft / The cluster is a union of 2 message brokers under the management system Zookeeper or Kraft.

Схема взаимодействия с использованием брокеров сообщений: ФГБУ отправляют данные на федеральный уровень, минуя региональный уровень

Источник: выполнил Т.А. Асмус.

Diagram of interaction with use message brokers: a federal budgetary state institution send data to the federal level, bypassing the regional level

Source: made by T.A. Asmus.

Рассмотрим теперь конфигурацию кластеров. Мы предлагаем использовать следующую конфигурацию для всех кластеров: 2 брокера в кластере, один топик в каждом брокере (топик — это логическое разделение сообщений на темы), настройки брокеров в кластере: *фактор репликации*: 1, т.е. копирование данных на второй брокер в кластере; *время хранения файла в оперативной памяти перед сбросом на диск*: 0 секунд; *максимальный размер раздела* (раздел — количество памяти выделенное для хранения последовательности полученных сообщений): неограничен; *максимальный размер сообщения от продюсера* (программа, отправляющая данные в брокер): неограничен; *время в часах, в течении которого файлы будут храниться на брокере*: 4380 (6 месяцев); *политика очистки логов* (лог — история получения сообщений): хранить столько же, сколько и сообщения в брокере — 6 месяцев. Остальные настройки брокера и кластера предлагаем оставить без изменений.

Обсуждение

Опишем, как использование брокера сообщений исправляет недостатки системы передачи медицинских данных до ее модернизации.

Apache Kafka — программа с открытым исходным кодом — является одной из наиболее распространенных реализаций паттерна брокер сообщений [6; 7].

Выше мы отметили, что до модернизации передача данных происходила таким образом, что федеральный уровень не мог составить объективное представление о событиях, происходящих на муниципальном уровне и была необходима физическая передача данных в места их обработки и дальнейшее их преобразование в электронный формат или ручной перенос в систему обработки данных, а если на каком-либо уровне возникали ошибки или неточности в обработке или передаче данных, то эти документы необходимо было запросить заново, в результате чего увеличивается время, за которое данные дойдут до федерального уровня. Также эта модель подвержена ошибкам, связанным с человеческим фактором.

Использование брокера сообщений исправляет эти проблемы. Мы предлагаем объединить учреждения на муниципальном уровне в группы, например, по территориальному признаку, и каждую такую группу подключить к своему кластеру. Использование кластера повысит надежность использования брокера: если основной брокер выйдет из строя, другой примет на себя нагрузку. Аналогично предлагаем сделать и на региональном уровне. Следует разместить кластеры брокеров между уровнями (см. рис.). Каждый уровень должен загружать данные в свой кластер, и каждый вышестоящий уровень будет иметь доступ к кластерам брокеров из нижестоящего уровня.

При таком подходе у федерального уровня будет возможность получать исходные данные в любое время как с регионального, так и муниципального

уровня, что может повысить эффективность использования ресурсов здравоохранения. При такой модели обмена данными уменьшается задержка передачи данных, а значит вышестоящие уровни будут получать информацию с нижестоящих уровней более оперативно. Процесс чтения данных из брокера можно настроить таким образом, чтобы переданная в них информация сразу попадала в необходимые БД без участия человека.

Apache Kafka позволяет хранить переданные ему данные в течение заданного промежутка времени (время жизни сообщения), в т.ч. неограниченно. При неограниченном хранении сообщений со временем потребуются огромный объем дискового пространства, поэтому мы предлагаем хранить сообщения 6 месяцев. В отличие от многих других брокеров, Kafka не удаляет сообщения после их прочтения принимающей стороной. Следовательно, все уровни смогут читать данные из доступных им брокеров в любое время неограниченное количество раз в течение жизни сообщения.

Помимо асинхронности передачи данных и удобства масштабирования, Kafka гарантирует доставку сообщения до принимающей стороны. Также Kafka предоставляет возможность регулирования нагрузки на компьютер принимающей стороны, благодаря тому что консумер — программа, читающая данные из брокера, — считывает данные через заранее заданные промежутки времени или по требованию принимающей стороны.

Заключение

Для обеспечения обмена медицинскими статистическими данными в режиме реального времени в системе медицинской статистики целесообразно использовать Apache Kafka — программу, реализующую паттерн проектирования — брокер сообщений. Главным преимуществом ее использования является гарантия доставки сообщений до получателя и возможность их асинхронной передачи.

Подобная подсистема информационного взаимодействия позволит достаточно быстро обмениваться данными между всеми уровнями взаимодействия в системе сбора и обработки медицинских статистических данных, что позволит более рационально распределять ограниченные ресурсы системы здравоохранения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башина О.Э., Комкова Н.А., Матраева Л.В., Косолапова В.Е. Будущее международного обмена статистическими данными и новые проблемы взаимодействия // Вопросы статистики. 2019. Т. 26. № 7. С. 55–66. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-7-55-66> EDN: IMYRTT
2. Зарубина Т.В., Швырев С.Л., Соловьев В.Г., Раузина С.Е., Родионов В.С., Пензин О.В., Сурин М.Ю. Интегрированная электронная медицинская карта: состояние дел и перспективы // Врач и информационные технологии. 2016. № 2. С. 35–44. EDN: WMOTPH
3. Блюм В.С. Инновационная государственная система медицинской статистики // Актуальные проблемы экономики и управления. 2015. № 2 (6). С. 80–88. EDN: TWTVMВ

4. Samtani G., Sadhwani D. Integration brokers and Web services // *Web Services Business Strategies and Architectures*. Birmingham: Apress, 2002. P. 71–84. <https://doi.org/10.1007/978-1-4302-5356-3>
5. Скотт Д., Гамов В., Клейн Д. *Кafka в действии* / пер. с англ. А.Н. Киселева. М. : ДМК Пресс, 2022. 310 с.
6. Рахматулин Т.Г. Сравнительный анализ Apache Kafka и RabbitMQ // *Актуальные исследования*. 2022. № 49 (128). С. 35–40. https://doi.org/10.51635/27131513_2022_49-1_35 EDN: ESRFWG
7. Линева Ф.А. Обзор систем обмена сообщениями // *Молодой ученый*. 2017. № 19 (153). С. 29–32. EDN: YNVUHT

REFERENCES

1. Bashina O, Komkova N, Matraeva L, Kosolapova V. The future of international statistical data sharing and new issues of interaction. *Voprosy statistiki*. 2019;26(7):55–66. (In Russ). <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-7-55-66> EDN: IMYRTT
2. Zarubina T, Shvyrev S, Solovyev V, Rauzina S, Rodionov V, Penzin O, Surin M. Integrated electronic health record: status and prospects. *Medical Doctor and IT*. 2016;(2):35–44. (In Russ.). EDN: WMOTPH
3. Blum VS. Innovative System State Medical Statistics. *Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniya*. 2015;(2):80–88. (In Russ.). EDN: TWTVMB
4. Samtani G, Sadhwani D. Integration brokers and Web services. *Web Services Business Strategies and Architectures*. Birmingham: Apress; 2013:71–84. <https://doi.org/10.1007/978-1-4302-5356-3>
5. Scott D, Gamow V, Klein D. *Kafka in Action*. Moscow: DМК Press; 2022. (In Russ.).
6. Rakhmatulin TG. Comparative analysis of Apache Kafka and RabbitMQ. *Aktual'nye issledovaniya*. 2022;(49):35–40. (In Russ.). https://doi.org/10.51635/27131513_2022_49-1_35 EDN: ESRFWG
7. Linev FA. Obzor sistem obmena soobshcheniyami [Review of messaging systems]. *Young Scientist*. 2017;(19):29–32. (In Russ.). EDN: YNVUHT

Информация об авторах:

Лисненко Александр Алексеевич — преподаватель кафедры информационных и интернет-технологий, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), Россия, 119048, Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2 (ORCID: 0000-0003-3625-3715) (e-mail: lisnenko_a_a@staff.sechenov.ru)

Асмус Вероника Андреевна — студент 4 курса лечебного факультета, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), Россия, 119048, Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2. (e-mail: asmus.veronika.a@mail.ru)

Асмус Тимофей Андреевич — магистрант инженерной академии, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (ORCID: 0009-0009-1642-4135) (e-mail: asmus.tim.a@gmail.com)

Information about the authors:

Alexander A. Lisnenko — Lecturer at the Department of Information and Internet Technologies, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), 8 Trubetskaya st., bldg. 2, Moscow, 119048, Russian Federation (ORCID: 0000-0003-3625-3715) (e-mail: lisnenko_a_a@staff.sechenov.ru)

Veronica A. Asmus — 4th Year Student of the Faculty of Medicine, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), 8 Trubetskaya st., bldg. 2, Moscow, 119048, Russian Federation. (e-mail: asmus.veronika.a@mail.ru)

Timothy A. Asmus — Master Student of the Academy of Engineering, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation (ORCID: 0009-0009-1642-4135) (e-mail: asmus.tim.a@gmail.com)

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-1-29-46

EDN: WTOBQD

Research article / Научная статья

Colonial heritage and urban development: a critical study of Zimbabwe's local government system

Sylvester Marumahoko¹ , Norman T. Nhede²

¹Zimbabwe Open University, Harare, Zimbabwe

²University of Pretoria, Gauteng, South Africa

 marumahokos@gmail.com

Abstract. The study engaged on the question of, how have colonial legacies shaped the contemporary local government system in Zimbabwe, and what implications do these historical influences have for urban development and governance in the country today? This question allowed for an exploration of the ways in which colonial policies and practices have influenced current governance structures, urban planning, and development challenges, providing a critical framework for analyzing the ongoing impacts of colonialism in Zimbabwe. The study was informed by qualitative and archival research methodologies. It also drew from post-colonial, dependency, inclusive urbanism, sustainable urban development, urban political ecology, globalization and urbanization, informal economy and urbanization livelihoods and decolonization of urban planning theories. The study found that the colonial past of Zimbabwe has indeed left a complex tapestry of enduring challenges, including spatial segregation, economic inequalities, and tensions within local urban governance systems.

Keywords: colonialism, Africa, urban local government, politics

Contribution. All the authors participated in the development of the concept of this article, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 12.12.2024. The article was accepted on 12.01.2025.

For citation:

Marumahoko S, Nhede NT. Colonial heritage and urban development: a critical study of Zimbabwe's local government system. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(1):29–46. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-29-46>

Колониальное наследие и городское развитие: исследование системы местного самоуправления Зимбабве

С. Марумахоко ¹, Н.Т. Нхедзе²

¹Открытый университет Зимбабве, Хараре, Зимбабве

²Университет Претории, Гаутенг, ЮАР

 marumahokos@gmail.com

Аннотация. Показано, каким образом колониальная политика и практика повлияли на современные структуры управления, городское планирование и проблемы развития, обеспечив важную основу для анализа продолжающихся последствий колониализма в Зимбабве. В основу исследования положены качественные методы и использование архивных материалов. Также были использованы следующие подходы и концепции: постколониальный, зависимое развитие, инклюзивный урбанизм, теории устойчивого городского развития, городская политическая экология, глобализация и урбанизация, неформальная экономика, а также теории деколонизации городского планирования. Отмечено, что колониальное прошлое Зимбабве действительно оставило после себя сложный след из постоянных проблем в местных системах городского управления, включая пространственную сегрегацию, экономическое неравенство и напряженность.

Ключевые слова: колониализм, Африка, городские органы местное самоуправление, политика

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции обзора, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 12.12.2024; принята к публикации 12.01.2025.

Для цитирования:

Marumahoko S., Nhede N.T. Colonial heritage and urban development: a critical study of Zimbabwe's local government system // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 1. С. 29–46. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-29-46>

Introduction and Statement of the Problem

Zimbabwe's urban landscape is a complex tapestry woven from threads of history, politics, and socio-economic dynamics. The remnants of colonial governance have left an indelible mark on the country's local government systems and urban development practices. From the spatial segregation enforced during colonial rule to the persistent inequalities that characterize contemporary cities, the legacy of colonialism continues to shape the urban environment in Zimbabwe. Despite the significance of these issues, the critical influence of Zimbabwe's colonial past on its urban development has not been thoroughly examined in academic literature. Most existing studies tend to focus on broader post-colonial transitions or specific urban policies without delving into how historical governance structures inform current practices. This oversight limits our understanding of the challenges facing local governments in addressing urbanization, service delivery, and social

equity. The article seeks to fill this gap by critically analyzing how colonial heritage has influenced the current local government system in Zimbabwe and its implications for urban development. By exploring specific case studies and drawing on theoretical frameworks, the research aims to uncover the underlying mechanisms that perpetuate colonial legacies in urban governance. Ultimately, it argues that a deeper understanding of this relationship is essential for formulating effective policies that promote inclusive and sustainable urban development in Zimbabwe.

The article flows as follows: introduction and statement of the problem, historical context of colonialism in Zimbabwe, early colonial encroachment, establishment of control, resistance and conflict, socio-economic impact, existing research, disruption of traditional governance structures, racial segregation and urban planning, economic inequality and urban poverty, theoretical considerations, the development of urban local government during the colonial era, early colonial period (1890s–1910s), mid-colonial period (1920s–1940s), late colonial period (1950s–1970s), post-independence transition (1980–2024), research methodology, findings, discussions and impact of colonial policies, comparison of local government systems, and concluding remarks.

Historical Context of Colonialism in Zimbabwe

Colonialism in Zimbabwe, formerly known as Southern Rhodesia, began in the late 19th century and profoundly transformed the country's social, political and economic landscape. The arrival of British settlers under Cecil John Rhodes led to the appropriation of land and resources, displacing indigenous communities and disrupting traditional ways of life [1]. Economically, the colonial regime established a dual economy: a modern sector benefiting settlers and a subsistence economy relegating local populations to labor-intensive roles on farms and in mines. Politically, the imposition of colonial rule marginalized African voices and governance systems, culminating in a racially discriminatory political framework. This oppression spurred resistance movements, notably the nationalist struggles of the mid-20th century, which sought to reclaim sovereignty and rights. The eventual liberation war and independence in 1980 marked a significant turning point, but the legacies of colonialism continue to influence Zimbabwe's challenges, including issues of land reform, economic inequality, and social division.

Early Colonial Encroachment

In the 1880s, European powers, particularly Cecil John Rhodes and the British South Africa Company (BSACo), began their incursion into Zimbabwe, claiming land and resources [2]. The 1888 Rudd Concession was a pivotal agreement that granted Rhodes and his British South Africa Company (BSACo) extensive rights to extract minerals in what is now Zimbabwe. Negotiated with King Lobengula of the Ndebele, the concession was ostensibly framed as a treaty for cooperation and development. Rhodes, seeking to expand British interests in Southern Africa, used

the agreement to secure mining rights across vast territories. The concession was, however, marred by ambiguity and misunderstandings, as King Lobengula later claimed he had not fully comprehended its implications. The BSACo subsequently exploited the agreement to establish a colonial foothold, leading to the displacement of local communities and intensified mining activities, particularly in gold and copper. The Rudd Concession marked the beginning of a colonial enterprise that would profoundly impact Zimbabwe's economic landscape and set the stage for ongoing tensions between indigenous populations and colonial authorities. This exploitation of resources laid the groundwork for future conflicts and contributed to the enduring legacies of colonialism in the region.

Establishment of Control

By the early 1900s, the British South Africa Company (BSACo) solidified its control over Southern Rhodesia, leading to widespread displacement of indigenous populations [3]. The imposition of colonial rule disrupted traditional land use and social structures, as vast areas were appropriated for settler farms and mines. This displacement not only stripped communities of their land but also their livelihoods and cultural ties to the land. The Land Apportionment Act of 1930 further entrenched racial segregation, institutionalizing policies that favored white settlers at the expense of black Zimbabweans. This legislation allocated the most fertile and productive land to white farmers, while black populations were forced into arid and less arable regions, severely limiting their agricultural potential and economic opportunities. This systematic dispossession sowed deep social and economic inequalities that persisted long after the colonial era. It laid the groundwork for widespread discontent and resistance movements, which would later gain momentum during the mid-20th century as nationalist leaders rallied against colonial rule. The impact of these policies can still be felt today, as land ownership and access remain contentious issues in Zimbabwe's socio-political landscape.

Resistance and Conflict

Indigenous resistance to colonial rule in Zimbabwe manifested prominently during the First Chimurenga (1896–1897), a significant uprising against British colonial authorities [4]. Sparked by widespread discontent over land dispossession, forced labor, and the erosion of traditional governance structures, the Chimurenga united various ethnic groups, including the Shona and Ndebele, in a collective fight for sovereignty and cultural preservation. The uprising was characterized by guerrilla warfare and local mobilization, as leaders like Nehanda Nyakasikana and Kaguvi inspired resistance against the colonial forces. However, the British response was brutal and repressive. They deployed a well-equipped military, employing tactics such as scorched earth policies and mass executions to quash the rebellion. This violent suppression not only resulted in significant loss of life but also reinforced the colonial regime's authority, instilling fear within indigenous communities [5].

The aftermath of the First Chimurenga saw the imposition of stricter controls and increased militarization of the colony. Colonial authorities implemented harsher laws and intensified surveillance, further marginalizing the local population. Despite the defeat, the spirit of resistance endured, laying the groundwork for future liberation movements and symbolizing a continuous struggle against oppression that would ultimately culminate in the second Chimurenga in the 1960s and 1970s. The legacies of these uprisings continue to resonate in Zimbabwe's ongoing quest for social justice and equality.

Socio-Economic Impact

Colonial policies in Zimbabwe profoundly disrupted traditional governance structures and social systems [6]. The British South Africa Company (BSACO) imposed a centralized authority that sidelined local leaders and traditional chiefdoms, undermining indigenous governance systems that had effectively managed communities for generations. This marginalization not only diminished the authority of local leaders but also eroded cultural practices and communal bonds. Economically, the colonial regime favored white settlers, who were given access to the most fertile land and lucrative resources. This exploitation created a stark economic divide, with black Zimbabweans relegated to poorly resourced areas and forced to work as laborers on settler farms and in mines under harsh conditions. The resulting poverty and disenfranchisement were widespread, as indigenous populations were stripped of their rights to land ownership and self-determination. As a consequence, many black Zimbabweans faced limited access to education and healthcare, perpetuating cycles of poverty and inequality. The loss of land and autonomy fueled resentment and resistance, sowing the seeds for future uprisings. The enduring impact of these colonial policies is evident in contemporary Zimbabwe, where issues of land reform, economic disparity, and the struggle for political representation continue to resonate, reflecting a legacy that challenges the nation's path toward equity and justice.

Existing Research of Colonial Impact on Urban Governance

This is engaged under three subheadings, (1) disruption of traditional governance structures, (2) racial segregation and urban planning, and (3) economic inequality and urban poverty.

Disruption of Traditional Governance Structures

Through his scholarship, Mlambo provides a comprehensive analysis of how colonialism fundamentally altered governance structures in Zimbabwe, emphasizing the long-term implications of these changes for contemporary society and governance [7]. His work is essential for understanding the historical context of current governance challenges in the country. Mlambo emphasizes that colonial authorities systematically

marginalized local leaders and traditional governance systems. By replacing indigenous governance with centralized colonial administration, the colonial regime dismantled established power structures, leading to a loss of community cohesion and authority. Mlambo emphasize that the imposition of centralized colonial authority disrupted established social hierarchies and governance practices, creating a disconnect between local populations and governing bodies.

Racial Segregation and Urban Planning

According to Chikanda, urban planning during colonial rule enforced strict spatial segregation, with designated areas for white settlers and separate, often substandard, areas for black Zimbabweans [8]. This meant that white communities had access to better housing, services, and infrastructure, while black communities were relegated to less desirable, overcrowded areas with inadequate facilities. The segregation was supported by various laws and policies, such as the Land Apportionment Act of 1930, which formalized land divisions along racial lines. This act allocated the most fertile land to white settlers while restricting black populations to marginal, less productive land. The segregation not only affected physical space but also reinforced economic inequalities. Black Zimbabweans were largely limited to low-paying labor jobs and had restricted access to economic opportunities, which further entrenched social and economic divides. Racial segregation fostered social isolation between communities, creating a divide that affected interactions and relationships among different racial groups. This separation contributed to a lack of mutual understanding and increased tensions that persisted even after independence.

Economic Inequality and Urban Poverty

Ranger argues that the economic policies implemented during colonial rule systematically disadvantaged black Zimbabweans. These policies favored white settlers in terms of land ownership, access to resources, and employment opportunities, creating a stark divide between racial groups [4]. He details how black Zimbabweans were largely confined to low-wage labor in mines and on settler farms. The economic structures established during this time perpetuated cycles of poverty, as many families struggled to meet basic needs while working in exploitative conditions. Ranger examines the rapid urbanization that occurred as black populations migrated to cities in search of better opportunities. However, he notes that this influx often resulted in overcrowded, informal settlements with inadequate infrastructure and services, further entrenching urban poverty. His work highlights how racial segregation not only affected where people lived but also their economic prospects. Black communities were often relegated to the outskirts of urban centers, facing limited access to jobs, education, and healthcare. Rodney emphasizes that the economic inequalities created during the Southern Rhodesia era have had lasting impacts, influencing post-independence economic policies and contributing to ongoing challenges in addressing urban poverty and inequality in Zimbabwe today [9].

Theories Related to Urban Development in Post-Colonial Contexts

Urban development in post-colonial contexts is shaped by several key theories and models that address the unique challenges and legacies of colonialism. The post-colonial theory critiques the lingering impacts of colonialism on former colonies [10]. It examines how colonial histories influence urban identity, governance, and spatial organization. Scholars like Edward Said and Homi Bhabha highlight the need to deconstruct colonial narratives and promote indigenous perspectives in urban planning and development. Dependency theory posits that former colonies remain economically dependent on former colonial powers [11]. This model suggests that the structure of global capitalism perpetuates inequality, limiting economic opportunities in post-colonial cities. Urban development strategies must focus on reducing dependency and fostering self-sustaining economies.

Inclusive urbanism theory emphasizes the importance of inclusive and participatory planning processes that consider marginalized communities [12]. It advocates for policies that promote social equity, access to services, and community engagement in urban decision-making. Inclusive urbanism seeks to address the disparities created by colonial practices. Sustainable urban development framework focuses on integrating environmental sustainability with social equity and economic viability [13]. In post-colonial contexts, sustainable urban development seeks to address the environmental degradation often exacerbated by colonial exploitation, while promoting resilience and sustainability in urban planning. Urban political ecology approach examines the relationships between political, economic, and environmental factors in shaping urban spaces [14]. It highlights how power dynamics influence resource distribution and environmental policies, particularly in post-colonial cities where historical injustices may affect current urban environments. Globalization and urbanization theory explores how globalization affects urban development in post-colonial contexts [15]. It examines the ways in which global economic processes impact local urban growth, infrastructure, and social structures, often leading to uneven development and gentrification.

The informal economy and urban livelihoods theory recognizes the significant role of informal economies in post-colonial cities [16]. This model focuses on the contributions of informal workers to urban livelihoods. It advocates for integrating informal sectors into urban planning to enhance economic resilience and social inclusion. Decolonization of urban planning theory calls for rethinking urban planning practices to prioritize local knowledge, cultural heritage, and community needs over colonial legacies [17]. It emphasizes the importance of understanding historical contexts and integrating indigenous practices into modern urban development. These theories and models collectively highlight the complexities of urban development in post-colonial contexts, emphasizing the need for inclusive, equitable, and sustainable approaches that address the historical legacies of colonialism. By integrating these frameworks, urban planners and policymakers can work towards more just and resilient urban environments. The article can assist scholars and policymakers develop more

comprehensive strategies that not only address current governance challenges but also work towards dismantling the lingering effects of colonialism in urban local government systems in Zimbabwe.

The Development of Urban Local Government During the Colonial Era

The development of urban local government in Southern Rhodesia (now Zimbabwe) during the colonial era was shaped by a mix of British colonial policies, economic interests, and social dynamics. These are discussed below under the sub-headings, early colonial period (1890–1910s), mid-colonial period (1920s–1940s), and late colonial period (1960s–1970s).

Early Colonial Period (1890s–1910s)

As mentioned earlier, the British South Africa Company (BSACo), led by Cecil John Rhodes, played a crucial role in establishing the colony and the urban local government system in Zimbabwe [3]. Initial settlements were primarily military outposts and administrative centers, with limited local governance. Key urban centers like Salisbury (now Harare) and Bulawayo were founded during this period. These towns primarily served European settlers and were structured to support mining and agriculture. The Salisbury Sanitary Board, established in 1897, was significant as one of the first structures resembling a municipal council in Southern Rhodesia (now Zimbabwe). Founded during a period of rapid urban development, Salisbury was primarily a settlement for European settlers. The BSACo focused on establishing infrastructure and services to support the growing population. With the influx of settlers and the associated public health challenges, there was an urgent need for effective management of sanitation and hygiene in Salisbury. The board was created to address these issues.

The Salisbury Sanitary Board was composed of appointed members, primarily from the European settler community. It was characterized by appointed officials rather than elected representatives. The BSACo exerted tight control over local administration, prioritising the interests of white settlers. This reflected the colonial government's approach of limiting representation to white settlers. The board's main responsibilities included managing waste disposal, maintaining public health, and overseeing sanitation facilities [3]. It played a critical role in developing infrastructure, such as water supply systems and sewage disposal. The board implemented various health initiatives, responding to outbreaks of diseases such as typhoid and dysentery. Its focus on sanitation and health laid the groundwork for future urban governance. The Salisbury Sanitary Board is often viewed as a precursor to the more comprehensive municipal governance structures that would follow. In 1914, Salisbury was officially declared a municipality, reflecting the evolution of local governance in the region. While the board marked progress in urban management, it was limited in its scope and representation. Indigenous populations were excluded from governance structures, which would have lasting implications for social equity and access to services.

Mid-Colonial Period (1920s–1940s)

In the 1920s, as urban populations grew, the government established municipal councils. Salisbury was officially designated a municipality in 1897, with Bulawayo following in 1907. These councils were tasked with local governance, including infrastructure, sanitation, and public health. In 1923, the minority government of Southern Rhodesia adopted a constitution that gave limited self-governance to white settlers, enabling the establishment of elected municipal councils [18]. However, this was exclusive to the white population, as Indigenous peoples had no representation in these bodies. The booming mining and agricultural sectors prompted local governments to invest in infrastructure, such as roads and housing. This economic focus reinforced the importance of local governance in urban development. The Urban Councils Act of 1930 was a significant piece of legislation in Southern Rhodesia (now Zimbabwe) that established a framework for local governance in urban areas. The Act was introduced during a period when the colonial administration sought to formalize and standardize local governance in urban areas, particularly as cities like Salisbury and Bulawayo grew rapidly. The Urban Councils Act aimed to create a more organized system of local governance by establishing urban councils that could manage municipal services and local administration. The Act provided for the establishment of urban councils composed of elected members, although this was primarily limited to the white settler population.

The councils were responsible for local governance and decision-making. Urban councils were granted a range of powers, including: the ability to levy taxes for funding local services, oversight of public health, waste management, and sanitation facilities, and responsibility for maintaining and developing infrastructure such as roads, water supply, and housing [19]. The Act empowered councils to enact by-laws governing various aspects of urban life, including zoning, public health regulations, and building codes. The Urban Councils Act helped standardize local governance across different urban areas, providing a clear legal framework for councils to operate within. While the Act introduced elected councils, it reinforced racial segregation by limiting voting rights and representation to the white population, thereby marginalizing the Indigenous majority. The Act was a precursor to further reforms in local government, particularly as calls for broader representation and equality increased in the post-World War II era.

Late Colonial Period (1950s–1970s)

The 1950s saw the entrenchment of racial segregation in urban planning and governance [20]. Local governments were organized to maintain separate facilities and services for white settlers and Indigenous peoples, culminating in policies that marginalized Black urban residents. Townships for Black residents, such as Mbare and Highfield in Salisbury (Harare) and Makokoba and Njube (Bulawayo), were developed. The establishment of townships like Mbare and Highfield in Salisbury, as well as Makokoba and Njube in Bulawayo, was deeply rooted in the racial policies of colonial Southern Rhodesia. Originally established in the 1930s, Mbare became

one of the first townships for Black residents in Salisbury. It was characterized by overcrowded living conditions and inadequate infrastructure, reflecting the colonial government's neglect of non-white communities. Established around the same time, Highfield was another township designated for Black residents. It faced similar issues regarding infrastructure and public services, serving as a focal point for social and political activism. Makokoba township in Bulawayo was established in the 1940s as a response to the increasing urban Black population. Like its counterparts in Harare, it experienced significant neglect and poor living conditions. Another township created for Black residents in Bulawayo, Njube was designed to house workers and their families, reflecting the colonial labor system that sought to control and exploit Black labor.

The creation of these townships involved legal and administrative measures to prevent Black individuals from settling in white areas. By restricting access to better neighborhoods, the colonial government reinforced economic and social inequalities [21]. The townships were often poorly serviced in terms of infrastructure, sanitation, and public amenities. This lack of investment reflected the colonial administration's view that Black residents were not entitled to the same quality of services as white settlers. In 1973, Southern Rhodesia adopted another Urban Councils Act [22]. It was a significant piece of legislation that aimed to restructure local governance in urban areas. The 1973 Act was introduced during a period of heightened political tension and conflict in Southern Rhodesia, particularly as nationalist movements were gaining momentum. The colonial government sought to maintain control over urban governance while facing increasing demands for political representation from the Black majority. The Act built on earlier legislation, including the Urban Councils Act of 1930, which had established municipal councils but had primarily served the interests of the white population. The 1973 Act formalized the structure of urban councils, which were responsible for local governance in designated urban areas. It aimed to create a framework for managing urban development, public health, and services. The Act allowed for the establishment of elected councils in urban areas. However, like previous laws, it maintained racial segregation by limiting voting rights and council representation primarily to white residents, further marginalizing the Black population.

While there was a provision for Black representation in the 1973 Urban Councils Act, it was minimal and often tokenistic, failing to reflect the demographic reality of the urban population. Urban councils were granted powers to manage local services such as: waste management, water supply, public health, and housing development. The Act outlined the administrative framework for urban councils, including the appointment of town clerks and other officials to oversee operations. Despite the introduction of elected councils, the 1973 Act perpetuated existing racial divisions and inequalities in urban governance, reinforcing the exclusion of the majority Black population from meaningful political power. The focus on maintaining white interests in urban planning and service provision resulted in significant disparities in infrastructure and public services between white neighborhoods and Black townships [23]. The limitations of the Urban Councils Act contributed to growing

dissatisfaction among the Black majority, fueling support for nationalist movements that sought greater political rights and independence from colonial rule. The Act was part of a broader context of colonial governance that faced increasing challenges in the 1970s. It laid the groundwork for the eventual push toward political change, culminating in independence in 1980.

Post-Independence Transition (1980–2024)

Following Zimbabwe's independence in 1980, urban local government underwent significant changes influenced by political, economic, and social factors. The new government of Prime Minister Robert Gabriel Mugabe aimed to empower local authorities, allowing for more self-governance in urban areas. This was intended to promote participation and address local needs more effectively. As a component of the reorientation of local government and making it more democratic, the government of Zimbabwe passed the Prime Minister's Directive on Decentralization in 1984 [24]. The key points of the directive included, granting local authorities greater decision-making powers, allowing them to address the specific needs of their communities more effectively, improving the delivery of essential services, such as education, health, and infrastructure, by enabling local governments to manage these resources directly, encouraging citizen participation in local governance processes, promoting transparency and accountability in decision-making, ensuring that resources were allocated more equitably to urban and rural areas, helping to address historical imbalances, and training local officials to improve their capabilities in governance and administration. The 1984 decentralization directive in Zimbabwe had several weaknesses that limited its effectiveness in reversing the inequalities inherited from the colonial era. Despite intentions to empower local governments, the central government retained significant control over resources and decision-making, limiting local authorities' autonomy. Appointments and resource allocation often favored political loyalty over merit, leading to inefficiencies and further entrenching existing power dynamics rather than addressing historical inequalities.

The Provincial Councils and Administration Act of 1985 aimed to establish a framework for decentralized governance in Zimbabwe, focusing on the administrative structures of provincial and local governments [25]. Key elements of the Act are that, it established Provincial Councils to oversee regional development and ensure that local needs were addressed, it enhanced the powers of local authorities, enabling them to make decisions on local matters, including planning and resource allocation, it outlined the administrative framework for provincial and local governments, defining roles and responsibilities to improve governance efficiency and facilitating better management of local resources and services, and allowing councils to address specific community needs. While the Provincial Councils and Administration Act of 1985 laid the groundwork for decentralization and aimed to address colonial legacies, its effectiveness was constrained by ongoing centralization, resource limitations, and political dynamics.

The political environment often hampered genuine participatory governance, as appointments and resource allocations were sometimes based on political loyalty rather than local needs.

In the late 1980s, Zimbabwe transitioned to a de facto one-party state under the Zimbabwe African National Union-Patriotic Front (ZANU-PF). This centralized control limited the political diversity of urban local governments, often sidelining opposition parties. Local governance increasingly became tied to party loyalty, with appointments and resources often distributed based on political allegiance rather than merit. The 1990s and early 2000s saw economic instability, leading to reduced budgets for local governments. This hampered their ability to provide services and maintain infrastructure. Economic hardships prompted a rise in informal settlements and informal economies, challenging local governments to adapt their planning and service delivery approaches. Rapid urbanization without corresponding investment in infrastructure led to inadequate housing, water supply, and sanitation services. Local governments struggled to meet these demands due to limited resources [26]. Declines in the quality and availability of public services became prevalent, prompting protests and demands for accountability from urban residents. The 1990s saw increased activism and the emergence of civil society organizations advocating for better governance, transparency, and service delivery in urban areas. With domestic resources dwindling, NGOs became involved in urban development, often filling gaps in service delivery and providing funding for projects. Pressure from civil society organizations led to discussions around policy reforms aimed at enhancing governance and service delivery in urban areas.

The Urban Councils Act of 1996 was a significant piece of legislation in Zimbabwe aimed at reforming urban governance. The Act aimed to provide greater autonomy to urban local authorities, allowing them to make decisions on various local matters, including planning, budgeting, and service delivery. It established provisions for the election of local councilors, promoting democratic representation and participation in local governance [2]. The Act introduced frameworks for financial management, allowing councils to generate their own revenue through local taxes and fees, thus reducing dependence on central government funding. Urban councils were given explicit responsibilities for delivering essential services such as water, sanitation, waste management, and housing [27]. The Act encouraged community involvement in local decision-making processes, aiming to enhance accountability and responsiveness to citizen needs. Despite its potential, the Urban Councils Act faced several challenges in effectively reversing the colonial legacy. The central government maintained significant control over urban councils, which sometimes undermined the intended autonomy and local decision-making [28]. Many urban councils struggled with inadequate funding and resources, limiting their capacity to deliver services and implement policies effectively. The political environment often influenced local governance, with opposition parties facing challenges in many urban areas, which affected the democratic process.

In 2013, Zimbabwe adopted a new Constitution that elevated local government to be one of the three systems of government, alongside provincial/metropolitan

councils and national government [29]. Before that it existed at the whims and caprices of national government. This formal recognition underscored the importance of local governance in the overall political structure. The Constitution provided for the devolution of powers and responsibilities to local authorities. This aimed to enhance local autonomy, allowing councils to manage their own affairs more effectively. It explicitly protected local government structures and outlined their roles, functions, and powers. This legal backing aimed to prevent arbitrary interference from the central government [30]. It mandated that local authorities be elected, reinforcing the principle of democratic representation. This meant that citizens would have a direct say in their local governance through regular elections. The Constitution emphasized the need for community participation in local governance, promoting transparency and accountability in decision-making processes. Local governments were given a clear mandate to provide essential services to their communities, including health, education, and infrastructure [31]. Despite these advancements, implementation faced challenges, such as limited resources, political interference, and bureaucratic inertia. Implementation was also affected by the entrenched inequalities and disparities that arose during the colonial era.

Research Methodology

The article adopted qualitative research methodology. The methodology significantly enhanced the inquiry in the study by providing in-depth insights into the complexities of colonial heritage and its effects on urban development and local governance. Qualitative research allowed for detailed exploration of the historical, social, and cultural contexts that shape urban development in Zimbabwe. It was useful in revealing how colonial legacies influence current local government practices. It enabled the article to identify recurring themes related to colonial impact on urban development. This analysis revealed patterns in governance practices, community responses, and development challenges. Understanding the narratives surrounding colonialism and its legacy provided insights into how these stories influence current policies and community attitudes. Qualitative research enabled the researcher to track changes in local governance and urban development over time, helping to understand how colonial legacies evolve and impact contemporary practices.

Archival research provided a wealth of historical data and insights. It drew data by identifying relevant archives in Zimbabwe, such as the National Archives of Zimbabwe, which house documents related to colonial administration, land policies, and urban planning. It also explored university libraries and archives that contain theses, dissertations, and research reports focusing on colonialism and urban development. It also accessed archives in other countries, such as the British National Archives, which holds records related to colonial governance in Zimbabwe. The article looked for official documents from colonial administrations, such as policy papers, land allocation records, and urban planning documents that outline governance structures and practices. It also gathered reports and White Papers from

colonial and post-independence governments that discussed urban development strategies and challenges.

The article also studied historical maps and urban planning documents that illustrate land use changes and urban development patterns over time. In addition, it scrutinized letters, diaries, and personal accounts from colonial officials, local leaders, and residents that provided insights into the socio-political context. A systematic approach to reviewing archival materials, categorizing documents based on themes relevant to the research questions (e.g., governance, land policies, and community responses), was adopted. The article analyzed the gathered documents for recurring themes, patterns, and narratives related to colonial heritage and its impact on urban development. This was followed by historical contextualization which involved placing findings within the broader historical context, linking specific archival materials to contemporary issues in local governance. By systematically identifying, collecting, and analyzing archival materials, the researcher gained deep insights into the historical roots of current local government practices and urban challenges.

Findings, Discussions and Impact of Colonial Policies

One of the findings of the research is that racially segregated settlements existing in urban Zimbabwe today are a continuation of colonial era policies that shaped the country's socio-spatial landscape. As it was discussed in the cases of Mbare, Highfield, Makokoba and Njube townships, the colonial authorities encouraged separation of races by residence. Decades after the end of colonial administration, urban planning in Zimbabwe continues to suffer from colonial era policies fostering racial segregation. Many of the spatial and social divisions established during colonial rule persisted. The inherited urban planning frameworks continued to favor existing racial and economic divisions. For instance, although the policy of racially segregated settlements was officially abolished with the advent of majority rule and independence in 1980, it persisted in subtle forms.

It was somehow replaced by urban planning that promotes more affluent suburbs equipped with better infrastructure, services and amenities. Known for its spacious homes, green spaces, and modern amenities, Borrowdale suburb in Harare, for example, was developed during the colonial period and continues to be a sought-after residential area. Chisipite in Harare, is another affluent area with large homes and good schools, reflecting the colonial preferences for suburban living among the white community. Suburbs like Hillside and Malindela in Bulawayo are characterized by larger plots and better housing, attracting higher-income residents. Their development was linked to colonial policies that favored white settlers. The disparities between affluent suburbs and poorer townships continue to present challenges for urban planners and policy-makers in post-colonial Zimbabwe.

While the new government aimed to promote inclusivity, systemic issues such as poverty, unemployment, and inadequate housing persisted in areas originally designated for black residents. This has fostered the colonial legacy of the twin

city concept in which urban planning and development continued to reflect the inequalities established during colonial rule. A related observation is that racially segregated settlements have resulted in unequal access to education, healthcare, and unemployment opportunities. Communities in historically black areas often face marginalization. The legacy of segregation has contributed to social tensions and divisions within urban communities, affecting intergroup relations and community cohesion. As if this is not enough, rapid urbanization has exacerbated the challenges faced by racially segregated neighborhoods, leading to informal settlements and increased demand for housing and services. Efforts to address these historical injustices include policies aimed at urban renewal and the provision of affordable housing, but progress has been slow and often met resistance.

Comparison of Local Government Systems

Understanding the evolution of local government systems in Zimbabwe requires examining the distinct characteristics of each period: pre-colonial, colonial, and post-colonial. This requires comparative analysis (Table). In pre-colonial Zimbabwe, local governance was decentralized and based on traditional authority. Communities were often organized around clans or tribes, each led by a chief or headman. Chiefs had significant power, serving as both political leaders and custodians of cultural practices and social norms. Decisions were made through consensus and communal participation, with elders playing a significant role in deliberations. Land was held communally, with collective ownership and use being central to agricultural practices and resource management. Social structures were primarily based on kinship and community ties, with strong emphasis on cultural traditions and practices.

Summary of key differences of local government systems in Zimbabwe

Aspect	Pre-colonial	Colonial	Post-colonial
Governance structure	Decentralized/Traditional	Decentralized/Traditional	Mixed with attempts at democratization
Decision-making	Consensus-based	Top-down, limited participation	Aimed for participation but often influenced by politics
Land use	Communal ownership	Racially segregated, privatized	Redistribution efforts, contentious
Social organization	Kinship-based	Undermined traditional structures	Integration of traditional and modern governance

Source: completed by S. Marumahoko, N.T. Nhede.

The colonial administration imposed a centralized, hierarchical governance model. Local government was largely controlled by colonial authorities. The introduction of the Land Apportionment Act (1930) and other legislative measures marginalized black local governance structures and enforced

racial segregation. Decision-making processes were top-down, with limited or no input from indigenous populations. Local councils, if they existed, were often dominated by white settlers. Land was privatized according to racial lines, leading to displacement of black communities and the establishment of separate residential areas for whites and blacks. Traditional leadership structures were undermined, and chiefs were often co-opted to serve colonial interests, reducing their authority and role within communities.

In post-colonial Zimbabwe, the government aimed to create a more inclusive local government system. However, it retained some centralized elements from the colonial era. The introduction of elected local councils aimed to democratize governance, although political interference and central control persisted. While there was an emphasis on participatory governance, in practice, decision-making has often been influenced by political parties, particularly the ruling party. Land reforms were implemented particularly in the early 2000s, aiming to redistribute land from white settlers to black Zimbabweans. However, the process has been contentious and fraught with challenges. Traditional leaders have been reasserted in some areas, but their roles are often contested within the framework of the new political system. Efforts to integrate traditional governance with modern local government structures have been made, though with mixed results.

Conclusion

Scholarly attention to the enduring effects of colonial heritage on contemporary urban development in Zimbabwe remains limited. The article sought to critically examine this relationship, highlighting the need for a nuanced understanding of how colonial legacies inform contemporary challenges in Zimbabwe's urban development. It found that the impact of colonialism on urban development in Zimbabwe is evident in the spatial and infrastructural configurations of its cities. Urban areas were often designed to facilitate the extraction of resources and labor, leading to the establishment of industrial zones that were disconnected from the residential areas of the black majority. This segregation has persisted long after independence in 1980, as many cities continue to reflect the inequalities entrenched during colonial rule. The lack of adequate infrastructure and services in these historically marginalized areas has contributed to ongoing challenges in urban governance, including inadequate housing, limited access to clean water, and high unemployment rates. The article also found that the local government system in Zimbabwe has undergone significant transformations from pre-colonial to post-colonial periods. Each phase reflects broader social, political and economic changes, with lingering effects of colonial practices still shaping governance practices today. Understanding these dynamics is crucial for addressing contemporary challenges in local governance and development. It is suggested that policymakers recognize and incorporate historical and cultural contexts into urban development plans, ensuring that the heritage of all communities is respected and preserved. Future studies

can focus on addressing socioeconomic inequalities through targeted programs aimed at enhancing economic opportunities for marginalized communities in post-colonial Zimbabwe.

REFERENCES

1. Marumahoko S. *Constitution-making in Zimbabwe: Assessing institutions and processes*. Doctoral dissertation. Faculty of Law, University of the Western Cape, South Africa; 2016.
2. Marumahoko S. *Testing the boundaries of Zimbabwe's fiscal decentralization for urban councils*. Master's dissertation. Cape Town: University of the Western Cape; 2010.
3. Marumahoko S, Fessha YT. Fiscal autonomy of urban councils in Zimbabwe: a critical analysis. *Law, Democracy and Development*. 2011;11:1–22.
4. Ranger T. The African voice in Southern Rhodesia, 1890–1940. In: Ranger T, Mlambo WM (eds.). *The History of Zimbabwe*. Harare: Zimbabwe Publishing House; 1985:42–60.
5. Mlambo AS. The first Chimurenga: a historical perspective. In: Mlambo AS (ed.) *The Zimbabwe Revolution: A History of the First Chimurenga*. Harare: University of Zimbabwe Press; 2005.
6. Moyo S. The land question in Zimbabwe. In: Moyo S, Yeros P (eds.). *Land Reform Under Structural Adjustment in Southern Africa*. Harare: Zed Books; 2005.
7. Mlambo AJ. *History of Zimbabwe: 1890–2000*. Harare: University of Zimbabwe Publications; 2009.
8. Chikanda M. Racial segregation and urban planning in Southern Rhodesia: a historical perspective. In: Mlambo NBC, Chikwature JM (eds.). *Urban Development and Policy in Zimbabwe*. Harare: University of Zimbabwe Publications; 2015:35–50.
9. Rodney W. *How Europe underdeveloped Africa*. London: Bogle-L'Ouverture Publications; 1972.
10. Said EW. *Orientalism*. New York: Pantheon Books; 1978.
11. Frank AG. *Capitalism and underdevelopment in Latin America: Historical studies of Chile and Brazil*. New York: Monthly Review Press; 1967.
12. Birch E. *Inclusive urbanism: a global perspective*. New York: Routledge; 2015.
13. Porta S. *Sustainable urban development: a framework for analysis*. New York: Routledge; 2018.
14. Brenner N. *Urban political ecology: a critical introduction*. New York: Routledge; 2014.
15. Sassen S. *Globalisation and its discontents: essays on the new mobility of people and money*. New York: New Press; 1998.
16. Roy A. *City requiem, Calcutta: gender and the politics of poverty*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2003.
17. Cruz T, Forman F. The urban informal: a new agenda for planning. In: de Boer RAH (ed.). *Urban Planning in the Global South*. New York: Routledge; 2016.
18. Raftopoulos B. The Zimbabwean crisis: politics, economy and society. In: Mlambo A (ed.). *Zimbabwe: A History*. Oxford: Oxford University Press; 2007.
19. Ranger T. The invention of tradition in Colonial Africa. In: Hobsbawm E. and Ranger T. (eds.). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press; 1983:211–262. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107295636.006>
20. Rukuni MD. The politics of urban planning in Southern Rhodesia: an example of racial segregation. *The Journal of Southern African Studies*. 1987;14(1):27–47.
21. Mlambo M. The politics of urban planning in Southern Rhodesia, 1948–1965. In: Thondlana, T.R.M. (ed.), *Urban Planning in Southern Africa*. Cape Town: University of Cape Town Press; 2018.
22. *Government of Southern Rhodesia. The urban councils act*. Salisbury: Government Printers; 1973.
23. Hodgson DK. The urban divide: the politics of urban planning in Southern Rhodesia. *The Journal of Southern African Studies*. 1997;23(2):177–195.

24. Chigwata TC, Marumahoko S. Intergovernmental planning and budgeting in Zimbabwe: Learning the Lessons of the Past. *Commonwealth Journal of Local Governance*. 2017;172–186. <https://doi.org/10.5130/cjlg.v0i20.6140>
25. *Government of Zimbabwe. The provincial councils and administration act*. Harare: Government Printers; 1985.
26. Marumahoko S. Urban local government service delivery in post-Mugabe Zimbabwe. In: Farazmand A (ed.) *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance*. Cham; Springer; 2020:1–9. https://doi.org/10.1007/978-3-319-31816-5_4053-1
27. Marumahoko S. Central-local relations in Zimbabwe: does the local matter? *Comparative Public Administration*. 2023;23(3):411–431. <https://doi.org/10.31297/hkju.23.3.416> EDN: EQWYZK
28. Marumahoko S. Local government and the challenges of service delivery: Zimbabwe in the spotlight. *Journal of Public Administration, Finance and Law*. 2024;31:219–238. <https://doi.org/10.47743/jopafl-2024-31-17> EDN: SGMMJZ
29. Marumahoko S, Afolabi OS, Sadie Y, Nhede NT. Governance and urban service delivery in Zimbabwe. *Strategic Review for Southern Africa*. 2020;42(1):41–68. <https://doi.org/10.35293/srsa.v42i1.194> EDN: PGTNCG
30. Marumahoko S, Nhede NT. Are Zimbabwe's local units of public management expendable? *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(2):272–285. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-2-272-285> EDN: NOPCRW
31. Marumahoko S. Centralisation of local administrative authority in Zimbabwe. *Journal of Public Administration, Finance and Law*. 2024;32:256–269. <https://doi.org/10.47743/jopafl-2024-32-19> EDN: WJBDRE

Information about the authors:

Sylvester Marumahoko — Doctor of Public Law, Senior Lecturer at the Faculty of Commerce, Zimbabwe Open University, 8th Floor, Corner House, Corner of Samora Machel Avenue and Leopold Takawira Street, Harare, MP 1119, Zimbabwe (ORCID: 0000-0001-8256-8828) (e-mail: marumahokos@zou.ac.zw).

Norman T. Nhede — Doctor of Administrative Sciences, Senior Lecturer at the School of Public Administration University of Pretoria, Corner of Lynnwood Road and Roper Street Hatfield, Pretoria, 0028, Republic of South Africa Gauteng, South Africa, Hatfield, Pretoria, 0028 (ORCID: 0000-0001-9285-3075) (e-mail: norman.nhede@up.ac.za).

Информация об авторах:

Марумахоко Сильвестр — доктор публичного права, старший преподаватель факультета коммерции, Зимбабвийский открытый университет, Зимбабве, МР 1119, Хараре, угол проспекта Самора Машела и улицы Леопольда Такавира, здание Corner House, 8-й этаж (ORCID: 0000-0001-8256-8828) (e-mail: marumahokos@zou.ac.zw).

Нхедэ Норман Т. — доктор административных наук, старший преподаватель школы государственного управления, Университет Претории, Южно-Африканская Республика, 0028, Претория, пересечение дорог Линнвуд и Ропер Хатфилд (ORCID: 0000-0001-9285-3075) (e-mail: norman.nhede@up.ac.za).

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-1-47-70

EDN: WGGHPK

Научная статья / Research article

Использование технологии блокчейн для сохранения культурного наследия: влияние на политические процессы

Д.А. Громыко

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ gromyko-da@rudn.ru

Аннотация. Проблема доверия к власти одна из актуальнейших в современном мире. Культурное наследие и управленческие решения, связанные с его учетом и сохранением, зачастую оказывают непосредственное влияние на политические процессы как внутри страны, так в международных отношениях. Отношение населения к политической системе страны, в т.ч. и доверие людей к правящей элите напрямую зависят от принимаемых властями мер по охране культурных ценностей. Повышение уровня доверия в обществе является одной из основных задач, решаемых новыми технологиями. Настоящей революцией в мире информационных технологий стал блокчейн, или распределенные реестры, которые нашли применение во многих сферах, в частности при реализации механизмов учета и охраны предметов искусств и культурного наследия. Представлено описание существующих решений по учету и охране культурного наследия с использованием технологии блокчейн. Доказывается, что использование технологии блокчейн в этой сфере может помочь и в решении проблемы доверия, так как обеспечивает прозрачность и надежность в учете и сохранении культурного наследия, делает информацию о культурных объектах и событиях доступной для общества, что в целом способствует увеличению доверия к правящим структурам. Отмечено, что внедрение технологии блокчейн однозначно приведет к уменьшению коррупционных рисков в сфере культурного наследия, что в свою очередь будет способствовать более честному управлению культурным наследием и, как следствие, более доверительному отношению населения к властям и их инициативам.

Ключевые слова: доверие к власти, распределенные системы коммуникаций, цепочки блоков, распределенные реестры, производство искусства, NFT

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 06.11.2024; принята к публикации: 24.12.2024.

Для цитирования:

Громыко Д.А. Использование технологии блокчейн для сохранения культурного наследия: влияние на политические процессы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 1. С. 47–70. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-47-70>

© Громыко Д.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The use of blockchain technology for preserving cultural heritage and its impact on political processes

Denis A. Gromyko

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ gromyko-da@rudn.ru

Abstract. One of the pressing issues in the modern world is the problem of trust in authority. Cultural heritage and the challenges associated with its acknowledgment and preservation often directly influence political processes both within countries and in international relations. The rapid advancement of information technologies, automation, and computerization affect virtually all spheres of human activity. One of the key objectives addressed by new technologies is the enhancement of trust levels in society. The advent of blockchain technology, or distributed ledgers, has revolutionized the world of information technology and found applications in various fields, including the implementation of accounting and protection mechanisms for art objects and cultural heritage. The utilization of blockchain technology in this domain can help address the issue of trust by ensuring transparency and reliability in the accounting and preservation of cultural heritage, making information about cultural objects and events accessible to the public, and directly contributing to increased trust in authority. Furthermore, the adoption of this technology will undoubtedly reduce corruption risks in the cultural heritage sphere, leading to more honest management of cultural heritage and, consequently, a more trusting relationship between the population and authorities and their initiatives. The study discusses the problem of cultural heritage preservation, provides an overview of existing solutions utilizing blockchain technology, and concludes that the implementation of blockchain technology in the process of accounting and protecting cultural assets will significantly increase trust levels in authority.

Keywords: trust in authority, distributed communication systems, distributed ledgers, artwork, NFTs

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 06.11.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

For citation:

Gromyko DA. The use of blockchain technology for preserving cultural heritage and its impact on political processes. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(1):47–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-47-70>

Введение: культурное наследие и его влияние на политические процессы

Культурное наследие является богатством нации, играет ключевую роль в формировании и поддержании национальной идентичности, отражает историю, искусство и культуру, передается из поколения в поколение. И это богатство требует особой охраны и учета.

Утрата же культурных ценностей зачастую является истинной причиной конфликтов и напряженности в политической сфере [1], влияя на межнациональные, межконфессиональные и межгосударственные отношения.

Так, во время конфликта в Сирии разрушение и снос террористами древних археологических памятников, мечетей и церквей [2], в т.ч. Триумфальной арки, считавшейся визитной карточкой не только Пальмиры, но и всей страны¹, вызвало волну возмущения и привело к резкому ухудшению отношений между рядом стран².

Последовала мгновенная международная реакция и обострение политической ситуации, разжигание национальных и этнических конфликтов в целом регионе в ответ на повреждение экстремистами в Афганистане культурных объектов, таких как памятники, музеи и археологические артефакты [3], в т.ч. разрушение буддистских статуй.

Запреты на посещение священных мест и могил на Ближнем Востоке постоянно приводят к волнениям уже между различными религиозными группами. В частности, неоднократно приводили к насилию и политическим разногласиям³ споры между общинами иудеев и христианскими конфессиями о контроле над Храмом Гроба Господня в Иерусалиме.

При этом защита культурного наследия используется политиками разных мастей в качестве предлога для достижения своих политических целей [4]. В частности, конфликтные споры между Израилем и Палестиной по вопросам прав на проведение раскопок и контроля над исторически значимыми местами в Иерусалиме и Вифлееме многократно приводили к обострению социально-политической напряженности в регионе и оказывали влияние на взаимоотношения между государствами⁴.

Споры о праве на эксплуатацию наследия Древней Греции [5], такого как памятники и статуи, периодически вызывают напряжение в билатеральных⁵ отношениях между Турцией и Грецией, когда каждая страна рассматривает культурное наследие в качестве важного элемента формирования своей национальной идентичности.

Таким образом, защита и учет культурных ценностей играют важную роль не только в сохранении исторического наследия, но и в укреплении общественного порядка и политической стабильности как на национальном, так

¹ *Алехина Ю.* 13 памятников, которые разрушили террористы ИГИЛ* // KPRU. 05.10.2015. URL: <https://www.kp.ru/daily/26441.5/3312201/> (дата обращения: 01.03.2024).

* Признана террористической организацией и запрещена в РФ.

² Российские ассирийцы возмутились уничтожением памятников истории в Ираке и Сирии // Национальный акцент. 2015. URL: <https://nazaccent.ru/content/15115-rossijskie-assirijcy-vozmutilis-unichtozheniem-pamyatnikov-istorii.html/> (дата обращения: 02.11.2023).

³ *Крылов А.В.* Проблема статуса Святых мест в Иерусалиме и ее влияние на палестино-израильский конфликт // Международная аналитика. 2016. № 2 (16). URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/viewFile/9/10/> (дата обращения: 02.11.2023).

⁴ Разграбление Палестины: как Израиль присваивает палестинское наследие и культуру // Исламосфера. 2021. URL: <https://islamofera.ru/razgrablenie-palestiny-kak-izrail-prisvaivaet-palestinskoe-nasledie-i-kulturu/> (дата обращения: 02.11.2023).

⁵ Блатерализм — организация международных торгово-экономических отношений на основе прямых двусторонних соглашений, заключаемых непосредственно между двумя государствами и странами.

и на международном уровнях. В современных условиях потребность в надежном хранении и доступе к информации о культурных объектах привела к активному использованию инновационных технологий в этой сфере.

Внедряемые технологические решения оказывают поддержку развитию культурного туризма и образовательных программ, предоставляя возможности для создания виртуальных туров и интерактивных учебных ресурсов, которые помогают популяризировать культурное наследие. К тому же они способствуют международному сотрудничеству и обмену знаниями между странами, укрепляя совместные усилия по сохранению культурных объектов и повышая осведомленность о них.

Особое значение среди таких технологий занимает блокчейн, который, помимо защиты данных, способствует повышению доверия общества к органам, ответственным за учет и сохранение объектов культурного наследия.

Технология блокчейн

Технология блокчейн была представлена миру в 2008 г. Сатоши Накамото⁶, создателем первой реализации блокчейн — криптовалюты биткойн. Одна из главных целей технологии — создание безопасной и надежной экосистемы для передачи и хранения данных с использованием криптографических методов⁷, защита информации от несанкционированного доступа. Это новшество позволяет формировать непрерывные цепочки блоков, в которых каждый блок содержит хеш⁸ предыдущего, обеспечивая тем самым прозрачность и высокий уровень доверия.

Децентрализованная структура блокчейна способствует его устойчивости к различным видам атак и техническим сбоям, а также позволяет реализовывать «умные контракты» (смарт-контракты⁹) для автоматизации различных договорных отношений. В числе ключевых принципов технологии блокчейн выделяются децентрализация (распределенность), защищенность, открытость (прозрачность) и неизменность записанных данных [6; 7].

С момента появления блокчейн нашел применение во множестве отраслей, включая финансы, логистику, здравоохранение, избирательные процессы, а также в сфере охраны и учета культурного наследия.

⁶ Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. *Bitcoin Whitepaper. Satoshi's Archive*. 2009. URL: <https://www.bitcoin.com/satoshi-archive/whitepaper/> (accessed: 10.08.2023).

⁷ Мицкевич Е. Что такое блокчейн? // CRYPTONISATION. 14.10.2024. URL: <https://cryptonisation.ru/chto-takoe-blokcheyn-prostyimi-slovami/> (дата обращения: 16.10.2024).

⁸ Хеш — набор символов, получаемый в результате выполнения хеш-функции. Хеш функция — некая математическая функция, значение которой зависит только от содержимого блока.

⁹ Смарт-контракт — это программный код на блокчейне, который автоматически выполняет заданные условия сделки без участия посредников. Смарт-контракты позволяют двум или более сторонам обмениваться активами, данными или услугами, следуя прописанным правилам. Например, при наступлении определенных условий (дата, сумма оплаты, подтверждение доставки) смарт-контракт выполняет заранее установленное действие, такое как перевод средств.

Блокчейн как инструмент защиты культурного наследия

Культурное наследие [8] является одной из ключевых областей, к которым государственные структуры проявляют интерес, изучая потенциал применения блокчейн-технологий в вопросах собственности. Это особенно важно, поскольку применение таких технологий может явно или косвенно оказывать влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику страны или региона.

Блокчейн рассматривается как важный инструмент для предотвращения нанесения ущерба и рынку искусства, и историческому наследию. Среди значимых проблемных аспектов, которые эта технология может помочь решить, выделяются следующие (рис. 1):

- необходимость защиты культурных ценностей от подделок, незаконного воспроизведения исторических артефактов, а также от незаконной торговли, разрушений и хищений предметов искусства;
- потребность в тщательной документации и учете объектов с учетом сложности и многоступенчатости процесса обмена и совместного использования данных о культурных ценностях и произведениях искусства;
- востребованность цифрового сохранения данных, создания резервных копий и мониторинга состояния культурных объектов в режиме реального времени, а также их широкого применения, например, в образовательных и музейных программах.

Рис. 1. Основные задачи защиты культурного наследия

Источник: выполнено Д.А. Громыко по данным [8] с помощью Power Point.

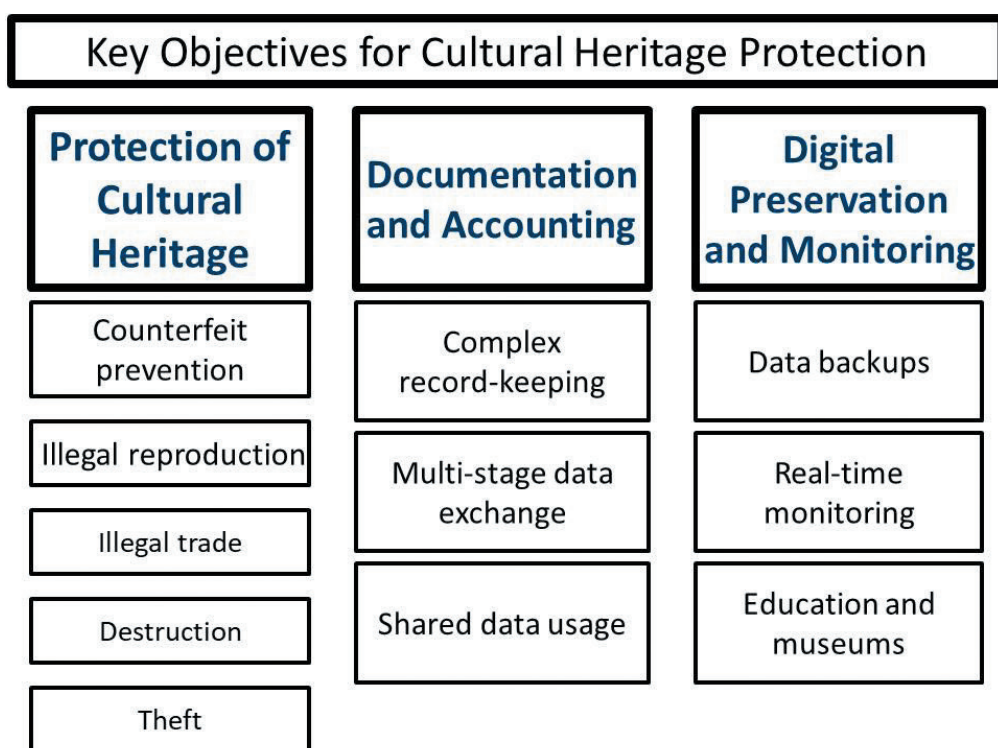

Fig. 1. Key objectives for cultural heritage protection

Source: made by D.A. Gromyko According to the data [8] with the use Power Point.

Технология блокчейн может стать одним из самых эффективных инструментов для безопасного учета и сохранения культурного наследия [9; 10]. С момента появления первых блокчейн-платформ и смарт-контрактов ее возможности активно стали применяться именно для решения подобных задач (рис. 2).

С помощью блокчейна можно создавать надежные цифровые записи, подтверждающие подлинность культурных объектов [11]. Также эта технология позволяет фиксировать историю владения артефактами с момента их создания и делать ее неизменяемой, что предотвращает кражи [12], незаконную продажу и перемещение исторических ценностей [13].

Кроме того, сочетание блокчейн-технологии с искусственным интеллектом [14] значительно повышает эффективность анализа данных об объектах культурного наследия. Такой подход позволяет выявлять потенциальные угрозы, связанные как с состоянием конкретных объектов, так и с попытками их подделки или хищения, что открывает новые возможности для их защиты и мониторинга.

Новые возможности для упрощения учета и создания надежных исторических записей о каждом объекте [15], основанные именно на технологии распределенного реестра и криптографической защите, гарантирует неизменность данных об артефактах и сверхэффективную защиту от манипуляций.

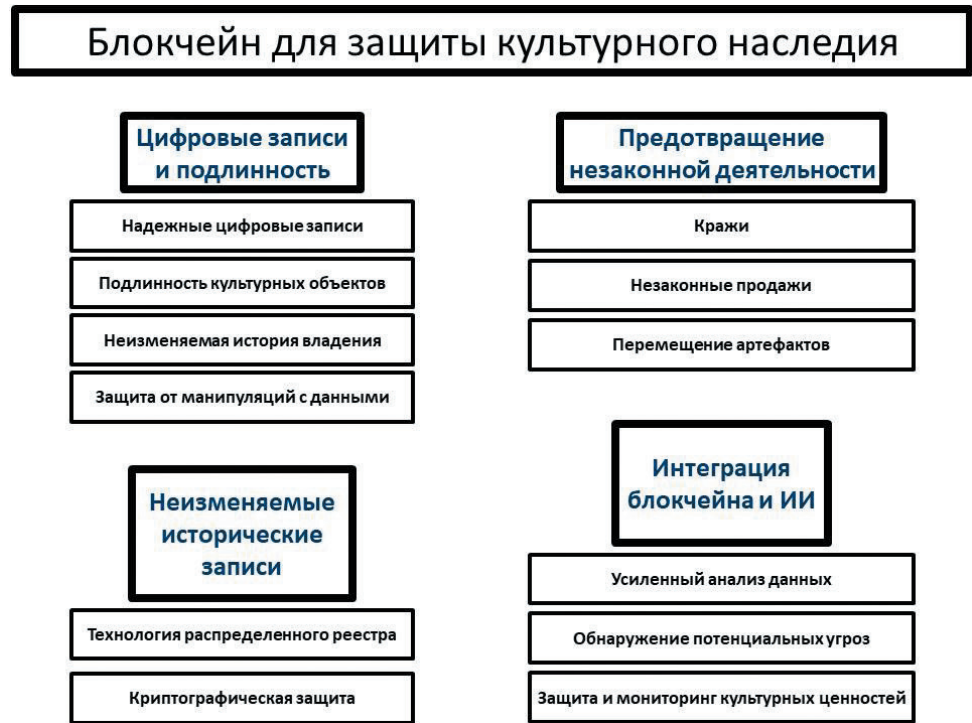

Рис. 2. Блокчейн для защиты культурного наследия
Источник: выполнено Д.А. Громыко по данным [11–15] с помощью Power Point.

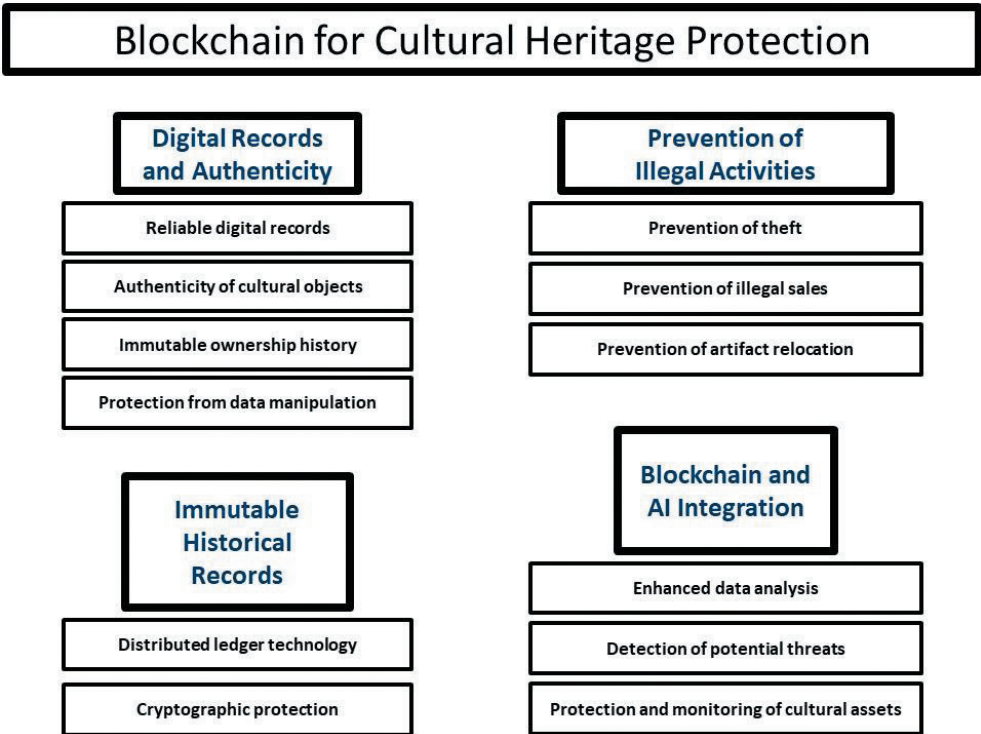

Fig. 2. Blockchain for Cultural Heritage Protection
Source: made by D.A. Gromyko According to the data [11–15] with the use Power Point.

Единая глобальная база данных культурных артефактов

Блокчейн как технология идеально подходит для воплощения проекта по созданию глобальной базы данных, посвященной культурному наследию, которая будет открыта для всех стран и организаций. Эта база позволит эффективно обмениваться данными и координировать усилия по защите культурных ценностей. Поскольку культурные артефакты зачастую представляют собой общее наследие разных государств и сообществ, децентрализованные и безопасные механизмы блокчейна окажутся незаменимыми для налаживания взаимодействия и совместного использования этих уникальных объектов.

В итоге, такой подход станет основой для укрепления международного сотрудничества между музеями, галереями и частными коллекционерами, создавая удобную платформу именно для обмена культурным наследием и развития глобального диалога [16].

Использование в образовательной сфере

Блокчейн также оптимален для создания и управления цифровыми репродукциями культурных объектов, делая их доступными для широкого применения, в т.ч. в обучении [17]. Данная технология отлично может выступить как эффективный инструмент для реализации образовательных программ [18], способствуя повышению осведомленности общества о значении культурных ценностей и защите предметов искусства, определяющих культурную идентичность наций или отдельных народностей.

Использование NFT¹⁰, распределенных реестров и смарт-контрактов позволяет создавать виртуальные музеи и интерактивные платформы для изучения культурного наследия, предлагая образовательной сфере новые возможности. Студенты смогут работать с подлинными цифровыми копиями артефактов, погружаться в виртуальные экскурсии и использовать именно неизменяемую информацию об истории объектов, что обеспечит прозрачность и доступность данных.

Невзаимозаменяемые токены в образовательных программах позволяют создавать уникальные цифровые коллекции культурных объектов, которые демонстрируют право на владение и учет, а также служат учебными пособиями. Смарт-контракты могут поддерживать грантовые программы, автоматизируя финансирование исследований в сфере культурного наследия.

Кроме того, интеграция блокчейна в образовательные курсы поможет учащимся освоить навыки работы с децентрализованными технологиями и использовать их для защиты и популяризации культурных ценностей, что особенно актуально в условиях цифровизации.

¹⁰ NFT (Non-Fungible Token) — это уникальный цифровой актив на блокчейне, подтверждающий право собственности на конкретный объект или файл. В отличие от взаимозаменяемых токенов, каждый NFT уникален и незаменим, что позволяет использовать его для подтверждения подлинности и исключительности.

Защита культурных артефактов

Среди всех рисков, которым подвергаются объекты культурного наследия, следует особо отметить природные бедствия и военные конфликты. Технология блокчейн отлично подходит для создания резервных копий данных о культурных объектах, а также для мониторинга их состояния в режиме реального времени. При этом наиболее ценные артефакты могут быть оцифрованы, зарегистрированы и храниться на блокчейне, обеспечивая сохранность для наших потомков даже в случае их физической утраты.

Таким образом, так как культурные ценности, будь то искусство, антиквариат или документы, представляют собой бесценные активы, требуют особой внимательности в плане сохранения и аутентичности, то технология блокчейн является одной из наиболее оптимальных на текущий момент времени развития информационных технологий для построения действенной системы мер по обеспечению безопасности объектов культурного наследия [19], учета, доступности и сохранности для будущих поколений [20]. Именно эта технология их всех существующих на сегодняшний день обеспечивает максимальную надежность, прозрачность и эффективность в управлении и сохранении объектов, в т.ч. ценных исторических и культурных ценностей.

Помимо высоких стандартов безопасности блокчейн усиливает доверие к подлинности культурных ценностей, предоставляя неизменяемую и децентрализованную базу данных, где сохраняется не только информация об артефактах, но и их полная история.

Эта технология позволяет всем заинтересованным сторонам — музеям, коллекционерам, исследователям — получать доступ к достоверным данным, которые невозможно подделать или изменить, что исключает возможность фальсификаций. Благодаря прозрачности блокчейна каждый участник может убедиться в подлинности и истории артефакта, отследив его путь с момента создания до текущего владельца [21].

Такой подход не только защищает культурные ценности от мошенничества, но и укрепляет международное сотрудничество, создавая платформу для открытого обмена данными и знаний.

Лувр и Британский музей уже реализуют проекты по токенизации своих коллекций для создания цифровых копий на блокчейне¹¹, что позволит хранить точные данные о каждой работе, включая происхождение, историю реставрации и передвижения. Таким образом, любой культурный объект, будь то картина или древний артефакт, будет иметь уникальный цифровой след, доступный исследователям и коллекционерам.

Рассматриваются проекты использования блокчейна для отслеживания и защиты археологических находок, а именно, для создания неприкосновенных

¹¹ Овотунсе Адебайо. Британский музей сотрудничает с The Sandbox для создания цифровых предметов коллекционирования // CRYPTOPOLITAN. 28.07.2023. URL: <https://www.cryptopolitan.com/ru/цифровые-предметы-коллекционирования-песочница-британского-музея/> (дата обращения: 20.06.2024).

записей об обнаружении артефактов, их местонахождении и перемещении [22]. Это не только повышает доверие к музеям и правительственным учреждениям, но и помогает предотвратить кражи и незаконный вывоз культурных ценностей.

Таким образом, использование блокчейна не просто защищает, но и расширяет возможности изучения и популяризации культурного наследия.

Использование смарт-контрактов на блокчейне поможет автоматизировать процессы управления культурным наследием, включая организацию выставок, аренду и передачу артефактов в долгосрочное пользование, а также процессы регулирования прав на культурные ценности [23].

Например, при организации международных выставок смарт-контракт способен автоматически задокументировать условия аренды артефакта, включая сроки, стоимость, обязательства по сохранению и правила транспортировки. И это значительно сможет ускорить процесс и снизить разнообразные риски, связанные с человеческим фактором.

В случае долгосрочной аренды артефактов блокчейн-смарт-контракты обеспечивают прозрачное выполнение условий, фиксируя, например, ежемесячные отчеты о состоянии объекта и подтверждая их в неизменяемой записи. Для редких и хрупких предметов, требующих регулярного контроля, это особенно актуально, так как позволяет арендатору и владельцу в реальном режиме времени отслеживать состояние объекта дистанционно.

Кроме того, подобные проекты на смарт-контрактах смогут быть полезными для защиты прав на культурные ценности, например, при продаже или передаче новому владельцу. Блокчейн фиксирует не только право собственности, но и полную историю происхождения артефакта, что минимизирует риск подделок и фальсификаций. Так, при продаже антиквариата блокчейн-смарт-контракт может предоставить покупателю доступ к полной истории объекта, включая предыдущих владельцев и подтверждения подлинности, обеспечивая прозрачность и защищая от мошеннических действий.

Использование блокчейна для защиты культурных ценностей изменяет правила игры в данной сфере, предоставляя непреложные доказательства и подтверждения происхождения предметов искусств.

Несмотря на то, что технология открывает путь к новым методам коллекционирования, цифровизации и финансовой ценности для культурных активов, имеется ряд препятствий по повсеместному использованию блокчейн в данной сфере, связанной с учетом и охраной культурных артефактов.

В частности, это касается вопросов конфиденциальности, сложности токенизации некоторых культурных ценностей и регулирования (рис. 3).

Во-первых, не все культурные ценности легко цифровизировать и токенизировать, что затрудняет их интеграцию в блокчейн. Крупные объекты, такие как архитектурные памятники и большие скульптуры, сложно оцифровать, сохраняя их культурную значимость. Цифровые копии, создаваемые с помощью 3D-сканирования и VR, не заменяют физическое восприятие и ценность объектов на их реальном месте.

Во-вторых, использование блокчейн может серьезно препятствовать сохранению конфиденциальности. В частности, поскольку блокчейн обычно обеспечивает публичный доступ к данным, это может вызвать опасения по поводу конфиденциальности некоторых культурных данных или информации, связанной с национальной безопасностью.

В-третьих, могут потребовать серьезной адаптации к блокчейн-технологии вопросы регулирования и защиты прав интеллектуальной собственности. Ведь именно из-за децентрализованной природы блокчейна возникают сложности с определением и соблюдением юрисдикций. Вопросы о том, как национальные и международные нормы могут применяться к децентрализованным базам данных и цифровым активам, остаются открытыми, особенно если блокчейн-системы пересекают границы и вовлекают участников из разных стран.

Ну и наконец, в-четвертых, блокчейн-сети с самого начала своего существования сталкиваются с техническими ограничениями при обработке большого объема данных¹². Блокчейн-сети ограничены в пропускной способности и энергоэффективности, зачастую требуют значительных вычислительных ресурсов.

Рис. 3. Проблемы внедрения технологии блокчейн

Источник: выполнено Д.А. Громыко по данным [23] с помощью Power Point.

¹² Маккендрик Дж. Большие данные и блокчейн. Нужен ли блокчейн для хранения и обработки BigData? // Блог компании DIS Group. URL: <https://dis-group.ru/blogs/bolshie-dannye-i-blokchejn-nuzhen-li-blokchejn-dlya-hraniya-i-obrabotki-big-data/> (дата обращения: 26.01.2024).

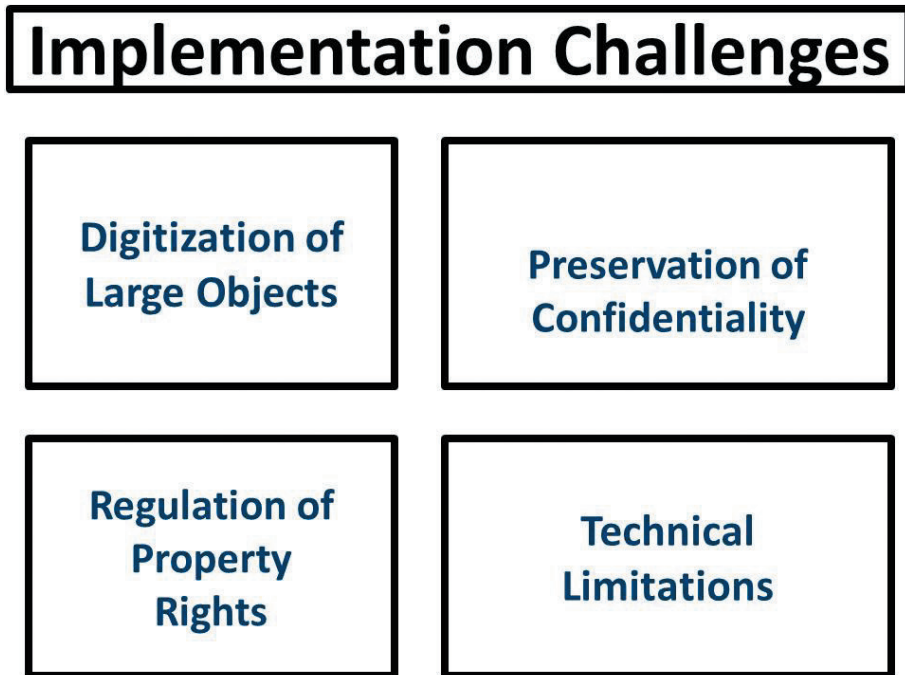

Fig. 3. Implementation Challenges Blockchain

Source: made by D.A. Gromyko According to the data [23] with the use Power Point.

Сохранение и защита культурных ценностей для будущих поколений требует инноваций и новых подходов. Использование блокчейн-технологий предоставляет новые возможности для сохранения и документирования культурного наследия человечества [24], в т.ч. повышение доступности культурных ценностей, борьбу с контрафактом и создание новых цифровых активов на основе объектов культурного наследия. Открывая новые возможности для более эффективной и долгосрочной сохранности ценностей, способствует их более широкому доступу к ним и их изучению, новым методам коллекционирования и цифровизации¹³.

Направления современного использования блокчейн-проектов и блокчейн-платформ для учета и безопасности объектов культурного наследия

Отметив выше тот факт, что блокчейн-технологии помогают улучшить сохранность и доступность культурных артефактов, можно сделать обоснованный вывод о необходимости ее внедрения в эту сферу, что в свою очередь также значительно облегчит финансирование и проведение научных исследований.

¹³ Цифровые шедевры. Как токены спасают экономику культурного наследия? // Аргументы и факты — aif.ru. 12.09.2023. URL: https://dzen.ru/a/ZP_CDkDKEHCmxX5K?utm_referer=yandex.by (дата обращения: 26.01.2024).

И действительно, в последние годы наблюдается значительный рост интереса к приложениям на блокчейне¹⁴ (рис. 4), в т.ч. по созданию цифровых сертификатов подлинности для художественных произведений и коллекций, где блокчейн используется для долгосрочного сохранения истории произведений и установления их подлинности [25].

Более 50% руководителей компаний (СЕО), финансовых директоров и сотрудников кадровых служб считают технологию blockchain критически важной для своей инфраструктуры.
Двое из каждых пяти руководителей медицинских учреждений называют технологию blockchain одним из пяти своих приоритетов.
Более 80% центральных банков мира выразили заинтересованность в изучении возможности создания собственной криптовалюты.
Безопасная технология блокчейн позволила уже в 2018 году провести транзакции на сумму более 270 млрд долларов США, что свидетельствует о ее способности обрабатывать значительные объемы передачи стоимости с повышенной безопасностью и доверием.
Технологию блокчейн на 2020 год активно использовал примерно каждый 200-й человек, что составляет около 40 млн пользователей. В 2024 году глобальное количество пользователей криптовалюты и блокчейн-кошельков оценивается в 575 миллионов, что составляет примерно 7% от мирового населения.
Банки могли бы ежегодно экономить от 8 до 12 млрд долл. за счет внедрения blockchain.
Начальная стоимость южнокорейского рынка блокчейна в 2021 году составила около 20,1 млрд долл., а к концу 2023 превысила 50 млрд долл.
Почти 50% геймеров по всему миру использовали технологию блокчейн для торговли или покупки цифровых товаров в течение 2023 года.

Рис. 4. Глобальное финансирование и сделки в области блокчейна
Источник: выполнено Громыко Д.А. по данным [25] с помощью Excel.

¹⁴ @editors, @teddy, @shanal, @gia, @vlad, @megon, @juxhina, @sharne. Our team conducted deep research into various industries to compile these statistics pieces for you // MarketSplash home. July 24, 2024. URL: <https://marketsplash.com/ru/statistika-blokchieina/> (accessed: 01.03.2024).

More than 50% of company CEOs, financial directors, and HR professionals consider blockchain technology critical for their infrastructure.
Two out of every five heads of medical institutions call blockchain technology one of their top priorities.
More than 80% of central banks globally have shown interest in studying the possibility of creating their own cryptocurrency.
Secure blockchain technology enabled transactions worth over \$270 billion USD in 2018 alone, demonstrating its capacity to process large volumes with enhanced safety and trust.
By 2020, blockchain technology was actively used by approximately every 200th person, equating to about 40 million users worldwide. By 2024, the total number of blockchain and cryptocurrency users is expected to reach 575 million, or approximately 7% of the global population.
Major banks save an estimated \$8 to \$12 billion annually by utilizing blockchain.
The initial cost of the global blockchain market in 2021 was approximately \$20.1 billion USD, expected to surpass \$50 billion by the end of 2023.
Almost 50% of gamers worldwide used blockchain technology for trading or purchasing digital goods in 2023.

Fig. 4. Global Funding and Deals in Blockchain

Source: made by Gromyko DA. According to the data [25] with the use Excel.

Современные ИТ-решения предлагают широкий спектр платформ и проектов, которые поэтапно устраняют имеющиеся проблемы, связанные с внедрением новой технологии (блокчейн), и создают новые направления для защиты и учета культурного наследия с использованием блокчейн-технологий (табл.).

Так, цифровая платформа Verisart¹⁵ использует технологию блокчейн для аутентификации и сертификации произведений искусства и других культурных ценностей. Она предоставляет цифровые сертификаты подлинности и создает надежные цифровые следы для каждого объекта искусства; обеспечивает подлинность и целостность культурных объектов и возможность прослеживать их происхождение и историю собственности.

¹⁵ verisart.com — оценка и анализ. URL: <https://verisart-com.statvoo.com/> (дата обращения: 16.10.2023).

Также имеются разработки по созданию цифровых записей для искусства и коллекционных предметов на блокчейне для обеспечения долгосрочного отслеживания их истории и владения.

Проект CodexProtocol¹⁶ создает децентрализованный реестр для регистрации искусства и других коллекционных предметов. Используя блокчейн, это решение устраняет проблемы подделок и обеспечивает надежность истории объекта; предоставляет систему для оценки, аутентификации и управления ценностями культурного наследия.

Еще одним важным направлением являются проекты, которые предоставляют блокчейн-реестры культурных памятников и археологических объектов, чтобы улучшить их охрану и восстановление. К примеру, проект Cultural Heritage Blockchain¹⁷ объединяет усилия музеев, архивов и других организаций для создания общего реестра на блокчейне, который содержит информацию о культурных ценностях. Это позволяет улучшить доступность и сохранность объектов культурного наследия; способствует обмену информацией о культурном наследии и укрепляет сотрудничество в этой области.

Блокчейн-решения в сфере культурного наследия

Платформа / Проект	Страна	Описание	Основные функции	Ссылка на сайт
1	2	3	4	5
Verisart	Великобритания	Использует блокчейн для аутентификации и сертификации искусства и культурных ценностей	Создание цифровых сертификатов подлинности; отслеживание происхождения и истории объектов	verisart.com
Codex Protocol	США	Децентрализованный реестр для регистрации искусства и коллекционных предметов	Исключает подделки; обеспечивает достоверность истории; система для оценки, аутентификации и управления	codexprotocol.com
Cultural Heritage Blockchain	ЕС	Платформа для учета культурных памятников и археологических объектов	Создание единого реестра, обмен данными о наследии; сотрудничество между музеями и архивами	https://research-and-innovation.ec.europa.eu/

¹⁶ Codex Protocol: Блокчейн-реестр для произведений искусства и коллекционных предметов, обеспечивающий безопасность и проверку происхождения. URL: <https://codexprotocol.com> (дата доступа: 20.10.2023), URL: <https://steemit.com/codex/@booli/codex-protocol-blockchain-based-registry-for-unique-assets> (дата обращения: 20.10.2023).

¹⁷ Harry Leeds. *Russia to Create a Cultural Heritage Blockchain Register*. Be in Crypto. November 9, 2020. URL: <https://beincrypto.com/russia-to-create-a-cultural-heritage-blockchain-register/> (accessed: 16.10.2023).

Окончание табл.

1	2	3	4	5
Guardtime (KSI)	Эстония	Система на базе блокчейн для обеспечения безопасности данных	Целостность данных о культурных объектах; защита от изменений; работа в цепочках поставок и здравоохранении	guardtime.com
Open Sea	США	Крупнейший рынок для NFT, включая коллекционные предметы	Продажа и обмен цифровыми коллекциями; часть доходов направляется на финансирование культурных проектов	opensea.io
Foundation	США	Платформа для цифрового искусства и продажи произведений в виде NFT	Продажа современных произведений искусства, поддержка культурных исследований и сохранения наследия	foundation.app
Super Rare	США	Платформа для создания и продажи уникальных цифровых произведений	Создание и продажа уникальных NFT, поддержка рынка цифрового искусства	superrare.com
Zora	США	Децентрализованная платформа для торговли NFT с динамическим ценообразованием	Динамическое ценообразование на основе спроса; поддержка цифровых коллекций и искусства	zora.co
Monegraph	США	Платформа для создания и продажи цифровых произведений искусства на блокчейне	Позволяет создавать и монетизировать уникальные цифровые активы, прозрачность владения	monegraph.com
Preservica	Великобритания	Решение для долгосрочного хранения и защиты цифровых документов	Защита и управление цифровыми активами организаций, доступ к данным на протяжении длительного времени	preservica.com
Ryerson University	Канада	Платформа для долгосрочного электронного архивирования и сохранности цифровых данных	Хранение и обмен цифровыми культурными документами для исследовательских целей и общественного доступа	ryerson.ca
Chronicled	США	Технология для обеспечения подлинности в цепочках поставок	Поддержка прозрачности и аутентичности товаров; может адаптироваться для нужд культурного наследия	chronicled.com
Blockchain Art Collective	США	Платформа для учета и передачи исторических артефактов и произведений искусства	Обеспечение подлинности и прозрачности в искусстве; отслеживание происхождения и подлинности артефактов	blockchainartcollective.com

Источник: выполнено Д.А. Громыко.

Blockchain Solutions in the Field of Cultural Heritage

Platform/ Project	Country	Description	Key functions	Website link
Verisart	UK	Uses blockchain for authentication and certification of art and cultural assets	Creation of digital certificates of authenticity; tracking provenance and history of objects	verisart.com
Codex Protocol	USA	Decentralized registry for registering art and collectibles	Prevents counterfeiting; ensures historical authenticity; system for appraisal, authentication, and management	codexprotocol.com
Cultural Heritage Blockchain	EU	Platform for accounting cultural monuments and archaeological objects	Creation of a unified registry, heritage data exchange; collaboration between museums and archives	https://research-and-innovation.ec.europa.eu/
Guardtime (KSI)	Estonia	Blockchain-based system for ensuring data security	Integrity of cultural object data; protection against changes; application in supply chains and healthcare	guardtime.com
Open Sea	USA	Largest NFT marketplace, including collectibles	Sale and exchange of digital collections; part of the proceeds funds cultural projects	opensea.io
Foundation	USA	Platform for digital art and NFT sales	Sale of contemporary artworks, support for cultural research and heritage preservation	foundation.app
Super Rare	USA	Platform for creating and selling unique digital works	Creation and sale of unique NFTs, support for the digital art market	superrare.com
Zora	USA	Decentralized platform for NFT trading with dynamic pricing	Dynamic pricing based on demand; support for digital collections and art	zora.co
Monegraph	USA	Platform for creating and selling digital artworks on blockchain	Allows creation and monetization of unique digital assets, transparency of ownership	monegraph.com
Preservica	UK	Solution for long-term storage and protection of digital documents	Protection and management of organizations' digital assets, long-term data access	preservica.com
Ryerson University	Canada	Platform for long-term electronic archiving and digital data preservation	Storage and exchange of digital cultural documents for research purposes and public access	ryerson.ca
Chronicled	USA	Technology for ensuring authenticity in supply chains	Supports transparency and authenticity of goods; adaptable for cultural heritage needs	chronicled.com
Blockchain Art Collective	USA	Platform for recording and transferring historical artifacts and artworks	Ensures authenticity and transparency in art; tracks provenance and authenticity of artifacts	blockchainartcollective.com

Source: made by DA Gromyko.

Одним из актуальных практических задач становится обеспечение целостности и безопасности данных о состоянии культурных объектов и месторасположении артефактов. Проект Guardtime¹⁸ специализируется на решениях безопасности на базе технологии блокчейн. Из наиболее известных проектов компании можно выделить создание КСИ (Keyless Signature Infrastructure), системы, использующей блокчейн для обеспечения целостности и неизменности данных.

При этом КСИ не требует ключей для подписи и предоставляет криптографическое подтверждение того, что данные не были изменены с момента их создания. Кроме того, Guardtime предлагает решения для таких сфер, как цепочки поставок, здравоохранение и даже оборона¹⁹.

Создание цифровых коллекционных предметов, часть выручки от продажи которых направляется на финансирование культурных исследований и сохранение наследия, также перспективное направление. Среди наиболее распространенных платформ можно отметить крупнейший рынок для NFT²⁰ Open Sea²¹, на котором представлены различные виды коллекционных предметов, от виртуальной недвижимости до арт-объектов.

Создана и функционирует платформа для цифрового искусства Foundation²², где художники могут продавать свои произведения в виде NFT. Хотя основной упор делается на современное искусство, ничто не мешает использовать эту или аналогичную платформу для финансирования культурных исследований или сохранения наследия.

Среди аналогичных платформ следует выделить платформу для цифрового искусства, где можно создать и продать уникальные произведения Super Rare²³, а также децентрализованную платформу для создания и торговли NFT — Zora²⁴, которая позволяет авторам устанавливать динамическое ценообразование на основе спроса.

¹⁸ Guardtime: Эстонская компания, предлагающая блокчейн-решения для обеспечения целостности данных с помощью технологии KSI Blockchain. URL: <https://guardtime.com/> (дата обращения: 21.10.2023).

¹⁹ Wirex. Как Эстония применяет блокчейн в масштабах целого государства // ХАБР. 14.09.2016. URL: <https://habr.com/ru/companies/wirex/articles/396095/> (дата обращения: 01.03.2024).

²⁰ NFT (Non-Fungible Token) — это уникальный цифровой актив, использующий технологию блокчейн для создания цифровых записей о владении или аутентичности цифрового контента, такого как изображения, аудиофайлы, видео или другие цифровые объекты. Каждый NFT имеет уникальный идентификатор, который гарантирует его неповторимость и неподделанность, что делает его ценным для коллекционирования и торговли.

²¹ OpenSea: Ведущая платформа для покупки, продажи и создания NFT, предлагающая разнообразные цифровые активы. URL: <https://opensea.io/> (дата обращения: 12.10.2023).

²² Foundation: Платформа для покупки, продажи и создания NFT, ориентированная на цифровое искусство и коллекционные предметы. URL: <https://nftfoundation.com/> (дата обращения: 21.10.2023).

²³ SuperRare: Платформа для покупки и продажи цифрового искусства на основе NFT. URL: <https://superrare.com/> (дата обращения: 21.10.2023).

²⁴ Zora: Платформа для создания, продажи и управления NFT. URL: <https://zora.co/> (дата обращения: 21.10.2023).

В свою очередь использование Monegraph²⁵ предоставляет решение для создания и продажи цифровых произведений искусства на блокчейне, позволяет художникам создавать уникальные цифровые активы, которые затем могут быть проданы с использованием смарт-контрактов. Платформа помогает художникам монетизировать свои творческие работы и обеспечивает прозрачность владения цифровыми произведениями искусства; предлагает инструментарий для создания своего собственного маркетплейса NFT.

Необходима работа и по долгосрочному хранению и восстановлению цифровых культурных документов на блокчейне. В частности, Preservica²⁶ позволяет организациям обеспечивать защиту, управление и доступ к своим цифровым активам на протяжении длительного времени. Хранение и обмен культурными записями и документами для исследователей и общественности возможно, к примеру, с помощью платформы для долгосрочного электронного архивирования и цифровой сохранности Ryerson University²⁷.

Отдельное направление работ по разработке проектов на блокчейне, предназначенных для учета и передачи культурных наследственных объектов и артефактов, — облегчение их сохранения и передачи следующим поколениям. В частности, технологическая компания Chronicled²⁸ использует блокчейн для обеспечения подлинности и прозрачности в цепочках поставок. Они создают решения для обеспечения подлинности товаров, особенно в фармацевтике и логистике. Их основной фокус не на культурном наследии, но технология может быть адаптирована и для таких нужд.

Для учета и передачи семейных исторических артефактов и истории подойдет Blockchain Art Collective²⁹ — инициатива, использующая блокчейн для обеспечения подлинности и прозрачности в мире искусства, предлагающая решения для художников, галерей и коллекционеров, чтобы следить за происхождением и подлинностью произведений искусства.

Итак, использование блокчейн-технологии в сфере культурного наследия представляет собой важный шаг в направлении сохранения и доступности культурной истории человечества. Эта инновационная технология обещает изменить способы учета, защиты и восстановления объектов культурного наследия, делая их доступными для всех.

²⁵ Monegraph: Платформа для управления авторскими правами и монетизации цифрового контента. URL: <https://www.monegraph.com/> (дата обращения: 21.10.2023).

²⁶ Preservica: Решения для цифрового архивирования и сохранения данных. URL: <https://preservica.com/> (дата обращения: 21.10.2023).

²⁷ Ryerson University: Университет в Канаде с рейтингами и информацией о курсах. URL: <https://edurank.org/uni/ryerson-university/> (дата обращения: 21.10.2023).

²⁸ Chronicled: Платформа для обеспечения прозрачности и подлинности цепочек поставок с помощью блокчейна. URL: <https://www.chronicled.com/> (дата обращения: 21.10.2023).

²⁹ Blockchain Art Collective: Решения для подтверждения подлинности и отслеживания произведений искусства с использованием блокчейна. URL: <https://blockchainartcollective.com/solutions> (дата обращения: 21.10.2023).

Блокчейн — это инструмент, который способен улучшить сохранение культурного наследия [26], но его успешное внедрение зависит от готовности к изменениям и соблюдения нормативных рамок (см. рис. 5).

В сфере культурного наследия технология блокчейн представляет собой возможность обогатить культурную сокровищницу человечества и сделать ее более доступной для будущих поколений.

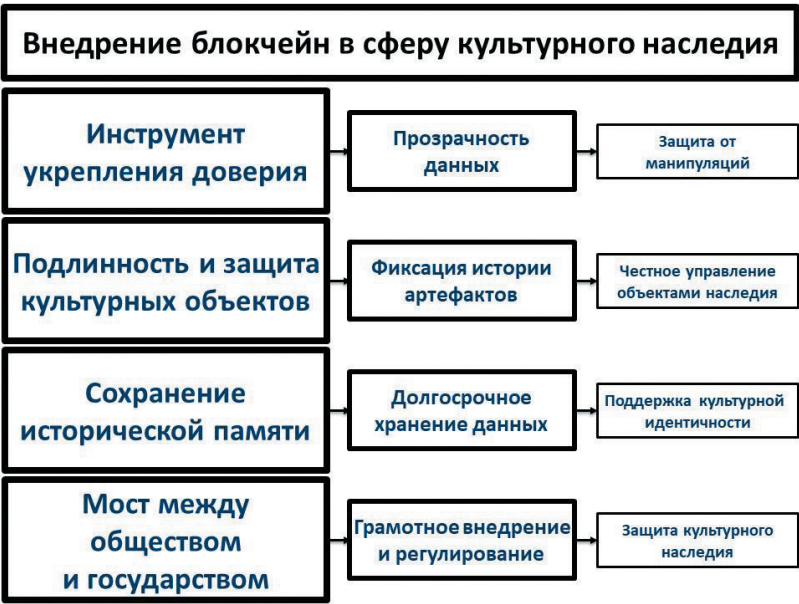

Рис. 5. Внедрение блокчейн в сферу культурного наследия
Источник: выполнено Д.А. Громыко по данным [27].

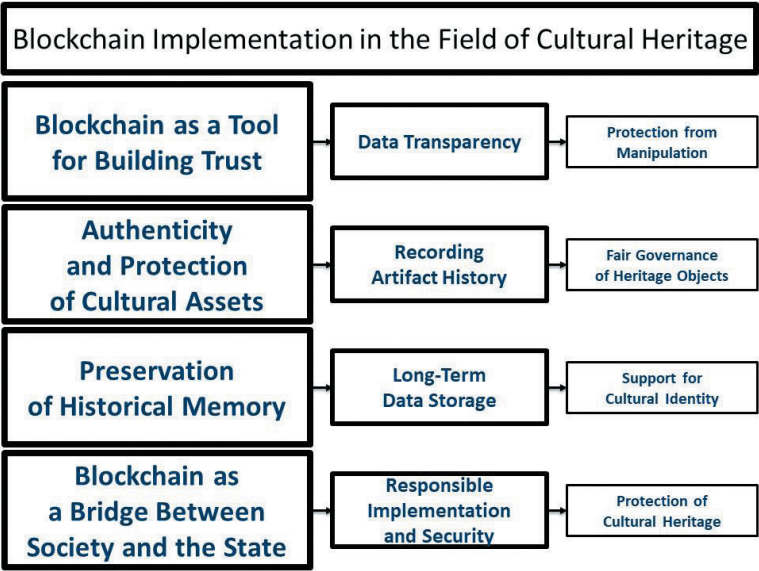

Fig. 5. Blockchain Implementation in the Field of Cultural Heritage
Source: made by Gromyko D.A. according to the data [27].

Кроме того, внедрение технологии блокчейн способно изменить способ, которым сохраняется и оценивается культурное наследие. Регулирование и конфиденциальность, а также работа с большими объемами информации и технические ограничения следует рассматривать как часть долгосрочных стратегий, которые должны быть успешно реализованы правительственными кругами, напрямую отвечающими за защиту и учет культурных ценностей.

Заключение

Результаты исследования показали, что внедрение блокчейн-решений в сферу культурного наследия может существенно повысить доверие общества к государственным институтам. Прозрачность и надежность, которые предоставляет блокчейн, делают информацию о культурных объектах доступной и открытой для граждан, тем самым усиливая доверительное отношение к власти. Когда блокчейн фиксирует каждый этап в истории артефактов, минимизируя риски фальсификаций и подделок, общество видит честный и объективный подход к управлению этой сферой, что также способствует укреплению этого доверия.

Кроме того, блокчейн способствует сохранению исторической памяти, важной для национальной идентичности. С его помощью государство может гарантировать надежное хранение данных о культурных ценностях, показывая приверженность к защите наследия для будущих поколений.

При этом властям необходимо более глобально подойти к указанной проблематике, так как, несмотря на свою надежность, блокчейн не защищает от технических угроз, таких как взломы или кибератаки. Если данные о культурном наследии подвергнуты атаке, это может вызвать сомнения в безопасности и надежности системы ее защиты, и в свою очередь негатив к действующим властным структурам. Именно при правильной реализации и регулировании блокчейн может стать не только инструментом для защиты культурного наследия, но и мощным звеном, связывающим общество с политической системой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кармов Т.М., Буторин Д.А. Международные организации в сфере сохранения Всемирного культурного наследия в условиях вооруженного конфликта в Сирийской Арабской Республике в 2011–2017 гг // Журнал Института наследия. 2019. № 1 (16). URL: <https://nasledie-journal.ru/ru/journals/272.html> (дата обращения: 20.04.2024).
2. Бибикова О.П., Жилина И.Ю. Разорение культурного наследия Ирака и Сирии как средство лишения народов национальной идентичности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 2. С. 222–239. <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.02.12> EDN: BQBXUH
3. Бабаян М.Э. Феномен культурного геноцида: история и современность // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 99–111. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-3-99-111> EDN: RSTZBT
4. Верховинская Л.В. Особенности реализации государственной политики в области охраны объектов культурного наследия: к постановке проблемы // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 1 (41). С. 133–138. EDN: YRJGSW

5. Власова К.В. Греко-турецкое противостояние и его влияние на регион восточного средиземноморья // Современная Европа. 2021. № 3. С. 27–37. <http://doi.org/10.15211/soveurope320212737> EDN: GFCPHM
6. Штольц Ю., Шелер Т., Соколов Ю.И., Коцюев В.С., Элькина А.А. Технология Blockchain. Принципы работы и перспективы применения // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 6. С. 67–76. EDN: YKVAMK
7. Мебония М.А. Технология блокчейн. Примеры блокчейна и его применение // Вестник науки. 2022. Т. 3. № 12 (57). С. 435–438. EDN: EYOCZM
8. Царёва А.Э., Тарасова Т.В. Технологии цифровизации и искусственного интеллекта в сохранении культурного наследия // Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник». 2023. № 5. С. 2700–2709. https://doi.org/10.55186/27131424_2023_5_5_8 EDN: LBUWDN
9. Trček D. Cultural heritage preservation by using blockchain technologies // Heritage Science. 2022. Vol. 10. № 1. P. 1–11. <https://doi.org/10.1186/s40494-021-00643-9> EDN: YYUWPY
10. Овинников В.А. Феномен блокчейна в культурном пространстве: проблемы и перспективы // Прогрессивная экономика. 2023. № 3. С. 69–81. https://doi.org/10.54861/27131211_2023_3_69 EDN: JPPWOQ
11. Березуцкий Б.Д. Фальсификации в археологии и истории в век информации // Гуманизация образования. 2019. № 6. С. 15–27. <https://doi.org/10.24411/1029-3388-2019-10064> EDN: VNZSLR
12. Жуков Д.В. Особенности защиты культурных прав в условиях развития цифровых технологий // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 44–52. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.105> EDN: IHFXIV
13. Пузырева Ю.В., Ключенкова А.А. Международное правоохранительное сотрудничество в борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 205–212. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10416> EDN: IMORGD
14. Быльева Д.С., Лобатюк В.В. Блокчейн и искусственный интеллект как технологии правды // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 95. № 6. С. 9–15. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2022-95-6-9-15> EDN: CCBWGI
15. Дьячкова И.С. Особенности разработки документов для кадастрового учета объектов культурного наследия // Шаг в науку. 2017. № 2. С. 118–121. EDN: YXJTSP
16. Del Vacchio E., Bifulco F. Blockchain in cultural heritage: insights from literature review // Sustainability. 2022. Vol. 14. № 4. P. 1–13. <https://doi.org/10.3390/su14042324> EDN: USGPAM
17. Модева М. ИКТ в образовании в сфере культурного наследия // Альманах «Этнодиалоги». 2021. № 3–4 (65–66). С. 214–223. <https://doi.org/10.37492/ETNO.2021.66.4.011> EDN: DSLLWF
18. Кузнецова В.П., Бондаренко И.А. Блокчейн в образовании // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13–1. С. 858–860. EDN: XSTNWP
19. Ларкина А.А., Горбачева А.С. Инвестиционная привлекательность объектов культурного наследия // Вестник магистратуры. 2013. № 2 (17). С. 59–61. EDN: PWOROR
20. Сиволан Т.Е. К вопросу сохранения культурного наследия в России: некоторые аспекты решения проблемы // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 1 (9). С. 80–89. EDN: PWZAAR
21. Бурдова В.Д. Правовая природа воспроизведения музейных предметов в цифровой форме NFT // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 1. С. 152–174. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.6> EDN: JMLRDF
22. Whitaker A., Bracegirdle A., De Menil S., Ann Gitlitz M., Saltos L. Art, antiquities, and blockchain: new approaches to the restitution of cultural heritage // International Journal of Cultural Policy. 2021. Vol. 27. № 3. P. 312–329. <https://doi.org/10.1080/10286632.2020.1765163> EDN: LOQURS
23. Тушин С.М., Новичков Д.Е., Кокорева И.В. Возможно ли заменить известное нам искусство NFT токенами // E-Scio. 2022. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozm-ozhno-li-zamenit-izvestnoe-nam-iskusstvo-nft-tokenami/viewer> (дата обращения: 26.01.2024).
24. Fraiberger S.P., Sinatra R., Resch M., Riedl Ch., Barabási A. Quantifying reputation and success in art // Science. 2018. Vol. 362. № 6416. P. 825–829.

25. De Best R. Blockchain — statistics & facts // STATISTA. February 6, 2024. URL: <https://www.statista.com/topics/5122/blockchain/> (accessed: 01.03.2024).
26. Stublić H., Bilogrivić M., Zlodi G. Blockchain and NFTs in the cultural heritage domain: a review of current research topics // *Heritage*. 2023. № 6. P. 3801–3819. EDN: MXJBZD
27. Мацкевич Е.А. Международно-правовая защита культурных ценностей и проблемы ее совершенствования // *Отечественная юриспруденция*. 2019. № 3. С. 30–34. EDN: USREEN

REFERENCES

1. Karmov TM, Butorin DA. International organizations in the sphere of preservation of the world cultural heritage in the context of armed conflict in the Syrian Arab Republic in the years 2011–2017. *The Heritage Institute Journal*. 2019;(1). URL: <http://nasledie-journal.ru/en/journals/279.html> (accessed: 20.04.2024) (In Russ.).
2. Bibikova OP, Zhilina IYu. Ruining Syria and Iraq as a way to undermine identity. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2022;15(2):222–239. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.02.12> EDN: BQBXUH
3. Babayan ME. The phenomenon of cultural genocide: history and modernity. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2020;(3):99–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-3-99-111> EDN: RSTZBT
4. Verkhovinskaya LV. Specifics of public policy implementation in the realm of heritage sites preservation: problem statement. *Skif. Voprosy studentcheskoi nauki*. 2020;1(41):133–138. (In Russ.). EDN: YRJGSW
5. Vlasova KV. Greek-Turkish confrontation and its influence on the Eastern Mediterranean. *Sovremennaya Evropa*. 2021;(3):27–37. (In Russ.). <http://doi.org/10.15211/soveurope320212737> EDN: GFCPHM
6. Shtol'ts Yu, Sheler T, Sokolov YuI, Kotsoev VS, El'kina AA. Tekhnologiya Blockchain. Printsipy raboty i perspektivy primeneniya [Blockchain technology: principles of operation and application prospects]. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*. 2017;(6):67–76. (In Russ.). EDN: YKVAMK
7. Meboniya MA. Blockchain technology. Examples of blockchain & its application. *Vestnik nauki*. 2022;3(12):435–438. (In Russ.). EDN: EYOCZM
8. Tsareva AE, Tarasova TV. Tekhnologii tsifrovizatsii i iskusstvennogo intellekta v sokhraneniі kul'turnogo naslediya [Technologies of digitalization and artificial intelligence in the preservation of cultural heritage]. *Nauchnyi setevoy zhurnal «Stolypinskii vestnik»*. 2023;(5):2700–2709. (In Russ.). https://doi.org/10.55186/27131424_2023_5_5_8 EDN: LBUWDN
9. Trček D. Cultural heritage preservation by using blockchain technologies. *Heritage Science*. 2022;10(1):1–11. <https://doi.org/10.1186/s40494-021-00643-9> EDN: YYUWPPY
10. Ovinnikov VA. The blockchain phenomenon in the cultural space: Problems and prospects. *Progressivnaya ekonomika*. 2023;(3):69–81. (In Russ.). https://doi.org/10.54861/27131211_2023_3_69 EDN: JPPWOQ
11. Berezutskiy BD. Falsifications in archaeology and history in the age of information. *Nauchno-prakticheskii zhurnal «Gumanizatsiya obrazovaniya»*. 2019;(6):15–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1029-3388-2019-10064> EDN: VNZSLR
12. Zhukov DV. Features of the protection of cultural rights in the context of the development of digital technologies. *Journal of Russian Law*. 2020;(9):44–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.105> EDN: IHFXIV
13. Puzyreva YuV, Klyuenkova AA. International legal cooperation in combating illegal trafficking of cultural properties. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2020;(7):205–212. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10416> EDN: IMORGD
14. Bylieva DS, Lobatyuk VV. Blockchain and artificial intelligence as a technology of truth. *The Humanities and Social Sciences*. 2022;95(6):9–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2022-95-6-9-15> EDN: CCBWGI

15. D'yachkova IS. Osobennosti razrabotki dokumentov dlya kadastravogo ucheta ob'ektov kul'turnogo naslediya [Features of document development for cadastral registration of cultural heritage objects]. *Shag v nauku*. 2017;(2):118–121. (In Russ.). EDN: YXJTCP
16. Del Vacchio E, Bifulco F. Blockchain in cultural heritage: insights from literature review. *Sustainability*. 2022;14(4):1–13. <https://doi.org/10.3390/su14042324> EDN: USGPAM
17. Modeva M. The implementation of ICT in cultural heritage education. *Al'manakh «Etnodialogi»*. 2021;(3–4):214–223. (In Russ.). <https://doi.org/10.37492/ETNO.2021.66.4.011>
18. Kuznetsova VP, Bondarenko IA. Blokchein v obrazovanii [Blockchain in education]. *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya*. 2018;(13–1):858–860. (In Russ.). EDN: DSLLWF
19. Larkina AA, Gorbacheva AS. Investitsionnaya privlekatel'nost' ob'ektov kul'turnogo naslediya [Investment attractiveness of cultural heritage objects]. *Vestnik magistraturyacy*. 2013;(2):59–61. (In Russ.). EDN: PWOROR
20. Sivolap TE. K voprosu sokhraneniya kul'turnogo naslediya v Rossii: nekotorye aspekty resheniya problem [To the question of cultural heritage preservation in Russia: several aspects of the problem solution]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. 2012;(1):80–89. (In Russ.). EDN: PWZAAR
21. Burdova VD. Legal nature of reproducing museum objects in the digital form of NFT. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023;1(1):152–174. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.6> EDN: JMLRDF
22. Whitaker A, Bracegirdle A, De Menil S, Gitlitz MA, Saltos L. Art, antiquities, and blockchain: new approaches to the restitution of cultural heritage. *International Journal of Cultural Policy*. 2021;27(3):312–329. <https://doi.org/10.1080/10286632.2020.1765163> EDN: LOQRS
23. Tushin SM, Novichkov DE, Kokoreva IV. Vozmozhno li zamenit' izvestnoe nam iskusstvo NFT tokenami [Is it possible to replace art as we know it with nft tokens]. *E-Scio*. 2020;(9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhno-li-zamenit-izvestnoe-nam-iskusstvo-nft-tokenami/viewer> (accessed: 26.01.2024) (In Russ.).
24. Samuel P, Fraiberger RS, Resch M, Riedl Ch, Barabási A. Quantifying reputation and success in art. *Science*. 2018;362(6416):825–829.
25. De Best R. Blockchain — statistics & facts. *STATISTA*. February 6, 2024. URL: <https://www.statista.com/topics/5122/blockchain/> (accessed: 01.03.2024).
26. Stublić H, Bilogrivić M, Zlodi G. Blockchain and NFTs in the cultural heritage Domain: A Review of Current Research Topics. *Heritage*. 2023;(6):3801–3819. EDN: MXJBZD
27. Matskevich EA. Mezhdunarodno-pravovaya zashchita kul'turnykh tsennostei i problemy ee sovershenstvovaniya [International legal protection of cultural values and issues of its improvement]. *Otechestvennaya yurisprudentsiya*. 2019;(3):30–34. (In Russ.). EDN: USREEN

Информация об авторе:

Громыко Денис Александрович — ассистент кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (e-mail: Gromyko-da@rudn.ru).

Information about the author:

Denis A. Gromyko — Assistant of the Department of Public Administration, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation (e-mail: Gromyko-da@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-1-71-89

EDN: WFNCLX

Научная статья / Research article

Влияние неполитических организаций на деятельность формализованных политических институтов в современной Японии

А.С. Рослякова , О.А. Ледовская

Институт Востоковедения РАН, Москва, Россия

 a.roslyakova@ivran.ru

Аннотация. Цель исследования — определение механизмов влияния южнокорейской христианской организации националистического толка «Церковь Объединения»¹ на территории Японии, в особенности на социально-политические аспекты внутрияпонских процессов. Обосновывается, что посредством иерархической дисциплины, присущей религиозным структурам, в ходе избирательных кампаний могут быть созданы организованные блоки голосов, способные оказывать влияние на их исход. Сделан вывод о том, что, несмотря на недовольство населения Японии, распустить японское отделение организации не представляется возможным. Во-первых, не раз были раскрыты связи данной религиозной структуры с японскими политическими деятелями, следовательно контакты носят системный характер. Во-вторых, поскольку темой общественных дискуссий организация стала после убийства бывшего премьер-министра страны Синдзо Абэ, совершенного пострадавшим от ее деятельности, в случае положительного решения о роспуске японского отделения, радикально настроенным группам и лицам будет, по сути, дан сигнал о том, что доносить свои требования до правительства можно с помощью силы, что может негативным образом повлиять на общественный порядок в стране.

Ключевые слова: Южная Корея, Республика Корея, новые религиозные движения, Церковь Объединения, Либерально-демократическая партия Японии, ЛДПЯ, Синдзо Абэ

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции обзора, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию 15.10.2024; принята к публикации 24.12.2024.

Для цитирования:.

Рослякова А.С., Ледовская О.А. Влияние неполитических организаций на деятельность формализованных политических институтов в современной Японии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 1. С. 71–89. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-71-89>

The influence of non-political organizations on the activities of formalized political institutions in contemporary Japan

Alexandra S. Roslyakova , Olga A. Ledovskaya

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*
 a.roslyakova@ivran.ru

Abstract. The purpose of the research is to examine the mechanisms of influence of the South Korean Christian nationalist organization “Unification Church”² in Japan. Particular attention is paid to its influence on the socio-political aspects of internal Japanese processes. It is argued that, through the hierarchical discipline inherent in religious structures, organized voting blocs can be created during election campaigns that are capable of influencing their outcome. It is concluded that, despite the discontent of the Japanese population, it is not possible to disband the Japanese branch of the organization. Firstly, the connections of this religious structure with Japanese political figures have been revealed more than once, so it can be concluded that there are systematic contacts. Secondly, since the organization became a topic of public debate after the assassination of former Prime Minister Shinzo Abe, committed by a victim of its activities, in the event of a positive decision to disband the Japanese branch, radical groups and individuals will, in essence, be given a signal that they can convey their demands to the government by force. This could negatively affect public order in the country.

Keywords: South Korea, Republic of Korea, New Religious Movements, Unification Church, Liberal Democratic Party of Japan, LDP, Shinzo Abe

Contribution. All the authors participated in the development of the concept of this review, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 15.10.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

For citation:

Roslyakova AS, Ledovskaya OA. The influence of non-political organizations on the activities of formalized political institutions in contemporary Japan. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(1):71–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-71-89>

Введение

14 августа 2024 г. бывший премьер-министр Японии Фумио Кисида заявил о том, что не будет выдвигать свою кандидатуру на предстоящих в сентябре выборах лидера правящей Либерально-демократической партии Японии (ЛДП), а поскольку ее глава автоматически занимает также пост премьер-министра страны, это означает, что он не будет претендовать и на этот пост. Причина очевидна: по результатам опроса, проведенного NHK (日本放送協会, Японская вещательная корпорация) в августе 2024 г.,

не одобряли правительство Кисида 55 % опрошенных, поддерживали — только 25 %³. Выяснилось также, что в преддверии выборов 27 % избирателей хотели бы более основательного обсуждения мер экономической политики. Еще 26 % высказались о необходимости политических преобразований для решения проблемы коррупции во власти⁴.

По признанию самого Кисида, в период его нахождения на посту премьер-министра произошел ряд громких скандалов. Они-то и повысили уровень недоверия общества к власти⁵. В особенности японское общество потрясла трагедия, случившаяся в июле 2022 г., грозившая подрывом самих основ безопасности в стране: на бывшего премьер-министра страны Синдзо Абэ во время выступления в ходе предвыборной кампании было совершено покушение с летальным исходом. Смертельный выстрел привлек внимание японской общественности к южнокорейской религиозной организации националистического толка «Церковь Объединения» (далее — Церковь, ЦО), поскольку арестованный по подозрению в убийстве заявил⁶, что мстил политику за его связи с этой организацией.

Убийство Абэ открыло «ящик Пандоры» [1] — вызвало волну разоблачений о связях многих действующих политиков из правящей ЛДП с ЦО. Особенно возмутил японское общество факт поддержки этой организацией ряда политиков в период избирательных кампаний. Согласно проведенному внутрипартийному опросу, из 379 членов обеих палат парламента 179 признали свою связь с Церковью, а у 121 из них связь эта была «более глубокого» характера⁷. Кисида дал указания членам ЛДП разорвать связи с ЦО [2]; а жертвы ее деяний, так называемое второе поколение верующих — дети родителей, создавших семьи под ее воздействием, начали кампанию в СМИ по привлечению внимания к проблемам

³ 内閣支持率 [Рейтинг одобрения кабинета министров] // NHK選挙WEB [NHK сэнкё WEB] URL: <https://www.nhk.or.jp/senkyo/shijiritsu/> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

⁴ Там же.

⁵ 【詳報】岸田首相会見 自民総裁選に不出馬を表明 首相退任へ [«Подробный отчет» Премьер-министр Кисида объявляет о невыдвижении своей кандидатуры на выборах главы ЛДПЯ и планах уйти с поста премьер-министра] // NHK URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20240814/k10014548611000.html> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

⁶ 「特定の宗教団体に恨み。近い安倍元首相を狙った」 容疑者が供述 [«Это была ненависть по отношению к одной религиозной группировке. Я нацелился на бывшего премьер-министра Абэ, находившегося в пределах досягаемости», — показания подозреваемого] // 朝日新聞 Digital [Асахи Симбун Digital] URL: <https://www.asahi.com/articles/ASQ786SN4Q78UTIL04V.html> (дата обращения: 19.08.2024) (In Jap.).

⁷ 旧統一教会と「つながりが深い」議員 121人、自民が氏名公表... 首相「重く受け止めている」 [Обнародование Либерально-демократической партией имен 121-го члена, которые имеют «глубокие связи» с «Церковью Объединения»... Премьер-министр: «Мы относимся к этому очень серьезно»] // 読売新聞デジタル [Ёмиури Симбун Дэдзитару]. URL: <https://www.yomiuri.co.jp/politics/20220908-OYT1T50324/> (дата обращения: 16.09.2024) (In Jap.).

организации⁸. Убийца Абэ также был представителем второго поколения верующих.

На протяжении последних двух лет проблема связей ЦО с политическим истеблишментом Японии не теряет своей актуальности. Раскрытие этих связей Кисида назвал одной из причин падения доверия народа к власти. Фактически такое признание означает, что религиозная организация, являющаяся неполитическим по своему формальному статусу институтом, способна оказывать сильное воздействие на деятельность формализованных политических институтов — партий. Поэтому представляется важным рассмотреть, во-первых, историю возникновения Церкви, ее идеальные цели и реальную практику, в особенности способы ее взаимодействия с верующими, во-вторых, процесс развития и укрепления ее «обоюдновыгодных» взаимоотношений с японскими политическими партиями.

«Церковь Объединения»: идеальная цель и реальная практика

Официальное наименование ЦО при ее создании — Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства. Наименование «Церковь Объединения», первоначально неофициальное, закрепилось за организацией позднее, став формальным ее обозначением во многих странах мира⁹. В 1997 г. «Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства» была переименована руководителями организации в «Федерацию семей за единство и мир во всем мире»¹⁰.

Церковь была основана Мун Сон Мёном¹¹ в 1954 г. Заявлено, что задолго до этого события на него еще в пятнадцатилетнем возрасте, в пасхальное

⁸ 旧統一教会の元2世信者 小川さゆりさん 被害者救済新法成立へ...半年間の記録 [Саюри Огава, бывший член «Церкви Объединения» во втором поколении, добивается принятия нового закона о помощи жертвам... 6-ти месячный репортаж] // NHK URL: <https://www.nhk.or.jp/shutoken/wr/20230210a.html> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

⁹ В каком году появилась Церковь Объединения? Что означает ее название? // Централизованная религиозная организация «Церковь Объединения — христианство в изложении Божественного Принципа» URL: <https://unification.ru/1-v-kakom-godu-poyavilas-tserkov-obedineniya/> (дата обращения: 19.08.2024).

¹⁰ Чхампумогён // Материалы для чтения и изучения. URL: <https://hoondok.ru/book/champumogyon/glava-1-federaciya-semey-za-edinstvo-i-mir-vo-vsyom-mire#top> (дата обращения: 19.08.2024).

¹¹ Мун Сон Мён (1920–2012). Родился в северокорейской деревне Пён-ан Пукдо, в крестьянской семье. В Корее он окончил сельскую школу и торгово-промышленный колледж, а по прибытии в Японию поступил на электротехнический факультет Высшей технологической школы при университете Васэда. После окончания Второй мировой войны Мун Сон Мён уехал проповедовать в Пхеньян, где несколько раз был арестован за проповедническую деятельность. После освобождения из заключения он направился на юг, где 1 мая 1954 г. в Сеуле им была открыта церковь под названием «Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства». Благодаря миссионерской деятельности отделения Церкви стали открываться в разных странах мира:

утро 1935 г., снизошло откровение, и он осознал, что Небеса возложили на него особую миссию: «Я получил четкие указания Бога, просившего меня заплатить искупление за грехи человечества и построить мир, который Он задумал с самого начала»¹².

Целью организации является спасение человечества и установление единого гармоничного мира¹³ — Царствия Божьего на земле — посредством создания из членов секты с помощью так называемого ритуала массовой свадьбы «традиционных», т.е. разделяющих традиционные ценности, семей с последующим рождением «чистых» детей, свободных от первородного греха [4]. При этом процесс «освобождения» от греховной природы происходит под воздействием психологических механизмов, которые делятся на две взаимодополняющие группы. Первую из них образуют механизмы непосредственного воздействия на поведение человека; ими обеспечивается тотальный контроль над жизнью «подопечных» Церкви; вторую — тоже психологические в основе своей механизмы, но с более узкой, «специализированной», задачей: обеспечить непрерывный поток материальных пожертвований в пользу секты. Используемый при этом метод типичен для религиозной секты — продажа за баснословные деньги культовых предметов, благодаря покупке которых якобы удастся освободиться от скверны, передававшейся в роду покупателя из поколения в поколение¹⁴.

Ритуал массового бракосочетания — ключевой религиозный элемент и одновременно некий «подарок» для верующих — также является частью системы тотального контроля. Ведь чтобы участвовать в этом торжестве, нужно соблюсти определенные условия. Во-первых, вовлечь в ряды сторонников культа минимум трех новых верующих, а также выполнять «норму» по экономической активности — необходимо осуществлять продажу культовых предметов на определенную сумму денег, которую организация назначает каждому ежемесячно¹⁵. Выполнение

организация присутствует в более чем 120 странах мира. В 1972 г. Мун переехал в США, где продолжил миссионерскую деятельность. Спустя несколько лет, во время своего визита в Южную Корею, он организовал самый многолюдный в истории страны митинг под лозунгом: «Всемирный поход за освобождение Кореи», собравший 1,2 миллиона человек. После смерти Мун Сон Мёна в 2012 г. руководителем организации стала Хан Хак Джа — его третья жена, с которой Мун состоял в браке с 1960 г. В 2020 г. по инициативе Хан Хак Джа был проведен Всемирный саммит, в котором приняло участие около 7000 делегатов из 170 стран мира [3].

¹² Централизованная религиозная организация «Церковь Объединения — христианство в изложении Божественного Принципа». URL: <https://unification.ru/> (дата обращения: 19.08.2024).

¹³ Какие цели преследует Церковь Объединения в России? // Централизованная религиозная организация «Церковь Объединения — христианство в изложении Божественного Принципа». URL: <https://unification.ru/7-kakie-tseli-presleduet-tserkov-obedineniya-v-rossii/> (дата обращения: 19.08.2024).

¹⁴ なぜ高額な壺や印鑑を買わされてしまうのか？ 元統一教会信者が明かす「靈感商法の巧妙手口」 [Почему мы вынуждены покупать дорогие горшки и личные печати? Бывший член «Церкви Объединения» раскрывает «искусные приемы мошеннического бизнеса по продаже ритуальных предметов»] // マネーポストWEB [Манэ:посуто WEB] URL: <https://www.moneypost.jp/964918/2/> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

¹⁵ 旧統一教会元信者が告白「7日間断食と140万円献金」合同結婚式参加のための信じられな

такой нормы считается «долгом» верующих¹⁶. Во-вторых, надо держать строгий пост — в течение семи дней вообще не употреблять пищи¹⁷. В-третьих, для участия в ритуале необходимо внести: верующим первого поколения 700 тыс. иен (464 тыс. р.; здесь и далее — по курсу на декабрь 2024 г.); верующим второго — 200 тыс. иен (132 тыс. р.)¹⁸, а также каждый должен сделать благодарственные пожертвования в размере 1 млн 400 тыс. иен (928 тыс. р.)¹⁹.

Партнеров для создания семей выбирает сама Церковь²⁰. Дети, рожденные в «священном браке», воспитываются в строжайшей дисциплине. Им нельзя смотреть телевизор, читать развлекательную литературу, по своей воле они не имеют права ни получить образование, ни жениться / выйти замуж²¹; им даже запрещено петь гимн своей страны²². Выйти из-под контроля организации крайне сложно, поскольку и детям, и их родителям — верующим первого поколения — умело внушают, что никто вне культа не сможет очистить свою природу, т.е. стать «Дитем Божиим», и потому «попадет в ад» [5]. Иногда и сами родители оставляют своих детей одних, покидая дом ради

いノルマ [Бывший член «Церкви Объединения» делает признание: «7-ми дневное воздержание от пищи и пожертвование в размере 1 400 000 иен». Невероятные правила для участия в церемонии массовой свадьбы] // PRESIDENT Online. URL: <https://president.jp/articles/-/63993?page=2> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

¹⁶ 平成元年 (7)第374号 損害賠償請求事件 (甲事件) [Первый год эпохи Хэйсэй (японское летоисчисление) № 374 Дело о возмещении ущерба (Дело А)] // 裁判所ホームページ [Сайбансё Хо:му Пэ:дзи] URL: https://www.courts.go.jp/app/files/hanrei_jp/535/006535_hanrei.pdf (дата обращения: 08.10.2024) (на яп. яз.).

¹⁷ Там же.

¹⁸ 【独自解説】「統一教会」『合同結婚式』含む大規模イベント開催 総工費500億円の『天苑宮』お披露目も日本メディアには警戒心...現地取材した鈴木エイト氏が解説 [«Уникальный комментарий» Японские СМИ с опаской относятся к открытию дворца «Тэнэн», стоимость которого составляет 50 миллиардов иен и в котором будут проводиться крупномасштабные мероприятия «Церкви Объединения», в частности массовые свадьбы. Пояснения дает Эйто Судзуки, который снял репортаж на месте событий] // YTV 読売テレビ [YTV Ёмиури Тэрэби] URL: https://www.ytv.co.jp/miyaneya/article/page_pyin1xq2pbi0e1kj.html (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

¹⁹ 旧統一教会元信者が告白「7日間断食と140万円献金」合同結婚式参加のための信じられないノルマ [Бывший член «Церкви Объединения» делает признание: «7-ми дневное воздержание от пищи и пожертвование в размере 1 400 000 иен». Невероятные правила для участия в церемонии массовой свадьбы] // PRESIDENT Online URL: <https://president.jp/articles/-/63993?page=3> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

²⁰ 祝福結婚Q&A [Благословление на свадьбу Q&A] // 世界平和統一家庭連合 公式サイト [Сэ-кай хэйва то:ицу катэй рэнго: ко:сики сайто] URL: <https://ffwpu.jp/marriage-family/invite/qa> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

²¹ 宗教2世問題 [Проблема верующих второго поколения] // 情報・知識&オピニオン imidas [Дзё:хо:•тисики&опинион imidas] URL: https://imidas.jp/newjijiword/?article_id=1-91-055-22-11-g241 (дата обращения: 19.08.2024).

²² ある宗教2世の悩み [Страдания некоторых верующих второго поколения] // 日本テレビ [Нихон Тэрэби] URL: https://www.ntv.co.jp/gyoten/backnumber/article/20190219_02.html (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

выполнения волонтерской работы в интересах ЦО²³, т.е. и взрослых, и детей лишают обычной жизни в обмен на жизнь «ради культа».

Посредством таких психологическо-финансовых махинаций собираются огромные суммы денег, которые используются, например, на строительство недвижимости для руководителей секты²⁴ или на привлечение политиков мировой величины на мероприятия, организуемые Церковью²⁵. Однако, помимо этого, Муном были созданы многочисленные нерелигиозные организации и ассоциации, которые работают в разных странах мира. В их числе Федерация женщин за мир во всем мире; Федерация семей за единство и мир во всем мире; Всемирная ассоциация неправительственных организаций; Международный совет безопасности; Федерация за всеобщий мир [3], которая также имеет генеральный консультативный статус в Экономическом и Социальном Совете ООН²⁶. Следовательно, представляется возможным сделать вывод о том, что деятельность Мун Сон Мёна и созданной им организации нельзя оценить однозначно: с одной стороны, образ «Церкви Объединения» во многих странах ассоциируется с мошеннической деятельностью, но в то же время Муном было создано большое количество организаций и ассоциаций, многие из которых являются благотворительными, выступают за развитие культуры, искусства, науки и образования, а также за всеобщее объединение человечества, вне зависимости от вероисповедания, расы и национальности.

Тем не менее, из-за выкачивания из семейных бюджетов ежемесячных денежных пожертвований, а также из-за обязательных покупок культовых предметов многие связанные с Церковью семьи еле сводят концы с концами. Немало и таких семей, что вообще обанкротились. Мстивший Абэ за связи того с Церковью тоже пострадал от подобных практик, разоривших его семью: мать

²³ 「うちの家おかしい」「サタンの考え」旧統一教会信者2世が語る壮絶な過去①<顔なき...声> [«Мой дом странный» «Мысли сатаны» Член бывшей Церкви Объединения во втором поколении рассказывает о жестоком прошлом ① <Безликий... крик>] // 山陰中央新報デジタル [Сан Ин Тю:о: Синпо:] URL: <https://www.sanin-chuo.co.jp/articles/-/465094> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

²⁴ 【独自解説】“統一教会”『合同結婚式』含む大規模イベント開催 総工費500億円の『天苑宮』お披露目も日本メディアには警戒心...現地取材した鈴木エイト氏が解説 [«Уникальный комментарий» Японские СМИ с опаской относятся к открытию дворца «Тэнэн», стоимость которого составляет 50 миллиардов иен и в котором будут проводиться крупномасштабные мероприятия «Церкви Объединения», в частности массовые свадьбы. Пояснения дает Эйто Судзуки, который снял репортаж на месте событий] // YTV 読売テレビ [YTV Ёмиури Тэрэ-би] URL: https://www.ytv.co.jp/miyaneya/article/page_pyin1xq2pbi0elkj.html (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

²⁵ 旧統一教会の友好団体の記念行事にトランプ氏がビデオメッセージ [Трамп выступает с видеообращением на памятной мероприятии организации, дружественной «Церкви Объединения»] // 朝日新聞 Digital [Асахи Симбун Digital]. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASR534QR8R53UTIL008.html> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

²⁶ List of non-governmental organizations in consultative status with the Economic and Social Council as of 1 September 2018: note / by the Secretary-General / [Электронный ресурс] // United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1657187?ln=en&v=pdf> (дата обращения: 08.10.2024)

«пожертвовала» в пользу организации около 100 млн иен (около 60 млн р.), в т.ч. деньги от страховки, полученные в связи со смертью его отца²⁷.

Таким образом, появляется необходимость снятия напряженности между религиозной организацией и общественностью, которая может провоцировать последнюю на акты насилия [6] вследствие наличия «удачного» прецедента.

Как «Церковь Объединения» укоренилась и распространилась в Японии

Любопытным является тот факт, что в мировоззрении руководителей культа Япония является «олицетворением греховной Евы», которая должна искупить свои грехи перед страной, «олицетворяющей Адама», т.е. перед Южной Кореей²⁸, населенной избранным народом, которому суждено спасти мир [7]. Что, собственно говоря, и делает «Церковь Объединения» организацией националистического толка. Естественно, возникает вопрос, каким образом такая организация смогла стать в послевоенное время популярной в «греховной» Японии?

В первую очередь это объясняется тем, что Церковь продемонстрировала большую гибкость, способность адаптироваться к различным национальным условиям, впитывать новые черты из различных принимающих обществ [8]. Другая, не менее важная причина — ЦО распространялась не только под эгидой христианской веры, но и под знаменем антикоммунизма²⁹: была создана «Международная федерация за победу над коммунизмом», через которую происходило проникновение идей Мун Сон Мёна на территорию Японии [9]. Хотя налаживание межкультурных связей и содействие международному общению в учении Муна составляли необходимое условие для достижения «царства мира» на Земле, коммунизм решительно был исключен из такого синтеза: сторонникам «Церкви Объединения» не нужен «мир», если он предполагает капитуляцию перед коммунизмом [10].

Сочувствие этой концепции в целом ряде капиталистических стран позволило «Церкви Объединения» распространить рычаги своего

²⁷ 容疑者母が旧統一教会に「献金1億円超」 親族が証言、夫の保険金も [Родственники свидетельствуют, что мать подозреваемого «пожертвовала» более 100 миллионов иен «Церкви Объединения», включая деньги по страховке мужа] // 朝日新聞 Digital [Асахи Симбун Digital] URL: <https://www.asahi.com/articles/ASQ7F7428Q7FPTIL00Z.html> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

²⁸ 日本人女性は韓国人男性に仕えるべき...旧統一教会が日本人信者に「金と奉仕」を要求する 驚くべき言い分 [Японские женщины должны служить корейским мужчинам...поразительное высказывание о том, что «Церковь Объединения» требует от японских верующих «денег и служения»] // PRESIDENT Online URL: <https://president.jp/articles/-/60721?page=1> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

²⁹ 旧統一教会フロント組織の「潜入ドキュメンタリー」を私が作った理由 [Причина, по которой я создал «документальный фильм о внедрении» в организацию «Церкви Объединения», созданной для публичной деятельности] // DIAMOND ONLINE URL: <https://diamond.jp/articles/-/325814> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

влияния не только в Японии, но и в Соединенных Штатах Америки. И там, как и в Японии, Мун продвигал свою организацию посредством антикоммунистических взглядов, заявляя, что коммунизм — это «инструмент сатаны» [11]. В частности, самые «дружественные» отношения у основателя ЦО сложились с Джорджем Бушем-старшим [9]. Вместе с тем, нельзя объяснять рост популярности ЦО исключительно ее антикоммунизмом и вызванными им симпатиями к учению Муна в среде истеблишмента: апелляция к традиционным ценностям, выдвижение семьи на первое место в жизненных стратегиях, призыв к самосовершенствованию — все это не могло не вызывать отклика у более широкой аудитории.

Вернемся, однако, в Японию. История связи семьи Абэ с ЦО насчитывает не одно поколение. Еще его дед по материнской линии, премьер-министр Японии в 1957–1960 гг. Нобусукэ Киси находился в тесном контакте с организацией. Считается, что именно он поспособствовал появлению этой секты в Японии, оказав помощь в формировании подразделения ЦО в Токио³⁰. Киси лично обратился к президенту Рейгану с просьбой освободить «уважаемого учителя» Мун Сон Мёна из американской тюрьмы, куда того заключили по обвинению в неуплате налогов [12]. Отец Синдзо Абэ, Синтаро Абэ, который занимал различные министерские и партийные посты, тоже подозревается в близких связях с ЦО. Сам Мун Сон Мён на своих проповедях в 1989 г. говорил: необходимо укреплять связи «Церкви Объединения» с ЛДП через фракцию Абэ, дабы впоследствии создать Церковь внутри японского парламента³¹. А также — готовить секретарей для парламентариев, чье влияние должно было осуществляться и распространяться благодаря членству во фракции Абэ Синтаро³².

В связи с тем, что у Церкви были такие тесные контакты с японским правительством, возникает вопрос, не имеет ли ее символ, утвержденный в 1965 г. в соответствии с дизайном, разработанным самим Муном³³ (рис.), идеологическое истолкование, в своих основах скорее японское, чем корейское? Изначально этот символ в виде нагрудных значков, облегчавших идентификацию прихожан «по вере», начали использовать адепты культа в Корее³⁴. Позже его стали изображать в книгах, на церковных вывесках, в качестве

³⁰ 旧統一教会と自民の密接な関係 岸信介氏から始まった3代の因縁 [Тесные отношения между «Церковью Объединения» и Либерально-демократической партией — три поколения связи, начавшиеся с Нобусуке Киси] // 毎日新聞 [Майнити Симбун] URL: <https://mainichi.jp/articles/20220914/k00/00m/010/145000c> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

³¹ 「安倍派中心に関係強化を」旧統一教会 創始者・文鮮明氏が信者に政界工作説く [«Укрепляйте отношения, опираясь на фракцию Абэ», — основатель Церкви Объединения Сон Мён Мун проповедует своим последователям манипуляцию политическими кругами] // テレ朝 news [Аса Тэрэ news] URL: https://news.tv-asahi.co.jp/news_international/articles/000274803.html (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

³² Там же.

³³ Символ Церкви Объединения // Изучаем принцип. URL: <https://dp-study.org/knigi/traditsii-tserkvi-ob-edineniya/glava-10-simvol-tserkvi-ob-edineniya> (дата обращения: 19.08.2024).

³⁴ Там же.

орнамента на ювелирных украшениях³⁵. Примечательно, что символ этот очень похож на другой, украшавший военное знамя Японии (так называемый флаг Восходящего солнца) — на символ того самого японского милитаризма, от которого пострадала Корея. Это особенно удивительно, ведь «Церковь Объединения», напомним, была основана менее чем через десять лет после окончания Второй мировой войны, в 1954 г. Есть мнение, что цвет и форма были выбраны в качестве уловки для скрытия антияпонской направленности организации³⁶, а также для привлечения консервативных японцев, денежные средства которых использовались в интересах культа, и сочувствующих антикоммунистической повестке японских политиков [13]. Вместе с тем знак Церкви наполнен также нумерологическим смыслом³⁷, а в 2009 г. его цвет был изменен с красного на золотой³⁸.

Эмблема «Церкви Объединения»

Источник: Unification Church symbol. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Unification_Church_symbol.svg

Unification Church symbol

Source: Unification Church symbol. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Unification_Church_symbol.svg

«Церковь Объединения» после исчезновения «коммунистической угрозы»

В 1990 г. Мун Сон Мён встретился в Кремле с М.С. Горбачевым. Перед встречей он дал свое первое за двадцать лет интервью, причем дал его советскому журналисту. В нем он сказал: «Мне дорог русский народ,

³⁵ Unification church symbol // The tradition, book one reverend Chung Hwan Kwak. URL: <https://www.unification.net/tradition/tt1-10.html> (дата обращения: 19.08.2024).

³⁶ 家庭連合(旧統一教会)のマーク・ロゴと自民党のシンボルマーク [Эмблема/логотип Федерации семей («Церкви Объединения») и логотип ЛДП] // note. URL: <https://note.com/dockingbay94/n/n04cd3fe7b605> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

³⁷ Эмблема Церкви Объединения // Централизованная религиозная организация «Церковь Объединения — христианство в изложении Божественного Принципа». URL: <https://unification.ru/emblema-tserkvi-obedineniya/> (дата обращения: 19.08.2024).

³⁸ Флаг Церкви Объединения // Чхонильгук URL: <https://cheonilguk.ru/Verouchenie/Tradicii-Istinyh-Roditeley/Chast-2-Simvolika-i-atributy-Chhonilguk/Glava-11-Flag-Cerkvi-Obedineniya> (дата обращения: 19.08.2024).

потому что он всегда был в истории великим народом, призванным быть посредником между европейской и азиатской культурами. Я также хочу, чтобы народ Советского Союза знал о моем пожелании успеха Президенту Горбачеву в его исторических начинаниях. Я предсказываю, что благодаря его усилиям в пользу подлинной демократизации и подлинной религиозной свободы Советский Союз в состоянии не только сравняться с Западом, но и его обойти»³⁹.

В целом после падения Берлинской стены и распада Советского Союза антикоммунистическая направленность организации утратила смысл. В 1994 г., в сороковую годовщину основания «Церкви Объединения», было объявлено, что она должна сместить акцент своей деятельности с преимущественно религиозной на преимущественно социальную — на реализацию амбициозного плана по созданию и всемирному распространению «идеальной семьи». Как следствие, из названия ЦО вообще исчезло слово «христианство»: в 1997 г. «Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства» стала называть себя «Федерацией семей за единство и мир во всем мире»⁴⁰.

Соответственно, начиная с 1997 г., ЦО пыталась добиться разрешения от правительства Японии на смену названия. Однако это произошло только в 2015 г., т.е. спустя почти двадцать лет. Едва ли не главная причина этого заключалась в том, что в Японии была распространена недобросовестная деловая практика, в соответствии с которой название организации не соответствовало осуществляемой ею деятельности, а против ЦО как раз было подано большое количество судебных исков с обвинениями в мошеннических действиях. Поэтому Отдел по делам религий Агентства по делам культуры и не утвердил смену названия⁴¹. Когда же в 2015 г. такая смена была неожиданно одобрена Агентством, это привело в недоумение депутатов от коммунистической партии Японии (КПЯ)⁴². КПЯ инициировала расследование по факту столь внезапного изменения позиции регулирующего органа, а ее глава заявил, что «для Коммунистической партии это последняя война против «Церкви Объединения»⁴³. Однако часть запрошен-

³⁹ Интервью в газете «За рубежом» № 47 (1532), 1989 г. // Централизованная религиозная организация «Церковь Объединения — христианство в изложении Божественного Принципа». URL: <https://unification.ru/zarubezhom-n47/> (дата обращения: 19.08.2024).

⁴⁰ Чхампумогён // Материалы для чтения и изучения. URL: <https://hoondok.ru/book/champumogyon/glava-1-federaciya-semey-za-edinstvo-i-mir-vo-vsy-om-mire#top> (дата обращения: 19.08.2024).

⁴¹ 「統一教会」の名称変更手続きは本当に機械的だったのか 悲願の重大案件なのにずっとだった申請書類とは [Была ли процедура смены названия «Церкви Объединения» действительно технической? Несмотря на то, что это был важный запрос, что представляло собой кое-как составленное прошение] // 東京新聞 [То:кё: Симбун]. URL: <https://www.tokyo-np.co.jp/article/195082> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

⁴² Там же, С. 2.

⁴³ 共産・志位氏、旧統一教会と「決着つける」 [Г-н Сии из Коммунистической партии Японии: «Мы покончим с «Церковью Объединения»] // 産経新聞 [Санкэй Симбун]. URL: <https://www.sankei.com/article/20221027-CHMQH7UGD5KTDIQL7IYY66234/> (дата обращения: 19.08.2024).

ных документов, касающихся смены названия, так и не была предоставлена депутатам для прочтения.

Скорее всего внезапное одобрение нового названия произошло по причине вмешательства какого-то влиятельного политика⁴⁴. К примеру, на момент одобрения нового названия Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий, при котором учреждено Агентство по делам культуры, возглавлял замеченный в связях с Церковью член фракции Абэ Хакубун Симомура, чьи интервью публиковались в журнале и газете, принадлежащих ЦО. Издательство же, печатавшее этот журнал, тоже аффилировано с ЦО, и оно пожертвовало 60 тыс. иен (около 40 тыс. р.) избирательному округу, которое представлял Симомура⁴⁵. Сам он, однако, отрицает свою причастность к одобрению смены названия, но факт остается фактом: его имя фигурирует в списке связанных с ЦО политиков⁴⁶, обнародованном после внутреннего расследования в ЛДП по случаю убийства Абэ⁴⁷.

В свете последних событий организацию по-японски чаще называют 旧統一教会 (*Кю:то:ицу кё:кай*) = «Экс-Церковь Объединения», чтобы связать ее прошлое с настоящим без оглядки на попытки очищения подпорченного имиджа сменой названия. Некоторые исследователи намеренно не используют префикс «экс-», дабы показать, что они не признают сам факт смены названия [14].

На территории Японии количество членов «Церкви Объединения», которые могут быть задействованы в избирательных кампаниях, оценивается примерно в 600 тыс. человек⁴⁸. Однако некоторые исследователи приходят к выводу о том, что на самом деле верующих гораздо меньше, нежели заявляет

19.08.2024) (на яп. яз.).

⁴⁴ 「統一教会」の名称変更手続きは本当に機械的だったのか 悲願の重大案件なのにずさんだった申請書類とは [Была ли процедура смены названия «Церкви Объединения» действительно технической? Несмотря на то, что это был важный запрос, что представляло собой кое-как составленное прошение] // 東京新聞 [То:кё: Симбун]. URL: <https://www.tokyo-np.co.jp/article/195082/2> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

⁴⁵ 旧統一教会、19年越しで名称変更のなぞ 下村文科相在任中に突如実現 [Тайна смены названия «Церкви Объединения». Смена названия стала возможной спустя 19 лет во время пребывания Симомура на посту министра образования, культуры, спорта, науки и технологий] // 東京新聞 [То:кё: Симбун]. URL: <https://www.tokyo-np.co.jp/article/191892/1> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

⁴⁶ 旧統一教会と「つながりが深い」議員 1 2 1 人、自民が氏名公表...首相「重く受け止めている」 [Обнародование Либерально-демократической партией имен 121-го члена, которые имеют «глубокие связи» с «Церковью Объединения»... Премьер-министр: «Мы относимся к этому очень серьезно»] // 読売新聞デジタル [Ёмиури Симбун Дэдзитару]. URL: <https://www.yomiuri.co.jp/politics/20220908-OYT1T50324/> (дата обращения: 16.09.2024) (на яп. яз.).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ 旧統一教会問題についての合同電話相談窓口に関する質問主意書 [Основная информация о едином телефонном консультационном центре по вопросам «Церкви Объединения»] // 衆議院ホームページ [Сю:гиин Хо:му Пэ:дзи]. URL: https://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_shitsumon.nsf/html/shitsumon/a210015.htm (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

ЦО, и их количество ограничивается приблизительно сотней тысяч человек [9]. ЦО по-прежнему отличается иерархичная структура и крепкая дисциплина. То и другое может при необходимости обеспечить большое количество «твердых голосов» — избирателей, которые будут послушно поддерживать того политика, на которого им укажут лидеры общины, а также добавить голоса в тех избирательных округах, где их не хватает, путем привлечения волонтеров, которые будут усердно работать над сбором голосов [13]. Именно прагматические соображения, т.е. учет возможностей «Церкви Объединения» в деле мобилизации и «правильной» мотивации избирателей, а отнюдь не духовные поиски стали первопричиной взаимодействия с ней членов японской правящей партии, понимающих, что такого рода «помощь извне» может стать для них весомым подспорьем. В особенности с учетом того, что обычно явка избирателей на парламентские выборы не на много превышает 50 %⁴⁹. Этим и объясняется, почему почти половина заседающих в парламенте либерал-демократов имели / имеют связи с ЦО. Вдобавок членов этой организации можно использовать — и их действительно используют — как бесплатную рабочую силу, и тем самым сокращать для ЛДП стоимость избирательных кампаний⁵⁰.

Следует вместе с тем заметить, что многие политики, видимо, вообще не осознают, что связаны или были связаны с «антиобщественной» организацией. На этом основании некоторые исследователи даже приходят к мнению, что в Японии имеет место «контроль сознания» со стороны ЦО [9] и Церковь была и остается важным инструментом влияния на сферу политического сознания японцев.

«Церковь Объединения» после убийства Абэ

В апреле 2023 г. было совершено покушение на Фумио Кисида, занимавшего тогда пост премьер-министра Японии. Изначально покушавшегося возмутила невозможность подать заявку в качестве кандидата на выборы в муниципальный совет из-за существующего возрастного ценза: право баллотироваться имеют кандидаты старше 25 лет, а на момент совершения покушения нападавшему было 24 года⁵¹. Он посчитал такое по-

⁴⁹ 国政選挙における投票率の推移 [Тенденции в показателях явки избирателей на национальный выборы] // 総務省ホームページ [Со:мусё: Хо:му Пэ:дзи]. URL: https://www.soumu.go.jp/senkyo/senkyo_s/news/sonota/ritu/index.html (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

⁵⁰ 自民党と旧統一教会、50年以上の「おつきあい」 選挙に欠かせなくなった信者ボランティア [Либерально-демократическая партия и «Церковь Объединения» поддерживают «отношения» уже более 50 лет. Верующие-волонтеры стали незаменимы на выборах] // 東洋経済 ONLINE [То:ё: Кэйдзай ONLINE]. URL: <https://toyokeizai.net/articles/-/705815?page=2> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

⁵¹ 統一教会と国葬で「既存政治家」批判、銃撃事件契機に持論先鋭化か 首相襲撃容疑者 [Подзреваемый в нападении на премьер-министра критикует «существующих политиков» из-за «Церкви Объединения» и государственных похорон; привел ли инцидент со стрельбой к радикализации его взглядов?] // 産経新聞 [Санкэй Кэйдзай]. URL: <https://www.sankei.com/article/20230418->

ложение дел антиконституционным и подал иск в окружной суд города Кобэ, требуя от правительства возмещения ущерба. Он также выступил с критикой существующей избирательной системы, когда депутатский корпус и правительство формируются в значительной мере за счет голосов, обеспечиваемых сговором с такими организациями, как «Церковь Объединения»: это, по его словам, наряду с возрастными ограничениями и системой денежных депозитов, является поправлением гарантированного Конституцией всеобщего избирательного права⁵². Раскритиковал он и решение кабинета Кисида о проведении государственных похорон Синдзо Абэ без парламентских обсуждений, добавив, что «существующие политические партии и политики с организованным блоком голосов имеют преимущество»⁵³.

Учитывая тот факт, насколько глубоко Церковь «срослась» со многими действующими политиками [15], расследование в отношении «Церкви Объединения» тянется уже более двух лет. Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий, пользуясь своим правом запрашивать отчеты и задавать вопросы о фактическом статусе деятельности религиозной организации, если та подозревается в нарушении закона⁵⁴, семь раз направляло запросы ЦО. Ответы на них были неполными, а около пятой части запросов остались вообще без ответа⁵⁵. В итоге Министерство потребовало распустить Церковь. Также Окружной суд Токио обязал президента ее японского филиала Томихиро Танака выплатить штраф в размере 100 тыс. иен (около 66 тыс. р.) за отказ отвечать на запросы Министерства⁵⁶. В марте 2024 г. было объявлено, что деятельность ЦО подлежит усиленному мониторингу: она должна будет каждые три месяца направлять правительству опись своего имущества и, дабы избежать сокрытия доходов от принадлежащей недвижимости, уведомлять о ее продаже не менее чем за месяц до предполагаемой сделки⁵⁷.

60BTBEMBRRKVPXLJFN4GQ67YU/ (дата обращения: 01.09.2024) (на яп. яз.).

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ NHK 政治マガジン [Политический журнал NHK] // NHK. URL: <https://www.nhk.or.jp/politics/kotoba/90649.html> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

⁵⁵ 旧統一教会に「過料」7日に裁判所に求めることを決定 文科省 [7-го числа Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий приняло решение просить суд о наложении «штрафа» на «Церковь Объединения»] // NHK. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20230906/k10014185221000.html> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

⁵⁶ 旧統一教会側に過料10万円、地裁決定 質問権は「適法」 [«Церковь Объединения» оштрафована на 100 000 иен; суд постановил, что право на допрос является «законным»] // 日本経済新聞 [Нихон Кэйдай Симбун]. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXZQOUE223PX0S4A120C2000000/> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

⁵⁷ 旧統一教会を「指定宗教法人」に指定...不動産処分前の通知義務化、財産流出を防止 [«Церковь Объединения» признана «назначенной религиозной организацией»... Наложено обязательство уведомлять органы власти перед продажей недвижимости, дабы предотвратить утечку активов] // 読売新聞オンライン [Ёмиури Симбун Онлайн]. URL: <https://www.yomiuri.co.jp/national/20240307-OYT1T50048/> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

Однако случилось новое разоблачение: всплыла связь с ЦО Масахито Морияма — министра по делам образования, культуры, спорта, науки и технологий, т.е. главы того самого ведомства, которое требует роспуска «Церкви Объединения»⁵⁸. Как только это стало достоянием общественности, министр публично заявил о разрыве всех связей с сектой, хотя поначалу пытался их отрицать⁵⁹. Уже после этого заявления Морияма стало известно, что от организаций, аффилированных с ЦО, он и его сотрудники получают журналы, которые каждый месяц бесплатно рассылаются в офисы политиков на местах. На пресс-конференции Морияма подчеркнул, что журналы были отправлены «в одностороннем порядке без предварительного уведомления и должны быть утилизированы»⁶⁰, и напомнил, что именно его министерство подало прошение о роспуске «Церкви Объединения»⁶¹. В результате на пленарном заседании Палаты представителей вотум недоверия министру был отклонен⁶².

Тема роспуска «Церкви Объединения» выходит за рамки внутрияпонских процессов. Правда, на ее родине деятельность ЦО не вызывает такой волны критики, как в Японии, где, в отличие от Южной Кореи, причисление себя к религиозной организации нередко воспринимается негативно [16]. Иная ситуация в США. Летом 2023 г. на международном собрании «Федерации за всеобщий мир» (для одного из них Абэ записал официальное видеообращение, ставшее катализатором его убийства), член Республиканской партии Майк Помпео встал на защиту японской ветви ЦО, против которой как раз тогда началась обличительная кампания. Напомнив, что он всегда выступал за поддержание прочных уз между Японией, США и Южной Кореей⁶³, он напомнил и другое: нападки на детище Муна начались с запроса КПЯ. А бывший спикер Палаты представителей США

⁵⁸ 盛山文科相 旧統一教会との関係 “関係断っており説明尽くす” [Отношения министра образования, культуры, спорта, науки и технологий Морияма с «Церковью Объединения»: «Я разорву все связи и дам всеобъемлющие объяснения»] // NHK. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20240209/k10014353251000.html> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ 盛山文科相 旧統一教会系機関誌「一方的に送られてきたもの」 [Министр образования, культуры, спорта, науки и технологий Морияма: «Журнал, издаваемый печатным органом, аффилированным с «Церковью Объединения», был отправлен мне в одностороннем порядке»] // NHK. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20240220/k10014364651000.html> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

⁶¹ Там же.

⁶² 盛山文科相に対する不信任決議案 反対多数で否決 衆院本会議 [Вотум недоверия министру образования, культуры, спорта, науки и технологий Морияма отклонен большинством голосов на пленарном заседании Палаты представителей] // NHK URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20240220/k10014364711000.html> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

⁶³ 日本共産党が日米分断を画策 旧統一教会叩きで米有識者 W T 財団信教の自由問題で国際会議 [Коммунистическая партия Японии планирует разделить Японию и США. Американские эксперты критикуют нападки на «Церковь Объединения». Фонд Washington Times проводит международную конференцию по вопросам религиозной свободы] // 世界日報 [Сэкай Ниппо:] URL: <https://www.worldtimes.co.jp/global/20221218-167469/> (дата обращения: 19.08.2024) (на яп. яз.).

Ньют Гингрич, также республиканец, выразил следующее мнение по поводу сложившейся ситуации: «В Соединенных Штатах растет обеспокоенность тем, что атака Коммунистической партии Японии на «экс-Церковь Объединения» направлено на ослабление ЛДП и нанесение ущерба японо-американским отношениям. Планы Коммунистической партии увеличивают вероятность вторжения Китая на Тайвань и дальнейшего распространения коммунизма»⁶⁴. Американские консерваторы выступают в поддержку Церкви неслучайно. С момента ее проникновения на территорию Америки в конце 1950-х — начале 1960-х гг. республиканцы сочувствовали основным постулатам учения «Церкви Объединения», ее взглядам на институт семьи, призывам вернуться к традициям — в противовес «моральному хаосу» и «растущей вседозволенности» [17].

Заключение

Контакты японских политических деятелей с «Церковью Объединения» носят систематический характер. Однако нельзя сказать о том, что ЦО имеет реальное влияние на всю государственную машину: помощь нескольким десяткам политиков, пусть и из правящей партии, не наделяет руководителей Церкви полномочиями контролировать деятельность государственных органов. Лишь убийство Абэ обратило внимание общественности на существующее положение дел: на манипуляции голосами избирателей, взятки и покровительство со стороны секты в пользу политиков и наоборот; не только стали обсуждаться на уровне широкой общественности связи ЦО с депутатами парламента и министрами, но и начались разбирательства на высшем политическом уровне. В результате были приняты меры, благодаря которым деятельность Церкви может быть поставлена под довольно жесткий контроль; более того, был поставлен вопрос о ее запрете в Японии.

Вместе с тем убийство Абэ, обернувшееся для ЦО реальной угрозой запрета, парадоксальным образом одновременно и защитило ее, по крайней мере, отчасти и на какое-то время от такой угрозы. Этим фактом, по сути, был создан опасный прецедент: неодобрение деятельности политиков, да и вообще недовольство процессами, происходящими в обществе и государстве, можно попробовать разрешить силовым методом, и это сработает. И рецидив не заставил себя ждать: меньше, чем через год, в апреле 2023 г., произошло покушение на бывшего премьер-министра Ф. Кисида.

С одной стороны, оба покушения сделали ясной необходимость регулирования на государственном уровне функционирования любых организаций типа ЦО, так как их деятельность может влиять на исход избирательных кампаний и вызывать волну общественного недовольства, крайней степенью которого являются силовые методы решения проблем. Следовательно, государство должно работать не только над тем, чтобы впредь таких актов насилия не происходило, но и над смягчением напряженности между религиозной

⁶⁴ Там же.

организацией и общественностью. С другой стороны, санкционировав роспуск ЦО сейчас, когда еще свежа память об убийстве Абэ, правительство фактически покажет, что можно обратить внимание государства на ту или иную проблему путем применения силы, и это также может привести к новому всплеску насилия.

Феномен ЦО в Японии требует дальнейшего исследования, в первую очередь, в силу его большого своеобразия, едва ли не уникальности. Правда, в типологическом отношении влияние Церкви на политическую жизнь Японии вполне сопоставимо с аналогичным неформальным воздействием религиозных и иных институтов на деятельность политических партий. Так, представляется перспективным сопоставление влияния ЦО в Японии с влиянием мафии в Италии. Однако при таком сопоставлении как раз и становятся очевидными неповторимые особенности Церкви. Ведь, в отличие от нее, итальянская мафия была исконной, глубоко укорененной частью исторического наследия страны, чем и объясняется, почему ее жизнеспособность и влияние не были преодолены ни в ходе объединения Италии, ни в результате ее политической реконструкции после Второй мировой войны. В Японии ситуация иная — «Церковь Объединения» пришла сюда извне, а история ее в Японии исчисляется не веками, а десятилетиями; но именно это обстоятельство дополнительно актуализирует необходимость дальнейшего исследования феномена ЦО в сравнительной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 岡野龍太郎. 日本の政治と旧統一教会の闇 —ある元衆院政策秘書の回想— [Скрытая сторона японской политики и «Церкви Объединения». Воспоминания бывшего политического секретаря Палаты представителей] // *メディア展望*. 2022. № 729. С. 1–4. (на яп. яз.).
2. 大喜多紀明. カルトという蔑称と反カルトに内在する カルト性定義なき言説と対立の諸相 [Уничижительный термин «культ», а также существующие внутри антикультового движения аспекты культово неопределенного дискурса и противоречий] // *人文×社会*. 2022. Т. 2. № 8. С. 71–155. https://doi.org/10.50942/jinbunxsha_kai.2.8_71. (на яп. яз.).
3. Егоров В.А. Мун Сон Мён (1920–2012). К столетию со дня рождения // Многообразие религиозных форм современной России. СПб. : РХГА, 2022. С. 162–184. EDN: GAJILJ
4. Стрельцов Д.В., Нака К.О., Нелидов В.В., Саркисов К.О., Добровольский В.Н., Лебедева И.П., Романова И.А. Круглый стол «Церковь объединения в Японии как социокультурный и политический феномен» // Японские исследования. 2023. № 1. С. 111–129. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2023-1-111-129> EDN: RBZXTH
5. 多田文明. 信じる者は、ダマされる。元統一教会信者だから書けた「マインドコントロール」の手口 [Верующие будут обмануты. Методы «контроля над разумом», которые я смог написать, поскольку был членом «Церкви Объединения»] // *東京：清談社 Publico*, 2022. С. 256. (на яп. яз.).
6. 藤田庄市. 日本における統一教会の活動とその問題点 —活字メディアで報道された批判を中心に— [Деятельность «Церкви Объединения» в Японии и спорные моменты, относительно ее деятельности. В центре внимания критика, опубликованная в печатных СМИ] // *日本における外来宗教の広がり —21世紀の展開を中心に—*. 2019. С. 124–154. (на яп. яз.).
7. 古田富建. 「恨」と統一教 [«Хан» и «Церковь Объединения»] // *東京大学宗教学年報*. 東京：東京大学文学部宗教学研究室. 2010. № 27. С. 45–59. (на яп. яз.) <https://doi.org/10.15083/00030468>

8. Mickler L.M. The unification church movement. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. С. 75. <https://doi.org/10.1017/9781009241465>
9. 鈴木エイト. 自民党の統一教会汚染 追跡3000日 [3000. дней слежки за загрязнением Либерально-демократической партии «Церковью Объединения»]. 東京:小学館, 2022. С. 322. (на яп. яз.)
10. Chryssides D.G. The advent of Sun Myung Moon the origins, beliefs and practices of the unification church. London: Palgrave Macmillan Ltd., 1991. С. 230. <https://doi.org/10.1057/9780230377400>
11. Yamamoto J.I. Unification Church. Grand Rapids: Zondervan, 1995. С. 96.
12. 佐高真. 統一教会と改憲・自民党 [«Церковь Объединения» и поправки к Конституции Японии • Либерально-демократическая партия Японии]. 東京:作品社, 2022. С. 266. (на яп. яз.)
13. 島蘭進. 政治と宗教 統一教会問題と危機に直面する公共空間 (岩波新書 新赤版 1957) [Политика и религия: общественное пространство перед лицом проблем и кризиса «Церкви Объединения» (Иванами Синсё, новое красное издание, 1957 г.)]. 東京:岩波書店, 2023. С. 242. (на яп. яз.)
14. 佐高真. 統一教会と創価学会: 信じるより疑え [«Церковь Объединения» и Сока Гаккай — лучше не верить, а сомневаться]. 東京:旬報社, 2024. С. 416. (на яп. яз.)
15. 櫻井義秀. 安倍元首相殺害事件があぶり出す統一教会 [Убийство бывшего премьер-министра Абэ разоблечило «Церковь Объединения»] // 現代宗教研究. 2023. № 57. С. 138–177. (на яп. яз.)
16. 窪田順生. 潜入 旧統一教会 「解散命令請求」 取材NG最深部の全貌 [Внедрение в «Церковь Объединения». «Запрос на роспуск». Полная картина скрытых при сборе материала сцен]. 東京:徳間書店, 2023. С. 320. (на яп. яз.)
17. Hutchinson D.L. Antiquity and social reform: Religious experience in the unification church, feminist wicca and nation of yahweh. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 230.

REFERENCES

1. Okano R. Nihon no seiji to kyū tōitsukyōkai no yami — aru moto shūin seisaku hisho no kaisō [Japanese politics and the dark side of the former Unification Church —Recollections of a former House of Representatives policy secretary]. *Media Tenbou*. 2022;(729):1–4. (In Jap.).
2. Ohgita N. Karuto to iu besshō to han karuto ni naizai suru karutosei teigi naki gensetsu to tairitsu no shosō [The derogatory term “cult” and the cult nature inherent in anti-cults Discourse without definition and aspects of conflict]. *Jinbun × Shakai*. 2022;2(8):71–155. (In Jap.). https://doi.org/10.50942/jinbunxshakai.2.8_71
3. Egorov VA. Mun Son Men (1920–2012). K stoletiyu so dnya rozhdeniya [Sun Myung Moon (1920–2012). Dedicated to the centennial of his birth]. *Mnogoobrazie religioznykh form sovremennoi Rossii [The diversity of religious forms in modern Russia]*. Saint Peterburg: RKhGA publ., 2022:162–184. (In Russ.). EDN: GAJILJ
4. Streltsov DV, Naka KO, Nelidov VV, Sarkisov KO, Dobrovolsky VN, Lebedeva IP, Romanova IA. Roundtable “Unification church in Japan as a sociocultural and political phenomenon”. *Japanese Studies in Russia*. 2023;1:111–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2023-1-111-129> EDN: RBZXTH
5. Tada F. *Shinjiru mono wa, damasareru. Moto tōitsukyōkai shinja da kara kaketa ‘maindo kontorōru’ no teguchi* [Those who believe will be deceived. The “mind control” methods that only a former Unification Church member could write about]. Tōkyō: Seidansha Publico; 2022. (In Jap.).
6. Fujita S. Nihon ni okeru tōitsukyōkai no katsudō to sono mondaiten — katsuji media de hōdō sa reta hihan o chūshin ni [The activities of the Unification Church in Japan and its problems — focusing on criticism reported in the print media]. *Nihon ni okeru gairai shūkyō no hirogari — 21 seiki no tenkai o chūshin ni*. 2019:124–154 (In Jap.).
7. Furuta T. “Han” to Tōitsu kyō [“Han” and the unification church]. *Tōkyōdaigaku Shūkyōgaku Nenpō*. 2010;27:45–59. (In Jap.). <https://doi.org/10.15083/00030468>

8. Mickler ML. The Unification Church Movement. *Cambridge: Cambridge University Press*; 2022. 75 p. <https://doi.org/10.1017/9781009241465>.
9. Suzuki E. *Jimintō no tōitsukyōkai osen tsuiseki 3000-nichi* [3000. Days of Tracking the Impurity of the Liberal Democratic Party by the Unification Church]. Tōkyō: Shōgakukan; 2022. (In Jap.).
10. Chryssides GD. *The advent of Sun Myung Moon the origins, beliefs and practices of the unification church*. London: Palgrave Macmillan, 1991. <https://doi.org/10.1057/9780230377400>
11. Yamamoto JI. *Unification Church*. Grand Rapids: Zondervan; 1995.
12. Sataka M. *Tōitsukyōkai to kaiken • Jimintō* [The Unification Church and Constitutional Amendment • the Liberal Democratic Party]. Tōkyō: Sakuhinsha; 2022. (In Jap.).
13. Shimazono S. *Seiji to shūkyō tōitsukyōkai mondai to kiki ni chokumen suru kōkyō kūkan (Iwanami shinsho shinakahan 1957)* [Politics and religion: The Unification Church problems and public spaces facing crisis. (Iwanami Shinsho New Red Edition 1957)]. Tōkyō: Iwanamishoten; 2023. (In Jap.).
14. Sataka M. *Tōitsukyōkai to Sōkagakkai: shinjiru yori utagae* [The Unification Church and Soka Gakkai: Doubt rather than believe]. Tōkyō: Junposha; 2024. (In Jap.).
15. Sakurai Y. Abe moto shushō satsugai jiken ga aburi dasu tōitsukyōkai [Former prime minister Abe's murder exposes the Unification Church]. *Gendai Shuukyō Kenkyū*. 2023;(57):138–177. (In Jap.).
16. Kubota M. *Sennyū kyū tōitsukyōkai 'kaisan meirei seikyū' shuzai NG sai shinbu no zenbō* [Undercover: The former Unification Church's "Request for dissolution order" — the full story behind the deepest parts that are not allowed to be covered]. Tōkyō: Tokumashoten; 2023. (In Jap.).
17. Hutchinson DL. *Antiquity and social reform: Religious experience in the unification church, feminist wicca and nation of yahweh*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing; 2010.

Информация об авторах:

Рослякова Александра Сергеевна — магистрант кафедры стран Восточной Азии Восточного факультета, Государственный академический университет гуманитарных наук; лаборант-исследователь Центра исследований общих проблем современного Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12 (ORCID: 0009-0001-6189-2132) (e-mail: a.roslyakova@ivran.ru).

Ледовская Ольга Андреевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований общих проблем современного Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12 (ORCID: 0000-0002-4161-3132) (SPIN-код: 5104-3220) (e-mail: oaled@yandex.ru).

Information about the authors:

Alexandra S. Roslyakova — Master Student at the Department of East Asian Countries, Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities; research assistant of Center for Study of Common Problems of Contemporary East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russian Federation (ORCID: 0009-0001-6189-2132) (e-mail: a.roslyakova@ivran.ru).

Olga A. Ledovskaya — Candidate of History, senior researcher of Center for Study of Common Problems of Contemporary East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russian Federation (ORCID: 0000-0002-416-3132) (SPIN-code: 5104-3220) (e-mail: oaled@yandex.ru).

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ EDUCATIONAL POLICY MANAGEMENT

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-1-90-99

EDN: VZPJHC

Научная статья / Research article

Роль интеграции технологий и компетенций в стратегическом управлении образовательной политикой

М.О. Ушакова¹ ✉ , М.Н. Чура² , М.И. Баев³

¹Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

²Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, Новороссийск,
Россия

³Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
✉ ushakovamo@mgpu.ru

Аннотация. Современный образовательный процесс претерпевает значительные изменения, вызванные внутренними трансформациями педагогических подходов и внешними факторами, такими как технологическое развитие и изменяющиеся социокультурные требования. Эти вызовы особенно актуальны при подготовке кадров медиа специальностей, где требуется не только глубокое понимание теоретических аспектов, но и навыки критического мышления, высокого эмоционального интеллекта (ЭИ) и технологической грамотности. Рассмотрены возможности интеграции начитанности, ЭИ и искусственного интеллекта (ИИ) в стратегическое управление образовательным процессом. Актуальность исследования заключается в необходимости комплексного подхода к подготовке медиаспециалистов, включающего когнитивные, эмоциональные и технологические аспекты. Представлены практические примеры применения интеграции: адаптивные учебные маршруты, поддержка эмоционального благополучия студентов, развитие критического мышления через анализ медийных текстов. Интеграция начитанности, ЭИ и ИИ позволяет создавать более гибкие и персонализированные образовательные стратегии. Это исследование подчеркивает синергетический эффект такого подхода, предлагая новые возможности для подготовки специалистов, способных успешно работать в условиях сложного и быстро меняющегося медийного пространства. Исследование вносит вклад в развитие образовательного менеджмента, раскрывая перспективы применения технологий и гуманистических подходов в обучении.

Ключевые слова: начитанность, эмоциональный интеллект, искусственный интеллект, критическое мышление, медиаграмотность, персонализированное обучение, адаптивные образовательные программы, эмоциональная осведомленность, цифровые технологии в образовании, анализ данных в обучении, профессиональная подготовка, образовательные стратегии, медийные тексты

© Ушакова М.О., Чура М.Н., Баев М.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции исследования, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 26.08.2024; принята к публикации 18.10.2024.

Для цитирования:

Ушакова М.О., Чура М.Н., Баев М.И. Роль интеграции технологий и компетенций в стратегическом управлении образовательной политикой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 1. С. 90–99. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-90-99>

The role of integrating technologies and competencies in strategic management of educational policy

Margarita O. Ushakova¹ , Mihail N. Chura² , Marat I. Baev³

¹Moscow City University, Moscow, Russian Federation

²Admiral Ushakov Maritime State University, Novorossiysk, Russian Federation

³Financial university, Moscow, Russian Federation

 ushakovamo@mgpu.ru

Abstract. The modern educational process is undergoing significant changes driven by internal transformations in pedagogical approaches and external factors such as technological advancements and evolving socio-cultural demands. These challenges are particularly relevant in training professionals in media-related fields, where not only a deep understanding of theoretical aspects is required but also critical thinking skills, high emotional intelligence (EI), and technological literacy. This study explores the potential for integrating literacy, EI, and artificial intelligence (AI) into the strategic management of the educational process. Literacy, as one of the key competencies, ensures critical interpretation and understanding of information. EI fosters the development of effective communication and interaction skills. AI provides new tools for the personalization of learning and optimization of educational processes, including adaptive programs, data analysis, and real-time feedback. The relevance of the study lies in the need for a comprehensive approach to training media professionals that incorporates cognitive, emotional, and technological aspects. Practical examples of this integration are presented, including adaptive learning paths, support for students' emotional well-being, and the development of critical thinking through the analysis of media texts. The integration of literacy, EI, and AI enables the creation of more flexible and personalized educational strategies. This study highlights the synergistic effect of such an approach, offering new opportunities for preparing specialists capable of thriving in the complex and rapidly changing media landscape. The study contributes to the development of educational management by revealing the potential of technological and humanistic approaches in teaching.

Keywords: literacy, emotional intelligence, artificial intelligence, critical thinking, media literacy, personalized learning, adaptive educational programs, emotional awareness, digital technologies in education, data analytics in learning, professional training, educational strategies, media texts

Contribution. All the authors participated in the development of the concept of this article, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 26.08.2024. The article was accepted on 18.10.2024.

For citation:

Ushakova MO, Chura MN, Baev MI. The role of integrating technologies and competencies in strategic management of educational policy. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(1):90–99. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-90-99>

Введение

Современный образовательный процесс переживает период значительных трансформаций, вызванных как внутренними изменениями в педагогических подходах, так и внешними факторами, такими как технологическое развитие и изменение социокультурных требований к квалификации специалистов. Эти изменения требуют стратегического управления образовательной политикой, направленного на адаптацию системы образования к новым условиям. Проблема приобретает особую остроту при обучении медиаспециалистов, так как актуальность и динамизм информации требуют от обучающихся не только глубоких теоретических знаний, но и развитых навыков критического мышления, эмоционального восприятия и технологической грамотности.

Центральной темой данной статьи является изучение подходов к стратегическому управлению образовательными процессами с интеграцией начитанности, эмоционального интеллекта (ЭИ) и искусственного интеллекта (ИИ) в подготовку специалистов медиасферы. Начитанность, подразумевающая широкий кругозор и глубокое понимание текстового контента, тесно переплетается с ЭИ, который позволяет эффективно взаимодействовать и реагировать на эмоциональные стимулы в процессе общения и коллаборации [1]. ЭИ способствует повышению качества взаимодействия между участниками образовательного процесса, формированию навыков межличностной коммуникации и устойчивости к эмоциональным перегрузкам. ИИ, в свою очередь, открывает новые горизонты для адаптации учебных материалов и методик обучения, предоставляя инструменты, способствующие глубокой персонализации и оптимизации учебных процессов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки стратегий, которые интегрируют когнитивные, эмоциональные и технологические аспекты в образовательную политику. Представленные подходы акцентируют внимание на стратегическом планировании, мониторинге и разработке рекомендаций для управления образовательными системами в условиях информационной перегрузки и эмоционально насыщенной медиасреды. Таким образом, **цель исследования** — проанализировать, как начитанность, ЭИ и ИИ могут быть интегрированы в образовательный процесс в целях повышения эффективности обучения и подготовки специалистов для медиасферы.

Начитанность является фундаментальной компетенцией, обеспечивающей не только возможность освоения новых знаний, но и критическое осмысление информации. В условиях медиаобразования начитанность включает в себя понимание медийных текстов, умение анализировать и интерпретировать медиаинформацию, а также создавать собственные медиапродукты.

ЭИ представляет собой способность распознавать, понимать и управлять своими эмоциями и эмоциями других людей. В образовательном контексте ЭИ способствует улучшению взаимодействия между преподавателями и студентами, повышению мотивации к обучению и улучшению результатов учебной деятельности. В условиях медиаобразования ЭИ играет важную роль в формировании навыков эффективной коммуникации и сотрудничества.

ИИ предоставляет новые возможности для персонализации образовательного процесса, автоматизации рутинных задач и анализа больших объемов данных. В медиаобразовании ИИ может использоваться для создания адаптивных образовательных программ, анализа поведения студентов и предоставления рекомендаций по улучшению учебных результатов.

Интеграция когнитивных, эмоциональных и технологических компонентов в управлении образовательным процессом

Интеграция начитанности, ЭИ и ИИ представляет собой комплексный подход к управлению образовательным процессом [2], который учитывает взаимодействие этих компонентов и их взаимное усиление. Синергетический эффект достигается за счет интеграции начитанности, ЭИ и ИИ, что позволяет создать более эффективные и адаптивные образовательные стратегии. Начитанность обеспечивает базу для критического мышления и анализа информации, ЭИ способствует созданию позитивной учебной атмосферы и улучшению коммуникации, а ИИ предоставляет инструменты для персонализации и оптимизации образовательного процесса [3]. Примеры применения включают адаптивные образовательные программы, где ИИ анализирует успеваемость обучающихся и их предпочтения, чтобы создать индивидуализированные учебные маршруты, которые учитывают их уровень начитанности и эмоциональное состояние.

Начитанность обеспечивает базу для критического мышления и анализа информации. В медиаспециальностях это особенно важно, так как студенты должны уметь критически оценивать медийные тексты и контент, понимать контексты и подтексты, а также уметь создавать качественные медиапродукты. Критическое мышление, развиваемое через начитанность, является основой для дальнейшего развития ЭИ и эффективного использования ИИ.

ЭИ, в свою очередь, способствует созданию позитивной учебной атмосферы и улучшению коммуникации между преподавателями и студентами [4]. ЭИ помогает студентам лучше понимать свои эмоции и эмоции окружающих, что способствует более эффективному обучению и взаимодействию. В условиях медиаобразования, где коммуникация играет ключевую роль, высокий

уровень ЭИ позволяет студентам создавать более качественные и эмоционально значимые медиапродукты.

ИИ предоставляет инструменты для персонализации и оптимизации образовательного процесса. ИИ может анализировать большие объемы данных о поведении и успеваемости студентов, предоставляя преподавателям ценные инсайты и рекомендации. В сочетании с высоким уровнем начитанности и эмоционального интеллекта использование ИИ в образовательном процессе позволяет создавать адаптивные образовательные программы, которые учитывают индивидуальные особенности и потребности каждого студента [5].

1. **Адаптивные образовательные программы:** ИИ анализирует успеваемость студентов и их предпочтения, чтобы создать индивидуализированные учебные маршруты, которые учитывают уровень начитанности и эмоциональное состояние студентов.
2. **Обратная связь в реальном времени:** ИИ может предоставлять преподавателям данные о прогрессе студентов, помогая им быстро реагировать на возникающие трудности и адаптировать методики преподавания в соответствии с эмоциональным состоянием студентов.
3. **Развитие критического мышления:** учебные программы, основанные на принципах начитанности и поддерживаемые ИИ, помогают студентам развивать навыки критического анализа медийной информации, что способствует формированию медиаграмотности.
4. **Поддержка эмоционального благополучия:** программы, учитывающие ЭИ, помогают создавать учебную среду, которая поддерживает эмоциональное благополучие студентов, снижает стресс и способствует эффективному усвоению знаний.

Влияние начитанности и уровня эмоционального интеллекта на качество образовательных программ

Начитанность играет ключевую роль в повышении качества образования в медиаспециальностях, поскольку она напрямую влияет на несколько важных аспектов образовательного процесса. Во-первых, начитанность способствует развитию критического мышления, что является фундаментом качественного медиаобразования. Студенты, обладающие высоким уровнем начитанности, способны критически оценивать медийные тексты, выявлять манипуляции и скрытые смыслы, что особенно важно в современном мире, насыщенном информационными потоками. Критическое мышление помогает студентам анализировать источники информации, оценивать их достоверность и объективность, что способствует более глубокому пониманию изучаемых материалов.

Во-вторых, высокий уровень начитанности позволяет студентам создавать более качественные медиапродукты. Они понимают, как структурировать информацию, использовать языковые средства для создания убедительных текстов и визуальных материалов. Начитанность способствует развитию

навыков сторителлинга, что особенно важно в медиаспециальностях, где успешное донесение информации до аудитории зависит от умения рассказывать истории. Студенты, которые хорошо читают и понимают тексты, могут создавать более содержательные и интересные медиапродукты, что повышает их профессиональную компетентность [6].

В-третьих, исследования показывают, что студенты с высоким уровнем начитанности демонстрируют более высокие академические результаты. Они легче справляются с заданиями, требующими анализа текстов, написания эссе и проведения исследований. Начитанность помогает им лучше понимать учебные материалы и эффективно готовиться к экзаменам. Высокий уровень начитанности способствует тому, что студенты становятся более самостоятельными и уверенными в своих силах, что положительно сказывается на их учебной деятельности.

В-четвертых, начитанность является основой для формирования медиаграмотности, которая включает в себя умение критически оценивать медиаконтент, создавать собственные медиапродукты и понимать влияние медиа на общество. Медиаграмотность важна для студентов медиаспециальностей, так как она помогает им стать компетентными профессионалами, способными работать в условиях быстро меняющейся медийной среды [7]. Высокий уровень начитанности позволяет студентам более глубоко понимать медийные процессы и тенденции, что способствует их профессиональному росту и развитию.

Практическое применение начитанности в образовательном процессе может быть реализовано через интеграцию начитанности в учебные программы. Для повышения уровня начитанности студентов образовательные программы должны включать курсы и модули, направленные на развитие навыков критического чтения, анализа текстов и создания медиаконтента. Преподаватели могут использовать различные методики и инструменты, такие как анализ кейсов, проектное обучение и практические задания. Современные технологии, включая искусственный интеллект и адаптивные образовательные платформы, могут быть использованы для персонализации обучения и повышения уровня начитанности студентов [8]. Эти технологии позволяют создавать индивидуализированные учебные маршруты, адаптированные к потребностям и уровню знаний каждого студента.

Преподаватели могут поощрять студентов к самостоятельному чтению и анализу медийных текстов, предоставляя им доступ к разнообразным ресурсам и организуя обсуждения и дебаты. Это способствует развитию навыков критического мышления и углублению понимания медийных процессов. В результате студенты медиаспециальностей становятся более компетентными и подготовленными к профессиональной деятельности в условиях быстро меняющейся медийной среды. Таким образом, начитанность является важным компонентом, который значительно влияет на качество образования в медиаспециальностях, обеспечивая всестороннее развитие студентов и их готовность к профессиональным вызовам.

ЭИ играет значительную роль в повышении качества образования в медиаспециальностях, влияя на различные аспекты учебного процесса и межличностного взаимодействия. ЭИ включает в себя способность распознавать, понимать и управлять своими эмоциями, а также эмоциями других людей [9]. В образовательной политике создание благоприятной учебной среды и развитие эмоционального интеллекта становятся важными стратегическими целями для управления образовательными системами.

Во-первых, стратегическое управление образовательными учреждениями должно учитывать значение ЭИ для формирования позитивной и поддерживающей учебной среды. Студенты с высоким уровнем ЭИ лучше справляются со стрессом и адаптируются к динамичным условиям обучения, что напрямую влияет на их успехи. С точки зрения управления, развитие ЭИ у преподавателей позволяет распознавать и учитывать эмоциональные потребности учащихся, создавая комфортную учебную атмосферу, которая способствует вовлеченности студентов в образовательный процесс.

Во-вторых, высокий уровень ЭИ должен рассматриваться как ключевой аспект образовательной политики для подготовки специалистов в условиях командной работы и межличностного взаимодействия. Управление образовательными программами должно фокусироваться на создании условий для развития у студентов навыков эффективного общения, разрешения конфликтов и продуктивного сотрудничества, что особенно важно для медиаспециальностей.

В-третьих, стратегическое управление образовательным процессом должно включать в себя меры, направленные на развитие эмпатии и эмоциональной осведомленности у студентов. Это необходимо не только для успешной коммуникации, но и для создания содержательных и эмоционально значимых медиапродуктов, способных эффективно взаимодействовать с целевой аудиторией. Управленческие решения, направленные на интеграцию эмоционального интеллекта в образовательные программы, способствуют подготовке специалистов, готовых работать в условиях высокой эмоциональной и информационной насыщенности.

В-четвертых, обновление стратегий поддержки образовательной политики путем внедрения инструментов, направленных на развитие эмоционального интеллекта, позволяет готовить специалистов, способных эффективно адаптироваться к быстро меняющимся условиям медиасреды. Такой подход способствует не только улучшению результатов обучения, но и формированию ключевых компетенций, необходимых для профессионального роста. При разработке стратегического планирования и управления образовательными процессами важно учитывать такие аспекты, как эрудиция, развитие эмоционального интеллекта и навыки использования технологий искусственного интеллекта. Это в совокупности предоставляет широкие возможности для создания адаптивных образовательных программ, проведения углубленного анализа данных

об успеваемости учащихся, а также разработки современных методик, направленных на удовлетворение как когнитивных, так и эмоциональных потребностей учащихся.

Искусственный интеллект в современном образовательном процессе

ИИ становится неотъемлемой частью образовательного процесса, особенно в области медиа, предлагая современные инструменты и подходы для повышения качества обучения. Его применение охватывает адаптацию учебных программ, анализ больших объемов данных и предоставление мгновенной обратной связи, что позволяет разрабатывать более эффективные образовательные стратегии.

Одним из ключевых преимуществ ИИ является создание адаптивных образовательных программ, учитывающих индивидуальные потребности и уровень подготовки каждого учащегося. На основе анализа данных об успеваемости, предпочтениях и учебной активности ИИ может формировать персонализированные траектории обучения. Такой подход позволяет студентам изучать материал в удобном для них темпе, получая задания, соответствующие их текущему уровню знаний. Это способствует более глубокому усвоению учебного материала и повышает мотивацию к обучению.

ИИ также играет важную роль в анализе данных, помогая выявлять сильные и слабые стороны учащихся и прогнозировать их будущие достижения. Например, интеллектуальные системы могут анализировать результаты тестов, уровень посещаемости и активность на учебных платформах, чтобы определить, какие элементы учебной программы нуждаются в корректировке. Это помогает усовершенствовать образовательные планы и повысить их эффективность [10].

Другим важным аспектом является использование искусственного интеллекта для обеспечения обратной связи в режиме реального времени. Учащиеся мгновенно получают комментарии и рекомендации по выполнению заданий от нейросети, что делает процесс обучения более динамичным. Интеллектуальные системы способны автоматически оценивать письменные работы, предоставляя подробные отчеты и рекомендации по улучшению. Это снижает нагрузку на учителей, освобождая их время для более сложной работы, связанной с индивидуальной поддержкой учащихся.

Кроме того, ИИ помогает студентам развивать навыки самоорганизации и управления временем. Такие инструменты, как виртуальные помощники и планировщики, помогают студентам не забывать о сроках, готовиться к экзаменам и правильно расставлять приоритеты в учебной деятельности. Эти технологии не только облегчают процесс обучения, но и способствуют формированию у студентов ответственности за собственное обучение.

Заключение

Начитанность формирует основу для развития критического мышления, которое играет ключевую роль в медиаобразовании. Это позволяет студентам анализировать медиатексты, выявлять скрытые смыслы и создавать высококачественные медиапродукты. Эти навыки способствуют профессиональному росту студентов и их адаптации к быстро меняющимся медиа-условиям.

ЭИ помогает создать комфортную образовательную среду и улучшить взаимодействие между учащимися и преподавателями. Высокий уровень ЭИ позволяет эффективно управлять эмоциями, повышая мотивацию и создавая условия для продуктивного обучения. Для студентов, изучающих медиа, ЭИ особенно важен, поскольку он способствует развитию эмпатии, необходимой для создания контента, который может вызвать отклик у аудитории.

ИИ предоставляет уникальные возможности для стратегического управления образовательными процессами. Его использование позволяет автоматизировать рутинные задачи, персонализировать обучение, анализировать большие объемы данных и предоставлять оперативную обратную связь. Это способствует созданию адаптивных стратегий, учитывающих индивидуальные потребности учащихся и повышающих их академические достижения.

Интеграция эрудиции, ЭИ и ИИ в управление образовательными системами открывает перспективы для разработки персонализированных подходов к обучению, сочетающих когнитивные, эмоциональные и технологические аспекты. Такой подход особенно актуален в информационном обществе, где успех специалистов напрямую зависит от их умения эффективно работать с информацией.

Для достижения этой цели необходимо интегрировать развитие чтения и эмоционального интеллекта в образовательные программы, использовать инновационные технологии и поощрять самостоятельное изучение медиаматериалов. Это поможет студентам стать более компетентными и подготовленными к профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации.

Таким образом, сочетание эрудиции, ЭИ и ИИ становится важным направлением в стратегическом управлении образовательными процессами. Это позволяет не только повысить качество образования, но и обеспечить подготовку специалистов, способных успешно работать в современном цифровом мире, а также устойчивое развитие образовательных систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черниговская Т.В., Аллахвердов В.М., Коротков А.Д., Гершкович В.А., Киреев М.В., Прокopenя В.К. Мозг человека и многозначность когнитивной информации: конвергентный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. № 4. С. 675–686. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.406> EDN: CMONMI
2. Levy F., Murnane R.J. The new division of labor: how computers are creating the next job market. Princeton : Princeton University Press, 2004. 192 p. EDN: QOEGHH
3. Barrat J. Our final invention: artificial intelligence and the end of the human era. New York : St. Martin's Press, 2013. 336 p.

4. Goleman D. Emotional intelligence: why it can matter more than IQ. New York : Bantam Books, 1995. 352 p.
5. Susskind R.E., Susskind D. The future of the professions: how technology will transform the work of human experts. Oxford : Oxford University Press, 2015. 256 p.
6. Щербинина Ю.И. Обучение творческому письму в рамках филологии: к истории вопроса // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. № 4. С. 173–182. <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-4-173-182> EDN: CGMLWD
7. Тихонова Е.В. Storytelling в преподавании: вызовы современности и педагогическая практика // Психология образования в поликультурном пространстве. 2016. Т. 2. № 34. С. 136–143. EDN: VVANMR
8. Gardner H. Frames of mind: the theory of multiple intelligences. New York : Basic Books, 1983. 450 p.
9. Mayer J.D., Salovey P. Emotional intelligence // Imagination, Cognition and Personality. 1990. Vol. 9. № 3. P. 185–211. <https://doi.org/10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG>
10. Brynjolfsson E., McAfee A. The second machine age: work, progress, and prosperity in a time of brilliant technologies. New York : W.W. Norton & Company, 2014. 320 p.

Информация об авторах:

Ушакова Маргарита Олеговна — ведущий специалист Института развития профильного обучения, Московский городской педагогический университет, Россия, 129226, Москва, ул. Воронцовская, д. 6, к. 1 (ORCID: 0009-0006-9163-1706) (e-mail: ushakovamo@mgpu.ru).

Чура Михаил Николаевич — кандидат технических наук, доцент кафедры механики и инженерной графики, Государственный морской университет им. адм. Ф.Ф. Ушакова, Россия, 353924, Новороссийск, пр. Ленина, д. 93 (ORCID: 0009-0002-8111-8563) (SPIN-код: 1080-6459) (e-mail: mn.chura@yandex.ru).

Баев Марат Игоревич — магистр факультета менеджмента, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, 125167, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2 (e-mail: baev.marat@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-1-100-105

EDN: VTRARJ

Note / Краткое сообщение

Media ecological approach in the context of state and municipal policy in vocational education

Alexandra A. Amelina¹ , Anna Yu. Ilina¹ , Yi Zhang²

¹Moscow City University, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

kancevaaa@mgpu.ru

Abstract. This study addresses the integration of media ecological principles into educational policy and practice, particularly within state and municipal initiatives aimed at improving vocational education. Media ecology, as an interdisciplinary approach, examines the effects of media environments on human behavior, culture, and learning processes. The study underscores its significance in fostering media literacy, critical thinking, and the development of creative skills among students. The research highlights the role of state and municipal authorities in promoting media education through innovative programs, teacher training, and partnerships with educational institutions and private organizations. It draws on the example of the “Media Class in Moscow School” project, showcasing how municipal support can enhance the quality of education. The project achieved significant outcomes, including improved student performance in specialized exams, increased participation in pre-professional activities, and a rise in high-achieving students. These results demonstrate the efficacy of collaborative efforts in aligning educational policies with the principles of media ecology. Additionally, the study emphasizes the importance of providing teachers with the necessary professional competencies to implement media ecological practices. By fostering a supportive informational environment, schools can protect students from harmful media influences while leveraging digital tools for educational and professional development. The article concludes that the application of media ecology in vocational education not only enhances student engagement and learning outcomes but also prepares them for active participation in the information society. Strategic collaboration between educators, local authorities, and stakeholders is essential for sustaining these innovations and ensuring the successful integration of media literacy into state and municipal education policies.

Keywords: media education, media competence, educational innovations, media literacy, critical thinking, internet safety

Contribution. All the authors participated in the development of the concept of this note, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 09.09.2024. The article was accepted on 12.11.2024.

For citation:

Amelina AA, Ilna AY, Zhang Y. Media ecological approach in the context of state and municipal policy in vocational education. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(1):100–105. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-100-105>

Медиаэкологический подход в контексте государственной и муниципальной политики профессионального образования

А.А. Амелина¹ , А.Ю. Ильина , И. Чжан²

¹Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 kancevaaa@mgu.ru

Аннотация. Рассмотрена интеграция принципов медиаэкологии в образовательную политику и практику, в частности в рамках государственных и муниципальных инициатив, направленных на улучшение профессионального образования. Медиаэкология как междисциплинарный подход изучает влияние медийных сред на поведение человека, культуру и образовательные процессы. Исследование подчеркивает значимость медиаэкологии в развитии медиаграмотности, критического мышления и творческих способностей у студентов. Выделена роль государственных и муниципальных органов власти в продвижении медиаобразования через инновационные программы, подготовку учителей и партнерство с образовательными учреждениями и частными организациями. Примером служит проект «Медиакласс в московской школе», демонстрирующий, как муниципальная поддержка может повысить качество образования. Проект достиг значительных результатов, включая улучшение успеваемости учащихся на специализированных экзаменах, увеличение участия в предпрофессиональных мероприятиях и рост числа высокоуспевающих студентов. Эти результаты подтверждают эффективность совместных усилий по согласованию образовательной политики с принципами медиаэкологии. Кроме того, исследование акцентирует внимание на важности обеспечения учителей необходимыми профессиональными компетенциями для внедрения медиаэкологических практик. Создание благоприятной информационной среды в школах позволяет защитить учащихся от вредного влияния медиа, одновременно используя цифровые инструменты для их образовательного и профессионального развития. Сделан вывод о том, что применение принципов медиаэкологии в профессиональном образовании не только повышает вовлеченность учащихся и улучшает образовательные результаты, но и готовит их к активному участию в информационном обществе. Стратегическое сотрудничество между педагогами, местными властями и заинтересованными сторонами является ключевым для поддержания этих инноваций и обеспечения успешной интеграции медиаграмотности в государственную и муниципальную образовательную политику.

Ключевые слова: медиаобразование, медиакомпетентность, инновации в образовании, медиаграмотность, критическое мышление, безопасность в Интернете

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции исследования, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 09.09.2024; принята к публикации 12.11.2024.

Для цитирования:

Amelina A.A., Ilina A.Yu., Zhang Y. Media ecological approach in the context of state and municipal policy in vocational education // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 1. С. 100–105. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-100-105>

Introduction

Media ecology, as a field studying the multiplicative effects of media technologies on human culture and psychology, is gaining critical importance in the context of modern educational innovations [1]. With the development of digital technologies and the increasing integration of media into daily life, the need for systematic media literacy education is growing, especially in the context of school education. This task involves not only teaching students the technical aspects of using media as a tool for achieving educational goals but also fostering their critical attitude toward the information circulating in the media environment [2].

Undoubtedly, the key to the effective application of the media-ecological approach in education lies in creating a stimulating informational environment that promotes the comprehensive development of students' intellectual and creative potential. This implies not only protecting them from the destructive influence of media but also actively utilizing its educational potential, as discussed by Buckingham [3], who emphasizes the need for media literacy education to address the evolving media landscape in modern culture.

Foundations and Application of Media Ecology

Media ecology as an academic discipline emerged at the intersection of several fields, including communication, cultural studies, sociology, and information technology. It focuses on studying the impact of the media environment on individuals and society, considering media not merely as tools or channels for transmitting information but as active environments that shape our reality, perception, thinking, and culture.

The fundamental ideas introduced by Marshall McLuhan and Neil Postman laid the foundation for media ecology as a discipline that examines the extent of media's influence on individuals and society.

Marshall McLuhan, a Canadian scholar, is known for his dictum “The medium is the message”, which means that each medium contributes to shaping our perception of the world and social organization [4], regardless of the content being conveyed. He suggested categorizing media into “hot” and “cool” based on the level of audience involvement required, and he argued that the advent of the printing press led to the creation of a “global village” and significantly transformed social structures.

On the other hand, American cultural critic Neil Postman focused his analysis on television as the dominant medium of his time, viewing it as a tool that turns serious social discourse into entertainment [5], thereby undermining the foundations of public dialogue and critical thinking.

Public Sector Impact on Media Education Implementation

When discussing the use of media ecology principles in studying changes in media literacy levels in pre-professional classes, it is essential to highlight the role of state and municipal authorities in facilitating the integration of these principles into educational practice. Media ecology not only involves acquiring technical media skills but also emphasizes cultivating students' critical thinking, media analysis capabilities, and the development of their own media projects. These components are aligned with the objectives of state and municipal policies aimed at improving the quality of vocational education. The implementation of media education programs in schools, driven by state and municipal initiatives, implies that teachers must acquire new professional competencies, including the basics of media ecology, methods for developing media literacy, and how to integrate these into the curriculum [6].

Municipal authorities play a crucial role in facilitating and supporting the implementation of media education programs. Through targeted policies, funding initiatives, and partnerships with educational institutions, local governments ensure that schools have the resources necessary to apply media ecology principles effectively. For example, in the 2022/2023 academic year, 1294 teachers took part in the Media Class in the Moscow School, of which 663, or 51%, took advanced training courses for the implementation of media educational programs that meet state educational standards. This initiative was supported by the Moscow government and demonstrates how a municipal policy can directly affect the professional development of teachers.

The project “Media Class in the Moscow School” serves as an example of how the principles of media ecology can be integrated into educational policy at the municipal level. Thanks to the creation of a joint educational environment in which schools, local authorities and partner organizations participate, this initiative demonstrates the potential of municipalities in promoting educational innovations. In the case of Moscow, 185 schools, 19 partner universities and 7 partner organizations worked together to provide students with access to modern media resources and real professional contexts, contributing to the implementation of state and municipal education policy. The active participation of the city in this project shows how municipal authorities can provide the necessary infrastructure and support to such initiatives.

The results of the project demonstrate its success in improving the media literacy and professional competencies of students. The analytical report of the project highlights key achievements, such as a significant increase in the percentage of students who have chosen two specialized subjects of the exam (57.65%) and those who passed these items above the average in the city (30.16%). In addition, 193 students received higher points in specialized subjects and the Russian language, which indicates the high quality of educational innovations promoted by municipal authorities.

The results of the scientific and practical conference and pre-profile exams once again demonstrate the effectiveness of municipalities in educational programs.

Compared to the previous school year, the number of participants increased markedly: at the preliminary stage, 123.85% more students were studied, and at the final stage — 148.50% more. The proportion of participants who became winners or prize-winners of the pre-professional exam amounted to 7.42%, which indicates the positive influence of municipal support on students performance. As noted in studies devoted to the use of digital technologies in the educational environment, the strategic use of media tools contributes to greater involvement and learning results among students [7]. Moreover, the flexibility of mixed learning models, as co-authors showed [8–10], can further expand the coverage and effectiveness of media literacy programs in various educational institutions.

Conclusion

The analysis confirms that the educational innovations based on the principles of media ecology supported by state and municipal policies play a key role in increasing media graphicity and developing critical thinking skills in pre-professional classes. The active role of the municipal authorities in promoting these programs — through financing, training teachers and partnerships — has proved its importance for the success of such initiatives. The study shows that the successful implementation of media education requires a comprehensive strategy, including advanced training of teachers, a favorable environment of training and active cooperation between schools, local authorities and educational partners. Such an integrated approach prepares students for active participation in the information society and gives them the skills necessary for successful social and professional adaptation. Moreover, the use of strategic methods for taking risks and informal learning, as is discussed by Hobbs, can further increase media literacy, encouraging students to study digital media tools and experiment with them in unstructured conditions. Finally, the theoretical foundations of the theory of activity that are related to understanding behavior when searching for information on the Internet in the context of educational innovations, help to develop a wider strategy for introducing media graphics in professional education.

REFERENCES

1. Kurtyka F. Literacy: an introduction to the ecology of written language 2nd ed. by David Barton. *Community Literacy Journal*. 2010;5(1):181–184. <https://doi.org/10.25148/clj.5.1.009433>
2. Jenkins H, Purushotma R, Weigel M, Clinton K, Robinson AJ. What should we teach? Rethinking literacy. In *Confronting the Challenges of Participatory Culture*. 2009:28–34. <https://doi.org/10.7551/mitpress/8435.001.0001>
3. Li X, Yang Y, Chu SKW, Zainuddin Z, Zhang Y. Applying blended synchronous teaching and learning for flexible learning in higher education: an action research study at a university in Hong Kong. *Asia Pacific Journal of Education*. 2022;42(2):211–227. <https://doi.org/10.1080/002188791.2020.1766417> EDN: WAFIQE
4. Buckingham D. Chapter 3. Media Literacies. In *Media education: Literacy, learning and contemporary culture*. URL: https://www.researchgate.net/publication/242298855_Chapter_Three_of_Media_Education_Literacy_Learning_and_Contemporary_Culture (accessed: 25.04.2024).

5. McLuhan M. *Understanding media: The extensions of Man*. URL: https://psv4.userapi.com/c848028/u5787984/docs/d11/1c6f6f598c4b/1994_Marshall_McLuhan_Lewis_H_Lapham_Understanding_Media_The_Extensions_of_Man.pdf?extra=VDS8n-GoLdqnrzJO3N56pnV1I-ZBToARrY3n7IhyTzdn4esKu5_iW2lgPwlmxQsUqRx1SdvHKizynGN6_BQLsLCdgi_EbEZzO7ecwdP01Ttp-NewJFEaLlevT29SBR5nTq8f80M (accessed: 11.05.2024).
6. Postman N. *Amusing ourselves to death: Public discourse in the age of show business*. Penguin Books; 2006:1–184.
7. Shmakova SB. Methodological aspects of the selection and application of digital tools for the creation of educational technologies. *Educational Resources and Technologies*. 2023;(2):27–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.21777/2500-2112-2023-2-27-34> EDN: RSFRJL
Шмакова С.Б. Методические аспекты выбора и применения цифровых инструментов для создания образовательных технологий // Образовательные ресурсы и технологии. 2023. № 2 (43). С. 27–34. <https://doi.org/10.21777/2500-2112-2023-2-27-34> EDN: RSFRJL
8. Hobbs R. Improvization and strategic risk-taking in informal learning with digital media literacy. *Learning, Media and Technology*. 2013;38(2):186. <http://doi.org/10.1080/17439884.2013.756517>
9. Semyonov KP. Aspects of the application of digital technologies in expert activities. *Information Security of Regions*. 2010;6(1):88–93. (In Russ.).
Семёнов К.П. Аспекты применения цифровых технологий в экспертной деятельности // Информационная безопасность регионов. 2010. Т. 6. № 1. С. 88–93.
10. Yang Y. Activity theory as a framework for web information seeking behavior research. *Distance Education Magazine*. 2008:19–23. (In Chin.).

Information about the authors:

Alexandra A. Amelina — Methodologist of the Institute of Specialized Training Development Liberal Arts in Prevocational Education, Moscow City University, 6A Vorontsovskaya st., bldg. 1, Moscow, 109044, Russian Federation (ORCID: 0000-0002-5537-9842) (SPIN-code: 5751-5359) (e-mail: kancevaaa@mgpu.ru).

Anna Yu. Ilyina — PhD in Philological sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 17198, Russian Federation (ORCID: 0000-0003-4282-8095) (SPIN-code: 1871-5547) (e-mail: ilyina_ayu@pfur.ru).

Yi Zhang — Graduate student of the Department of Foreign Languages, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 17198, Russian Federation (ORCID: 0009-0005-7783-5254) (e-mail: 1042238234@rudn.ru).

Информация об авторах:

Амелина Александра Александровна — методист Института развития профильного обучения, Московский городской педагогический университет, Россия, 129226, Москва, ул. Воронцовская, д. 6, корп. 1 (ORCID: 0000-0002-5537-9842) (SPIN-код: 5751-5359) (e-mail: kancevaaa@mgpu.ru).

Ильина Анна Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (ORCID: 0000-0003-4282-8095) (SPIN-код: 1871-5547) (e-mail: ilyina_ayu@pfur.ru).

Чжан И — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (ORCID: 0009-0005-7783-5254) (e-mail: 1042238234@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-1-106-114

EDN: VNXLSA

Note / Краткое сообщение

Digitalization of inclusive education: approaches to management and policy initiatives at the state and municipal levels

Tatiana N. Bun¹ ✉ , Yulia S. Kuznetsova² , Victoria R. Zayec³

¹Moscow City University, Moscow, Russian Federation

²Admiral Ushakov Maritime State University, Novorossiysk, Russian Federation

³RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ buntn@mgpu.ru

Abstract. This study examines the changing landscape of inclusive education in the era of digital transformation, with a special focus on the innovative role of media classes. Designed to provide equal learning opportunities for students with disabilities, inclusive education aims to ensure accessibility while promoting meaningful social integration. Media classes are an example of this approach, using digital platforms and adaptive technologies to create a personalized learning environment that meets the diverse needs of students. These classes provide access to advanced tools and resources that support both academic achievement and the development of basic practical skills, including digital literacy and multimedia content creation. The discussion highlighted how digital platforms enhance the quality of education through features such as accessibility, personalized learning paths and increased engagement. Tools such as screen readers, text-to-speech technologies, and learning management systems enable students to interact with educational content in a way that suits their specific sensory, cognitive, or physical needs. By encouraging autonomy and independent learning, these technologies enable students to organize their own educational journeys. However, the study also examines the problems that hinder the full integration of digital technologies into inclusive education. Insufficient infrastructure, inadequate teacher training and limited financial resources are identified as the main obstacles. The need for strategic planning in infrastructure development, teacher training and curriculum innovations is emphasized to ensure the effective implementation of inclusive practices. The study concludes by highlighting the significant social and professional benefits of integrating digital technologies into inclusive education. By providing students with disabilities with the skills and knowledge they need to succeed in an increasingly digital world, these initiatives not only expand individual potential, but also contribute to a more inclusive and equitable society. The study calls for an active policy and continuous efforts to support the continuous development of inclusive educational systems.

Keywords: accessibility of educational technologies, innovations in pedagogy, integration of students with disabilities, adaptation of curricula, personalized learning, support for educational policy, multimedia resources in education, digital learning tools, educational inclusion, inclusive learning environment, equal educational opportunities, digital educational infrastructure, professional integration of students, government education management, educational policy strategies

© Bun T.N., Kuznetsova Yu.S., Zayec V.R., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Contribution. All the authors participated in the development of the concept of this article, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 02.09.2024. The article was accepted on 20.11.2024.

For citation:

Bun TN, Kuznetsova YuS, Zayec VR. Digitalization of inclusive education: approaches to management and policy initiatives at the state and municipal levels. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(1):106–114. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-106-114>

Цифровизация инклюзивного образования: подходы к управлению и политическим инициативам на государственном и муниципальном уровнях

Т.Н. Бунь ¹, Ю.С. Кузнецова² , В.Р. Заец³

¹Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

²Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, Новороссийск,
Россия

³Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ buntn@mgpu.ru

Аннотация. Проанализирована роль инклюзивного образования в контексте цифровизации, при этом особое внимание уделяется медиаклассам как инновационному решению. Инклюзивное образование направлено на обеспечение равных возможностей для обучения учащихся с ограниченными возможностями, создание доступной образовательной среды и содействие их социальной интеграции. Медиаклассы, благодаря использованию цифровых платформ и адаптивных технологий, предлагают персонализированную образовательную среду, отвечающую разнообразным потребностям учащихся. Это включает в себя доступ к современным инструментам, которые поддерживают как теоретическое обучение, так и развитие практических навыков: цифровую грамотность и создание мультимедийного контента. Особое внимание уделено роли цифровых платформ в повышении доступности, персонализации и вовлеченности в процесс обучения. Использование таких технологий, как программы для чтения с экрана, синтезаторы речи и системы управления обучением, повышает качество образовательных услуг. Адаптивные инструменты позволяют учащимся с сенсорными, когнитивными или физическими недостатками получать доступ к учебным материалам в удобных для них форматах, что способствует их автономии и самоорганизации. Несмотря на достижения, отмечены существующие проблемы, в т.ч. отсутствие инфраструктуры, недостаточная подготовка преподавателей и ограниченное финансирование. Для преодоления этих барьеров предложен стратегический подход к развитию инфраструктуры, подготовке учителей и адаптации учебных программ. В заключение подчеркнуто то, что медиаклассы с использованием цифровых технологий предоставляют учащимся с ограниченными возможностями не только доступ к образованию, но и возможности для профессиональной подготовки и социальной интеграции. Это способствует развитию навыков, востребованных в современном медиaprостранстве, и успешной интеграции таких студентов в профессиональную среду и общество. Для дальнейшего развития инклюзивного образования важно продолжать совершенствовать техническую инфраструктуру, обучать

учителей использованию инновационных методов и обеспечивать устойчивое внедрение цифровых технологий в образовательный процесс. Комплексный подход к медиаобразованию обеспечит равные возможности и станет основой для создания более инклюзивного и справедливого общества.

Ключевые слова: доступность образовательных технологий, инновации в педагогике, интеграция студентов с ограниченными возможностями здоровья, адаптация учебных программ, персонализированное обучение, поддержка образовательной политики, мультимедийные ресурсы в образовании, инструменты цифрового обучения, образовательная инклюзия, инклюзивная среда обучения, равные образовательные возможности, цифровая образовательная инфраструктура, профессиональная интеграция студентов, государственное управление образованием, политические стратегии в образовании

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции статьи, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 02.09.2024; принята к публикации 20.11.2024.

Для цитирования:

Bun T.N., Kuznetsova Yu.S., Zayec V.R. Digitalization of inclusive education: approaches to management and policy initiatives at the state and municipal levels // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 1. С. 106–114. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-106-114>

Introduction

Inclusive education, which aims to create an accessible and supportive learning environment for children with disabilities within the framework of basic educational systems, is a fundamental element of modern educational policy [1]. This paradigm is based on the principle of equal educational opportunities for all students, regardless of their physical, mental or sensory problems. The importance of inclusive education goes beyond simply providing access to educational resources; It plays a vital role in promoting social development, integration into society and professional self-determination of students with disabilities. By promoting inclusive practices, education contributes to building a more tolerant and empathetic society, facilitating mutual learning of all participants in the educational process [2].

Digital technologies and media tools are important components of the transformation of inclusive education. At the heart of this transformation are media classes that create a specialized environment that meets the individual needs of students with disabilities [3]. These classes use advanced digital tools not only to increase the accessibility of education, but also to provide students with the skills necessary for professional integration. Media technologies play a crucial role in adapting educational content to the diverse needs of students, ensuring inclusivity and accessibility of education for students who might otherwise face obstacles in traditional educational institutions.

The role of media technologies in supporting inclusive education is becoming increasingly obvious [4]. By facilitating the creation of customized educational content in various formats such as text, video, audio, and interactive elements, digital tools ensure that learning is accessible to students with different sensory and cognitive needs. These resources make it possible to develop adaptive programs that take into account individual learning styles of students, which is especially important for people with special educational needs [5].

In addition, digital tools and media technologies contribute to the professional development of students with disabilities, facilitating their integration into the workforce [6]. These technologies provide not only theoretical knowledge, but also practical skills in areas such as digital literacy, multimedia production and information management, which are necessary in the digital age. Thus, media classes serve as a platform for both education and professional identity development, which significantly improves the employment prospects of students with disabilities.

Utilizing Media Technologies for Inclusive Education and Vocational Training

The integration of media technologies opens up transformative potential for inclusive education, in particular by allowing students with disabilities to adapt their learning experiences. This approach not only aligns educational processes with individual needs, but also gives students skills that are in demand in the modern labor market. Inclusive education continues to develop in Russia, providing equal opportunities for students with disabilities [7]. The cornerstone of this inclusive system is the State Final Exam, which takes into account the health-related needs of these students through alternative assessment formats. Unlike the Unified State Exam, the GIA includes both written and oral options, as well as flexible conditions such as extended time, assistive technology and support staff, which provides a favorable and fair environment for completing education. Access to media classes in Moscow schools is closely linked to the results of the GIA [8]. These classes are part of the Moscow School Media Class initiative and are specifically designed to integrate advanced media technologies into the educational and vocational training of students with disabilities. Educational institutions apply individualized admission processes and modify the curriculum to meet the unique needs of these students, using specialized tools and adaptive technologies to support skill development and smooth integration into the learning process. Media classes give priority to creating an inclusive educational environment that takes into account the diverse needs of students with disabilities. This is achieved through the use of digital tools such as voice recognition software for input and speech synthesis for output, which increases accessibility and engagement. The curriculum is adapted to solve health-related problems by adjusting the complexity of tasks and increasing the time to complete tasks, which further meets the individual needs of students.

In addition to academic classes, media classes play an important role in promoting social integration. Joint projects and team learning activities develop the necessary communication and professional skills, preparing students both for participation in society and for future work. By accepting students through SFE, these classes provide a fair educational foundation, while at the same time giving students the opportunity to acquire the competencies necessary for professional and social adaptation. Thus, media classes represent a groundbreaking innovation in inclusive education, combining modern media technologies with individual approaches to learning [9]. They offer a flexible and adaptive environment that takes into account the diverse needs of all students, especially those with disabilities, thereby improving their educational and professional trajectories. The strategic use of these technologies not only increases accessibility and personalization, but also increases the overall effectiveness of the learning process, ensuring that students are well prepared for both academic and professional success [10].

Using Digital Platforms and Adaptive Technologies in Inclusive Education

For people with disabilities, media classes create an environment conducive to successful integration into education through the provision of individual educational programs, special support from tutors and access to specialized equipment and software. Admission through the State final exams helps to create a sense of equality in the educational process for these students and allows them to realize their potential in an environment that recognizes and takes into account their special needs and characteristics.

Digital platforms and adaptive technologies play a key role in improving the quality of education for students with disabilities, ensuring the availability of educational materials adapted to their individual requirements [11]. The integration of these technologies into the education system not only creates favorable conditions for learning, but also increases the effectiveness of knowledge acquisition, skills development and vocational training.

Digital platforms open up many opportunities for students with disabilities. Platforms such as Google Classroom, Moodle, Microsoft Teams and other learning management systems provide electronic access to educational content, which greatly simplifies the interaction of students with special educational needs with materials. For example, students can work with materials in a way that is convenient for them, using tools to enlarge text or convert it into an audio format. Moreover, these platforms allow teachers to use a variety of media content, including video, audio and presentations, which increases the interactivity and diversity of the educational process. This is especially important for students with cognitive impairments who may have difficulty processing information in traditional written formats.

Adaptive technologies provide customized solutions tailored to students with various disabilities. For visually impaired students, screen readers and text enlargements make it easier to access digital materials. Students with

hearing impairments can use subtitles and transcripts for video tutorials, as well as specialized devices that convert audio to text in real time. Students with motor impairments have access to adaptive input devices such as large-key keyboards, voice control capabilities, or eye tracking technology. These technological innovations democratize the learning process, allowing students to participate on an equal footing, regardless of their physical limitations. In addition, digital platforms provide constant feedback and allow you to monitor progress. Teachers can observe and analyze student performance, adapt educational resources or methods accordingly, and provide individual support if necessary. This adaptability is important for students with disabilities, who may take a long time to assimilate information or benefit from individual learning. Digital technologies provide the flexibility needed to meet these needs without imposing strict time constraints. The impact of digital platforms and adaptive technologies on improving the quality of education for students with disabilities can be expressed in several key aspects:

- *Increased accessibility*: digital resources provide students with disabilities with access to educational materials in convenient formats, thereby contributing to the creation of a more inclusive educational environment.
- *Personalization of learning*: adaptive technologies allow the educational trajectory to be tailored to the unique needs of each student, promoting better understanding and retention of material, which in turn improves academic outcomes.
- *Increased engagement and motivation*: interactive features such as video content, interactive assignments and the ability to work with materials in various formats make the learning process more exciting and stimulating. This is especially useful for students with disabilities who may find traditional learning approaches less effective.
- *Autonomy and Self-regulation*: digital tools allow students with disabilities to control their learning process, allowing them to choose their preferred pace and learning mode. Such autonomy promotes the development of self-regulation skills and personal responsibility for one's educational progress.
- *Social and Academic integration*: digital platforms promote the socialization of students with disabilities by allowing them to participate in group projects and communicate with peers and teachers. Such integration contributes to both their social and academic development.

Thus, digital platforms and adaptive technologies significantly improve the quality of education for students with disabilities. They not only make education more accessible, but also increase its effectiveness, thereby supporting the academic achievements and professional success of these students [11].

Conclusion

Inclusive education is the cornerstone of the development of modern education aimed at ensuring equal opportunities for all students, including people with disabilities. In the era of digital transformation, multimedia classrooms stand

out as an innovative solution that plays a crucial role in integrating students with disabilities into the general education system. These classes use advanced media technologies and customized programs that promote the acquisition of skills and professional development in the field of media, communications and information technology. Through state graduation exams, these programs provide equal access, meeting the unique needs of students with disabilities and preparing them for a competitive job market.

Digital platforms and adaptive technologies play a vital role in improving the quality of education for students with disabilities. These tools support personalized learning, make educational content accessible, and bring flexibility to teaching and learning processes. In addition to improving the learning process, they promote the social integration of students with disabilities by teaching them the skills necessary to participate fully in academic, professional and social contexts.

However, despite these achievements, problems persist. Limited access to necessary equipment, insufficient teacher training and insufficient institutional support hinder the full integration of digital technologies into inclusive education. Addressing these challenges requires a multidimensional strategy that prioritizes infrastructure development, continuous teacher training, and curriculum adaptation tailored to the specific needs of students.

Government and institutional support is needed to overcome these barriers. By expanding media technologies and inclusive programs, policy makers can ensure that educational systems are ready to teach a variety of students. Investing in these areas will create an environment that allows all students, regardless of physical or cognitive problems, to participate fully in education and society.

In conclusion, it should be noted that media classes equipped with digital technologies provide not only academic knowledge; they contribute to professional growth and social integration. By bringing education in line with the demands of the digital age, these classes prepare students with disabilities to fully participate in work and society. Continued focus on infrastructure, teacher training, and the strategic adoption of digital tools will ensure that media classes continue to be a transformative force paving the way for a more inclusive and equitable future in education.

REFERENCES

1. Maksimova NA. Inclusive education in Russia: history, status, and risks. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2018;9:113–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.26170/po18-09-16EDN: VJXINM>
2. Alekhina SV. Inkluzivnoe obrazovanie: ot politiki k praktike [Inclusive education: from policy to practice]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2016;21(1):136–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2016210112>
3. Lyapkina NA, Sevast'yanova SK. Pedagogical features of inclusive education in higher education (on the example of RII AltSTU). *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 2016;(1):148–151. (In Russ.).

4. Malofeev NN. Special education in a changing world. Europe. Moscow: Prosveshchenie publ.; 2018. (In Russ.).
5. Nikulina NN, Davityan MG, Shevchenko SN. The systemic approach in pedagogy as a general methodological principle of science. *Nauchnyy zhurnal KubGAU*. 2015;(111):986–1005. (In Russ.). EDN: UMARJV
6. Nazarova NM. Integrated (inclusive) education: genesis and implementation issues. *Sotsial'naya pedagogika*. 2010;1:8–18. (In Russ.).
7. Voronova AA, Kravets KK. Formation of media literacy among students with disabilities in the context of inclusive education. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept»*. 2020;5:146–157. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2020-11040> EDN: SYTZTH
8. Silverblatt A, Enright Eliceiri EM. *Dictionary of media literacy*. Greenwood Press; 1997.
9. Inyakin YuS, Gorskiy VA. From information culture to personality culture. *Dopolnitel'noe obrazovanie*. 2000;10:6–10. (In Russ.).
10. Vetrova MA, Yetrov AO, Migachev AS. Development of the learning behavior during the lesson “Circle” in children with severe multiple developmental disorders. *Autism and Developmental Disorders*. 2022;20(4):50–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/autdd.2022200405> EDN: XBDEJA
11. Zaguzina NN, Nevzorov BP. Problems of Distance Pedagogy Development. *Vestnik KemGU*. 2014;60(4):64–66. (In Russ.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Максимова Н.А. Инклюзивное образование в России: история, состояние и риски // Педагогическое образование в России. 2018. № 9. С. 113–120. <https://doi.org/10.26170/po18-09-16> EDN: VJXINM
2. Алехина С.В. Инклюзивное образование: от политики к практике // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 1. С. 136–145. <https://doi.org/10.17759/pse.2016210112>
3. Ляпкина Н.А., Севастьянова С.К. Педагогические особенности инклюзивного образования в высшей школе (на примере рии АлтГТУ) // МНКО. 2016. № 1 (56). С. 148–151.
4. Малофеев Н.Н. Специальное образование в меняющемся мире. Европа. М. : Просвещение, 2018. 447 с.
5. Никулина Н.Н. Системный подход в педагогике как общеметодологический принцип науки // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111. С. 986–1005. EDN: UMARJV
6. Назарова Н. Интегрированное (инклюзивное) образование: генезис и проблемы внедрения // Социальная педагогика. 2010. № 1. С. 8–18.
7. Воронова А.А. Модель формирования медиаграмотности у обучающихся в условиях инклюзивного образования // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2020. № 5. С. 146–157. <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2020-11040> EDN: SYTZTH
8. Silverblatt A., Enright Eliceiri E.M. *Dictionary of media literacy*. Greenwood Press, 1997. 248 p.
9. Инякин Ю.С., Горский В.А. От информационной культуры к культуре личности // Дополнительное образование. 2000. № 10. С. 6–10.
10. Ветрова М.А. Формирование стереотипа учебного поведения у детей с тяжелыми множественными нарушениями развития на занятии «Круг» // Аутизм и нарушения развития. 2022. Т. 20. № 4. С. 50–58. <https://doi.org/10.17759/autdd.2022200405> EDN: XBDEJA
11. Загузина Н.Н., Невзоров Б.П. Проблемы развития дистанционной педагогики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4. С. 64–66.

Information about the authors:

Tatiana N. Bun — Specialist of the Institute of Specialized Training Development Liberal Arts in Prevocational Education, Moscow City University, 6A Vorontsovskaya st., bldg. 1, Moscow, 109044, Russian Federation (ORCID: 0009-0009-1157-8186) (e-mail: buntan@mgpu.ru).

Yulia S. Kuznetsova — PhD of Pedagogic Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Admiral Ushakov Maritime State University, 93 Lenina st., Novorossiysk, 353924, Russian Federation (ORCID: 0000-0002-1388-6125) (SPIN-code: 6207-0168) (e-mail: julx@bk.ru).
Victoria R. Zayec — Student of the Department of Foreign Languages, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation (ORCID: 0009-0000-1385-9517) (e-mail: 1132231797@rudn.ru).

Информация об авторах:

Бунь Татьяна Николаевна — специалист Института развития профильного обучения, Московский городской педагогический университет, Россия, 129226, Москва, ул. Воронцовская, д. 6, корп. 1 (ORCID: 0009-0009-1157-8186) (e-mail: buntn@mgsu.ru).

Кузнецова Юлия Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Государственный морской университет им. адм. Ф.Ф. Ушакова, Россия, 353924, Новороссийск, пр. Ленина, д. 93 (ORCID: 0000-0002-1388-6125) (SPIN-код: 6207-0168) (e-mail: julx@bk.ru).

Заец Виктория Романовна — студент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (ORCID: 0009-0000-1385-9517) (e-mail: 1132231797@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-1-115-125

EDN: VKVTKO

Научная статья / Research article

Трансформация учебного процесса: управление интеграцией цифровых технологий и современных образовательных стратегий

Н.И. Голованова¹ , Е.А. Смирнова²

¹Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 golovanovani@mgpu.ru

Аннотация. В условиях стремительного развития цифровых технологий и их активного внедрения в образовательные процессы управление цифровой трансформацией становится одной из важнейших задач современной образовательной системы. Изменения, вызванные цифровизацией, требуют пересмотра устоявшихся подходов к обучению, внедрения инновационных методик преподавания и эффективного управления процессами интеграции цифровых инструментов. Подняты вопросы, связанные с разработкой и реализацией управленческих механизмов, направленных на успешное внедрение цифровых технологий и современных образовательных стратегий в учебный процесс. Особое внимание уделено анализу ключевых подходов, способствующих адаптации образовательных учреждений к вызовам цифровой эпохи. Рассмотрены примеры применения передовых технологий: виртуальная и дополненная реальность, интерактивные образовательные платформы, проектно-ориентированное обучение, а также другие инструменты развития у учащихся критического мышления, креативности, цифровой грамотности и навыков работы в коллективе. Эти подходы, обогащая образовательный процесс, делают его более адаптивным и эффективным. Подчеркнута значимость обеспечивающей создание благоприятных условий для интеграции инноваций государственной и муниципальной поддержки, включая развитие инфраструктуры, повышение квалификации педагогов и предоставление ресурсов для внедрения цифровых решений. Подтверждается необходимость постоянного мониторинга результатов внедрения технологий и образовательных стратегий для их дальнейшей оптимизации. Сделан акцент на выявлении факторов результативности управления процессами трансформации образования, сформулированы рекомендации для повышения эффективности работы образовательных учреждений. Исследование вносит вклад в развитие теории и практики управления образовательными системами в условиях цифровой трансформации, предоставляя инструменты и подходы, которые будут полезны исследователям, преподавателям и руководителям образовательных организаций.

Ключевые слова: цифровизация образования, инновационные технологии, персонализация обучения, профессиональные компетенции, искусственный интеллект, образовательные платформы, критическое мышление, игровые технологии, проектное обучение, цифровая грамотность, виртуальная реальность, мониторинг обучения, педагогические решения, образовательная инфраструктура, роль учителя, командное взаимодействие, навыки цифровой экономики

© Голованова Н.И., Смирнова Е.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции обзора, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 28.08.2024; принята к публикации 08.12.2024.

Для цитирования:

Голованова Н.И., Смирнова Е.А. Трансформация учебного процесса: управление интеграцией цифровых технологий и современных образовательных стратегий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 1. С. 115–125. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-115-125>

Transformation of the educational process: managing the integration of digital technologies and modern educational strategies

Natalya I. Golovanova¹ , Evgenia A. Smirnova²

¹Moscow City University, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

 golovanovani@mgpu.ru

Abstract. In the context of the rapid development of digital technologies and their active integration into educational processes, managing digital transformation has become one of the most critical tasks for the modern educational system. Changes brought about by digitalization require the reevaluation of established teaching approaches, the adoption of innovative instructional methods, and the effective management of digital tools' integration. This study addresses issues related to the development and implementation of management mechanisms aimed at the successful incorporation of digital technologies and modern educational strategies into the learning process. Special attention is given to analyzing key approaches that facilitate educational institutions' adaptation to the challenges of the digital era. The study explores examples of advanced technologies, such as virtual and augmented reality, interactive educational platforms, project-based learning, and other tools that help develop critical thinking, creativity, digital literacy, and teamwork skills in students. These approaches not only enrich the learning process but also make it more adaptable and effective. The importance of state and municipal support is emphasized, particularly in creating favorable conditions for integrating innovations, including developing infrastructure, enhancing teacher qualifications, and providing resources for implementing digital solutions. The study also highlights the need for continuous monitoring of the outcomes of digital technologies and educational strategies to ensure their ongoing optimization. This study focuses on identifying factors that influence the effectiveness of managing educational transformation processes and formulates recommendations for improving the efficiency of educational institutions. The study contributes to the development of theories and practices in educational system management within the context of digital transformation, offering tools and approaches that will be valuable to researchers, educators, and educational administrators.

Keywords: digitalization of education, innovative technologies, personalized learning, professional competencies, artificial intelligence, educational platforms, critical thinking, gamification, project-based learning, digital literacy, virtual reality, learning monitoring, pedagogical solutions, educational infrastructure, teacher's role, collaborative learning, digital economy skills

Contribution. All the authors participated in the development of the concept of this review, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 28.08.2024. The article was accepted on 08.12.2024.

For citation:

Golovanova NI, Smirnova EA. Transformation of the educational process: Managing the integration of digital technologies and modern educational strategies. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(1):115–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-115-125>

Введение

В условиях ускоренной цифровизации система образования становится объектом серьезных изменений, которые требуют новых подходов к управлению образовательными процессами. Интеграция цифровых технологий и современных образовательных стратегий требует эффективного управления, основанного на стратегическом планировании, межведомственном взаимодействии и мониторинге качества внедрения инноваций.

Актуальность темы заключается в необходимости адаптации образовательных процессов к вызовам цифровой экономики и требованиям общества знаний. Сегодня цифровые технологии становятся не только инструментами обучения, но и ключевым фактором, определяющим подходы к подготовке будущих специалистов, особенно в таких инновационных формах, как медиаклассы. Их задача — не только обучить основам профессии, но и развить цифровую грамотность, критическое мышление и способность к адаптации в условиях быстрого технологического прогресса.

Цель исследования — анализ управленческих механизмов, способствующих эффективной интеграции цифровых технологий и современных образовательных стратегий в учебный процесс. Особое внимание уделяется анализу практических примеров и рекомендаций для учителей, администрации образовательных учреждений и разработчиков учебных программ, направленных на повышение эффективности предпрофессионального образования в условиях цифровой трансформации.

Управленческие аспекты интеграции цифровых технологий

Управленческие аспекты интеграции цифровых технологий в предпрофессиональных медиаклассах — ключевой элемент трансформации образовательного процесса. Эффективное управление этим процессом требует системного подхода с охватом разработки стратегий, нормативно-правового регулирования, финансирования, подготовки кадров, мониторинга и оценки, а также развития партнерств и инфраструктуры. Государственные и муниципальные органы управления образованием

играют центральную роль в создании регулирующей внедрение цифровых технологий правовой базы, которая включает в себя определение стандартов цифровой инфраструктуры, требований к подготовке учителей и правил оценки результатов образования.

К важнейшим аспектам относятся финансирование и ресурсное обеспечение образовательных учреждений. Для успешной интеграции цифровых технологий необходимо выделить достаточные финансовые ресурсы на закупку современного оборудования, программного обеспечения и разработку образовательных платформ, а также обеспечить равный доступ к этим ресурсам для всех школ, независимо от их местонахождения.

Не менее значимо внимание к преподавательскому составу. Подготовка учителей к использованию цифровых инструментов требует систематического повышения их квалификации с помощью специализированных тренингов и курсов. В медиаклассах особое внимание уделяется развитию у преподавателей компетенций, связанных с использованием цифровых технологий, для формирования у учащихся технических и творческих навыков, необходимых в современном медиaprостранстве.

На современном этапе развития медиаобразования и предпрофессиональных программ наблюдается глубокая интеграция цифровых технологий в учебный процесс [1]. Внедрение виртуальной и дополненной реальности, облачных сервисов, мобильных приложений и онлайн-платформ открывает новые возможности для обучения и развития навыков, необходимых для работы в условиях цифровой экономики [2]. Особое внимание уделяется развитию критического мышления, цифровой грамотности и способности к адаптации в быстро меняющемся медиаландшафте.

Мониторинг и оценка внедрения цифровых технологий являются ключевыми инструментами управления. Регулярный анализ образовательных результатов, уровня вовлеченности учащихся и удовлетворенности педагогов позволяет не только оценить эффективность проводимых мероприятий, но и своевременно корректировать образовательные программы и управленческие решения.

Развитие партнерств с IT-компаниями, медиаорганизациями и вузами способствует созданию актуальных образовательных программ, соответствующих требованиям современного рынка труда. Такие взаимодействия позволяют учащимся медиаклассов получить не только теоретические знания, но и практические навыки, необходимые для успешной профессиональной деятельности.

Развитие цифровой инфраструктуры также играет важную роль в интеграции технологий в образовательный процесс. Это включает обеспечение школ высокоскоростным интернетом, оснащение интерактивными панелями, компьютерами и другими современными техническими средствами, а также создание специализированных лабораторий для медиаклассов.

Наконец, государственные и муниципальные органы управления должны поддерживать инновации и способствовать обмену лучшими

практиками между образовательными учреждениями. Организация платформ для взаимодействия педагогов, администраторов и других участников образовательного процесса позволяет распространять успешные кейсы и внедрять инновационные подходы в учебный процесс.

Анализ современных медиаобразовательных стратегий

В условиях цифровой трансформации образовательные стратегии играют ключевую роль в развитии навыков и компетенций учащихся, отвечающих требованиям современного общества. Существует множество образовательных подходов, каждый из которых может быть адаптирован и применен для достижения конкретных целей обучения в различных образовательных контекстах [3]. Такие стратегии не только развивают академические знания, но и помогают студентам развить цифровую грамотность, критическое мышление, коммуникативные навыки и способность адаптироваться к быстро меняющемуся миру. Ниже приведен обзор некоторых из этих стратегий и примеры их практического применения.

- Обучение на основе проектов (Project-Based Learning, PBL)

Эта стратегия предполагает обучение посредством разработки и реализации проектов, что способствует развитию критического мышления, командной работы и решению проблем.

Применение: студенты могут работать над созданием собственных медиапродуктов, таких как видеоролики, подкасты, блоги или мультимедийные презентации на выбранные темы. Это позволяет учащимся применять полученные знания на практике, а также развивать навыки работы с цифровыми инструментами.

- Формирующее оценивание

Данный подход предусматривает систематическое предоставление обучающимся обратной связи о достижениях, что позволяет им осознавать свои сильные стороны и области, требующие доработки.

Применение: Учителя могут оценивать медиапроекты учащихся, сопровождая это подробными рекомендациями и конструктивными замечаниями. Такой формат обратной связи помогает студентам совершенствовать свои навыки и развиваться как будущие профессионалы в сфере медиа.

- Дифференцированный подход в обучении

Эта стратегия подразумевает адаптацию учебного процесса к особенностям, интересам и уровню подготовки каждого ученика.

Применение: учителя могут предлагать различные задания и проекты, адаптированные под специфические навыки и интересы учащихся, таким образом мотивируя их на более глубокое изучение медиа сферы.

- Технология совместного обучения

Метод, основанный на взаимодействии учащихся для достижения общих целей. Он стимулирует обмен опытом, развитие коммуникативных навыков и укрепляет способность совместно решать задачи.

Применение: Работа в группах над медиапроектами позволяет учащимся совершенствовать навыки общения, делиться идеями и находить решения проблем с помощью различных цифровых технологий и медиа-инструментов.

- Геймификация

Использование игровых элементов (например, соревнований, набора очков, достижений) в образовательном процессе для повышения мотивации и вовлеченности учащихся.

Применение: внедрение игровых элементов в процесс обучения медиаграмотности может увеличить интерес учащихся к изучению сложных концепций, например через разработку квестов и интерактивных заданий, связанных с медиаанализом и созданием контента.

- Стратегия развития критического мышления

Подход, ориентированный на формирование у учащихся навыков аналитической оценки информации, включая способность выявлять предвзятость, стереотипы и использование манипулятивных методов.

Применение: Организация занятий, где учащиеся анализируют выбранные медиатексты, выявляя скрытые смыслы и манипулятивные элементы. Такой подход способствует развитию умений критически воспринимать и интерпретировать информацию.

Цифровые технологии играют ключевую роль в модернизации современного образования, предоставляя уникальные возможности для улучшения учебного процесса, взаимодействия между преподавателями и учащимися, а также расширенного доступа к информации [4]. Их внедрение стало катализатором значительных изменений в педагогических методах, форматах обучения и развитии необходимых для жизни и работы навыков [5]. Такие технологии позволяют разрабатывать интерактивные и мультимедийные материалы, делая обучение более наглядным и доступным. Индивидуализация учебных траекторий стала возможной благодаря адаптации учебных планов и заданий к потребностям каждого учащегося, что значительно повышает эффективность обучения [6].

Благодаря цифровым инструментам образовательные учреждения получили возможность расширить границы классной аудитории, предоставляя учащимся доступ к глобальным ресурсам, онлайн-курсам и специализированным платформам. Это стимулирует развитие навыков критического мышления, самостоятельного поиска информации и ее анализа — ключевых умений, необходимых для адаптации в современном мире. Дополнительно цифровые технологии способствуют налаживанию социального взаимодействия и сотрудничества между учащимися через онлайн-платформы и социальные сети, что развивает навыки коммуникации и работы в команде.

Трансформация образовательного процесса с использованием цифровых технологий представляет собой переход от традиционных подходов к инновационным. Это затрагивает не только способы подачи материала и взаимодействия на уроках, но и весь учебный процесс, включая оценивание,

выполнение домашних заданий и коммуникацию между учащимися и преподавателями [6].

Цифровые технологии также меняют роль учителя, который из источника знаний превращается в наставника и куратора, направляющего процесс обучения. Такой подход подчеркивает важность самообучения и умения решать практические задачи. Интерактивные платформы и приложения стали основными инструментами для самостоятельной работы, обеспечивая учащимся доступ к разнообразным образовательным ресурсам.

Проектная работа в образовательных процессах активно поощряется, особенно в условиях использования цифровых технологий. Учащиеся работают над созданием медиапроектов, таких как блоги, подкасты, видеоролики и веб-сайты, что позволяет не только применять полученные знания, но и развивать навыки коммуникации, творчества и анализа [7]. Таким образом, интеграция образовательных стратегий и цифровых технологий не только открывает новые возможности для обучения, но и делает его более интерактивным, увлекательным и продуктивным для всех участников процесса.

Анализ влияния инновационных подходов на мотивацию и успеваемость учащихся

Московские школы активно используют инновационные образовательные технологии и цифровые инструменты для повышения качества обучения и формирования у учащихся компетенций, соответствующих требованиям современного общества. Среди наиболее заметных примеров внедрения таких решений выделяется программа «Московская электронная школа» (МЭШ).

1. МЭШ представляет собой многофункциональную образовательную платформу, обеспечивающую доступ учащихся, педагогов и родителей к электронным учебникам, разнообразным образовательным ресурсам, включая видеоуроки, презентации, интерактивные задания и тесты по разным предметам. Платформа интегрирует возможности дистанционного обучения, включая проведение онлайн-уроков и вебинаров, что значительно повышает гибкость и доступность образовательного процесса [8].

Эта цифровая экосистема позволяет персонализировать обучение, адаптируя образовательные траектории к индивидуальным потребностям учащихся. Кроме того, МЭШ способствует укреплению взаимодействия между учениками, учителями и родителями, что делает процесс обучения более эффективным и вовлекающим. Программа уже доказала свою эффективность, став ключевым элементом цифровой трансформации системы образования в Москве.

2. Интерактивные доски и оборудование. Многие московские школы оснащены современными интерактивными досками, которые позволяют сделать уроки визуально наполненными и более интерактивными. Учителя используют эти технологии для демонстрации учебных материалов, проведения интерактивных упражнений и вовлечения учащихся в учебный процесс.

3. Проектная и исследовательская деятельность. Московские школы активно вовлекают учащихся в проектную и исследовательскую деятельность, используя цифровые технологии для сбора и анализа данных, создания презентаций и реализации проектов. Учащиеся могут работать над собственными проектами, что способствует развитию креативности, командной работы и навыков презентации.

4. Виртуальные экскурсии и музеи. Использование виртуальных туров и доступ к онлайн-коллекциям музеев позволяют учащимся расширить свой образовательный кругозор за счет организации виртуальных посещений исторических мест, музеев и выставок по всему миру.

Некоторые московские школы запустили собственные телестудии и каналы подкастов, где учащиеся не только осваивают основы журналистики и видеомонтажа, но и получают возможность создавать собственные информационные программы, документальные фильмы и развлекательные шоу. Это позволяет школьникам развить коммуникативные навыки, научиться работать в команде и снова получить реальный опыт в области медиапроизводства.

Использование VR-технологий для организации виртуальных туров по историческим местам, музеям и выставкам позволяет сделать уроки истории, географии и искусства более наглядными и интересными.

В рамках курсов информатики и программирования учащиеся медиа-классов разрабатывают собственные мобильные приложения и веб-сайты. Это позволяет им приобрести практические навыки в области информационных технологий, узнать о принципах дизайна и пользовательского интерфейса, а также о том, как воплощать свои идеи в реальные проекты.

Организация школьных и городских медиа-фестивалей и конкурсов, на которых учащиеся могут представить свои проекты широкой аудитории, не только способствует развитию творческих способностей учащихся, но и формирует у них способность адекватно воспринимать критику и работать над улучшением своих проектов.

Использование на занятиях интерактивных технологий делает обучение более динамичным и увлекательным. Преподаватели используют специализированное программное обеспечение и платформы для создания интерактивных заданий, которые можно адаптировать под любой учебный план [9]. Интеграция цифровых технологий и современных образовательных стратегий способствует не только повышению качества образования, но и формированию компетенций, таких как критическое мышление, креативность, способность к самообучению и эффективной командной работе.

Заключение

Вклад данного исследования в развитие теории и практики управления образовательным процессом заключается в анализе методов интеграции цифровых технологий и стратегий, который может быть полезен преподавателям,

руководителям образовательных учреждений и разработчикам программ. Особое внимание уделено построению механизмов управления, обеспечивающих эффективное планирование, организацию и контроль внедрения цифровых технологий в образовательный процесс. Данные механизмы направлены на оптимизацию образовательных процессов и повышение их эффективности в рамках современной образовательной системы.

Предлагаемые авторами **рекомендации** включают:

- создание благоприятной нормативно-правовой среды;
- развитие инфраструктуры;
- обеспечение равного доступа к цифровым инструментам;
- подготовку учителей и мониторинг результатов внедрения.

Таким образом, исследование вносит существенный вклад в понимание и развитие образовательного менеджмента в условиях цифровой трансформации, формируя основу для дальнейших исследований и совершенствования образовательной практики.

Важно исследовать новые подходы к обучению, возникающие на стыке технологий и педагогики, а также изучать возможности их адаптации и масштабирования в различных образовательных контекстах. Будущее развитие образовательных процессов, включая предпрофессиональную подготовку, будет неразрывно связано с внедрением передовых технологий, таких как искусственный интеллект и машинное обучение. Эти технологии позволяют существенно расширить возможности персонализации обучения за счет адаптации содержания и методов обучения к индивидуальным потребностям каждого студента, что делает образовательный процесс более эффективным и целенаправленным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубова Л.В., Голубев В.В. Цифровые образовательные технологии в российской и зарубежной педагогике // *Инновации*. 2013. № 11. С. 3–11. <https://doi.org/10.48081/RHUI9301>
2. Садыков У.С., Богачев А.Н., Муханова И.В. Гуманистический потенциал формирования личности в условиях цифровой реальности // *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2022. Т. 167. № 1. С. 197–207. <https://doi.org/10.25588/CSPU.2022.167.1.013> EDN: WQYLRV
3. Kotova I.V., Gareeva V.G., Kiselev A.A. Modern challenges of education and psychology of personality formation. Чебоксары, 2024. 216 с. <https://doi.org/10.31483/a-10641> EDN: RATVYI
4. Костина С.Н., Новикова О.Н. Как старше подростки оценивают влияние цифровых технологий на учебную деятельность? // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2023. № 74. С. 190–205. <https://doi.org/10.17223/1998863X/74/17> EDN: JGXWML
5. Schroeder N.L., Adesope O.O., Gilbert R.B. How effective are pedagogical agents for learning? A meta-analytic review // *Journal of Educational Computing Research*. 2013. Vol. 49. № 1. P. 1–39. <https://doi.org/10.2190/EC.49.1.a>
6. Mayer R.E., Mathias A., Wetzel K. Fostering understanding of multimedia messages through pre-training: evidence for a two-stage theory of mental model construction // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 2002. Vol. 8. № 3. P. 147–154. <https://doi.org/10.1037/1076-898X.8.3.147>

7. Bolliger D.U., Martin F. Instructor and student perceptions of online student engagement strategies // *Distance Education*. 2018. Vol. 39. № 4. P. 568–583. <https://doi.org/10.1080/01587919.2018.1520041>
8. Бордовская Н.В., Кошкина Е.А., Бочкина Н.А. Образовательные технологии в современной высшей школе (анализ отечественных и зарубежных исследований и практик) // *Образование и наука*. 2020. Т. 22. № 6. С. 137–175. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-6-137-175> EDN: YBGQYZ
9. Докукина А.А., Штыхно Д.А. Видео и онлайн-курсы в учебном процессе РЭУ им. Г.В. Плеханова: возможности, преимущества и проблемы для студентов и преподавателей // *Открытое образование*. 2020. Т. 24. № 1. С. 21–33. <http://doi.org/10.21686/1818-4243-2020-1-21-33> EDN: DQIBGD
10. Амелина Ю.М. Оптимизация образовательного процесса: интеграция цифровых образовательных технологий с применением научно обоснованных методов преподавания // *Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2023) : сб. статей IV Междунар. науч.-практ. конф. 16–17 ноября 2023 г. М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. С. 616–632. EDN: JPFQYN*

REFERENCES

1. Dubova LV, Golubev VV. Digital educational technologies in Russian and foreign pedagogy. *Innovatsii*. 2013;(11):3–11. (In Russ.). <https://doi.org/10.48081/RHUI9301>
2. Sadykov US, Bogachev AN, Myshanova IV. The humanistic potential of personality formation in the conditions of digital reality. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 2022;167(1):197–207. (In Russ.). <https://doi.org/10.25588/CSPU.2022.167.1.013> EDN: WQYLRV
3. Kotova IV, Gareeva VG, Kiselev AA. Modern challenges of education and psychology of personality formation. *Cheboksary*; 2024. (In Russ.). <https://doi.org/10.31483/a-10641> EDN: RATVYI
4. Kostina SN, Novikova ON. How older adolescents evaluate the impact of digital technologies on learning activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2023;74:190–205. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863X/74/17> EDN: JGXWML
5. Schroeder NL, Adesope OO, Gilbert RB. How effective are pedagogical agents for learning? A meta-analytic review. *Journal of Educational Computing Research*. 2013;49(1):1–39. <https://doi.org/10.2190/EC.49.1.a>
6. Mayer RE, Mathias A, Wetzell K. Fostering understanding of multimedia messages through pre-training: evidence for a two-stage theory of mental model construction. *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 2002;8(3):147–154. <https://doi.org/10.1037/1076-898X.8.3.147>
7. Bolliger DU, Martin F. Instructor and student perceptions of online student engagement strategies. *Distance Education*. 2018;39(4):568–583. <https://doi.org/10.1080/01587919.2018.1520041>
8. Bordovskaya NV, Koshkina EA, Bochkina NA. Educational technologies in modern higher education (analysis of domestic and foreign research and practices. *Obrazovanie i nauka*. 2020;22(6):137–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-6-137-175> EDN: YBGQYZ
9. Dokukina AA, Shtykhno DA. Video and online courses in the educational process of plekhanov russian university of economics: opportunities, advantages and problems for students and teachers. *Otkrytoe obrazovanie*. 2020;24(1):21–33. (In Russ.). <http://doi.org/10.21686/1818-4243-2020-1-21-33> EDN: DQIBGD
10. Amelina YuM. Optimization of the educational process: integration of digital educational technologies using scientifically based teaching methods. *Tsifrovaya humanitaristika i tekhnologii v obrazovanii (DHTE 2023): sb. statey IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 16–17 noyabrya 2023 g. Moscow: FGBOU VO MGPPU publ. 2023:616–632. (In Russ.). EDN: JPFQYN*

Информация об авторах:

Голованова Наталья Ивановна — специалист Института развития профильного обучения, Московский городской педагогический университет, Россия, 129226, Москва, ул. Воронцовская, д. 6, корп. 1 (ORCID: 0009-0002-6643-7427) (e-mail: golovanovani@mgpu.ru).

Смирнова Евгения Алексеевна — ассистент кафедры государственного и муниципального управления, Российского университета дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (ORCID: 0000-0003-0012-8015) (SPIN-код: 7349-7930) (e-mail: smirnova-ea@rudn.ru).

Information about the authors:

Natalia I. Golovanova — Specialist of the Institute of Specialized Training Development Liberal Arts in Prevocational Education, Moscow City University, 6 Vorontsovskaya st., bldg. 1, Moscow, 129226, Russian Federation (ORCID: 0009-0002-6643-7427) (e-mail: golovanovani@mgpu.ru).

Evgenia A. Smirnova — Assistant Lecturer at the Department of Public and Municipal Administration, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation (ORCID: 0000-0003-0012-8015) (SPIN-code: 7349-7930) (e-mail: smirnova-ea@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-1-126-137

EDN: VAOEMF

Научная статья / Research article

Модель предпрофессиональной подготовки специалистов: управление проектом «Медиакласс в московской школе» как пример реализации государственной и муниципальной политики в сфере образования

А.В. Сазонов¹ , А.А. Светлова¹ , С.В. Морозов^{1,2}

¹Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

²ГБОУ «Цифровая школа», Москва, Россия

sazonovav195@mgpu.ru

Аннотация. Представлен анализ развития предпрофессионального образования в Москве с акцентом на реализацию проекта «Медиакласс в московской школе» как примера успешной интеграции медиатехнологий в образовательный процесс. Рассмотрены ключевые управленческие решения, такие как стандартизация образовательных маршрутов, разработка специализированных и дополнительных учебных пособий и программ, а также взаимодействие школ с университетами и предприятиями. Особое внимание уделено возрастающей роли муниципальной поддержки, которая обеспечивает единство образовательных подходов и координацию действий между образовательными учреждениями и внешними партнерами. Авторы изучили образовательные потребности и интересы учащихся медиаклассов московских школ по результатам проведенного анкетирования. Определены наиболее востребованные среди школьников направления обучения, в т.ч. производство медиа, журналистика, фото- и видеосъемка. Сделан вывод о том, что практико-ориентированный подход к обучению, предполагающий участие в специализированных курсах и взаимодействие с профессиональной средой, помогает развить у школьников необходимые компетенции для работы в медиаиндустрии. Представлена модель комплексного обучения школьников, основанная на интеграции теоретических знаний и практических навыков. Подчеркнута важность проектной деятельности и междисциплинарного подхода, которые способствуют развитию критического мышления, креативности и профориентации. Авторы приходят к выводу, что важно консолидировать усилия государственных органов, образовательных учреждений и отраслевых партнеров для дальнейшей подготовки высококвалифицированных специалистов, способных адаптироваться к требованиям цифровой экономики. Подчеркнута необходимость дальнейших исследований долгосрочного влияния предпрофессионального образования на карьерные перспективы выпускников медиаклассов.

Ключевые слова: предпрофессиональное образование, профильное обучение, педагогическое моделирование, медиаобразование, педагогика, кадровое обеспечение, технологии в образовании, медиатехнологии

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции обзора, написании текста рукописи, формулировке выводов.

© Сазонов А.В., Светлова А.А., Морозов С.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 05.11.2024; принята к публикации: 20.12.2024.

Для цитирования:

Сазонов А.В., Светлова А.А., Морозов С.В. Модель предпрофессиональной подготовки специалистов: управление проектом «Медиакласс в московской школе» как пример реализации государственной и муниципальной политики в сфере образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 1. С. 126–137. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-126-137>

A model for prevocational training of specialists: managing the “Media class in Moscow schools” project as an example of implementing state and municipal education policy

Andrey V. Sazonov¹ , **Alexandrina A. Svetlova¹** , **Sergey V. Morozov^{1,2}**

¹Moscow City University, Moscow, Russian Federation

²Digital School, Moscow, Russian Federation

✉ sazonovav195@mgpu.ru

Abstract. The study presents an analysis of the development of pre-professional education in Moscow with an emphasis on the implementation of the Media Class in a Moscow School project, which has become an example of successful integration of media technologies into the educational process. Key management decisions are considered, such as standardization of educational routes, development of specialized and additional teaching aids and programs, as well as interaction of schools with universities and enterprises. Particular attention is paid to the increasing role of municipal support, which ensures the unity of educational approaches and coordination of actions between educational institutions and external partners. The authors study the educational needs and interests of students in media classes of Moscow schools based on the results of the survey. The main areas of study in demand among schoolchildren are identified, including media production, journalism, photo, and video shooting. The authors conclude that the practice-oriented approach to learning, which involves participation in specialized courses and interaction with the professional environment helps to develop the necessary competencies in schoolchildren to work in the media industry. The study presents a model of comprehensive student training based on the integration of theoretical knowledge and practical skills. The importance of project activities and an interdisciplinary approach that promote critical thinking, creativity and career guidance is emphasized. The authors conclude that it is important to consolidate the efforts of government agencies, educational institutions and industry partners to further train highly qualified specialists who can adapt to the requirements of the digital economy. The study emphasizes the need for further research into the long-term impact of pre-professional education on the career prospects of media class graduates.

Keywords: pre-professional education, specialized training, pedagogical modeling, media education, pedagogy, staffing, educational technologies, media technologies

Contribution. All the authors participated in the development of the concept of this review, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 05.11.2024. The article was accepted on 20.12.2024.

For citation:

Sazonov AV, Svetlova AA, Morozov SV. A model for prevocational training of specialists: managing the “Media class in Moscow schools” project as an example of implementing state and municipal education policy. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(1):126–137. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-1-126-137>

Управленческие аспекты развития системы предпрофессионального образования в Москве

В последние несколько лет Москва стала флагманом школьного предпрофессионального образования, подтверждая свою приверженность развитию образовательных программ, соответствующих вызовам современной экономики и рынка труда. Эта инициатива поддерживается на уровне городской администрации и Департамента образования и науки Москвы, что способствует тесной координации и управленческой поддержке школ, реализующих программы предпрофессионального обучения. В 2020 г. была опубликована статья С.В. Весманова и В.В. Источникова «Предпрофессиональное образование в московской школе: анализ практик работы школьных и межшкольных команд» [1], где авторы проанализировали особенности взаимодействия школ с внешними организациями (вузами и предприятиями), отметили успешную реализацию существующих на тот момент проектов (медицинские, инженерные, кадетские и академические классы) и рекомендовали последовательность управленческих действий, направленных на достижение высоких образовательных результатов.

К 2024 г. система предпрофессионального образования Москвы претерпела значительные изменения, подкрепленные управленческими решениями на муниципальном уровне. Модель организации образовательного процесса была оптимизирована, а административные команды школ получили к использованию стандартизированные материалы, что позволило принимать более эффективные управленческие решения. Благодаря этому были выпущены новые стандарты предпрофессиональных классов, предполагающие обновление учебных планов и фиксированный набор предметов для углубленного изучения. Созданы рабочие программы и учебные пособия по дисциплинам углубленного цикла, а также специализированным предпрофессиональным курсам. В образовательные маршруты участников проектов вошли практико-ориентированные занятия на базе колледжей, вузов и предприятий — как коммерческих, так и некоммерческих, среди которых находятся ведущие компании и холдинги.

Среди прочих проектов предпрофессионального образования Москвы с 2021 г. успешно реализуется проект «Медиакласс в московской школе» (далее — «Медиакласс»). Его создание стало возможным благодаря

муниципальной поддержке и выделению средств на разработку соответствующих образовательных программ и учебно-методических материалов. В проекте «Медиакласс» особое внимание уделяется управленческим механизмам, обеспечивающим интеграцию медиатехнологий в учебный процесс. Департамент образования и науки Москвы осуществляет координацию, выделяет целевое финансирование и устанавливает нормативные требования для участников проекта, обеспечивая единство стандартов и взаимосвязь образовательных учреждений с отраслью. Благодаря этому учащиеся медиаклассов имеют доступ к современным образовательным ресурсам и могут получать практический опыт на площадках вузов и предприятий — потенциальных работодателей.

Стандартизация подходов к обучению в предпрофессиональных классах способствует повышению уровня компетенций административных и педагогических работников, а также формированию профессиональных навыков у учащихся. Однако, несмотря на достигнутые успехи, в научной среде все еще существует недостаток исследований, направленных на оценку долгосрочного влияния этой модели на профессиональную готовность выпускников медиаклассов. Для восполнения этого недостатка мы поставили и решили задачу определения ключевых образовательных целей и результатов, которые необходимо достичь выпускникам медиаклассов для успешного поступления в вузы или начала профессиональной деятельности в сфере медиа.

В ходе исследования интересов и образовательных потребностей учащихся медиаклассов выявлены основные направления, представляющие интерес для будущих специалистов в медиа. Эти результаты послужили основой для предложенной модели комплексной подготовки, учитывающей особенности профессиональной деятельности в медиасфере и ориентированной на требования государственной образовательной политики. Модель строится на управленческой поддержке и партнерстве с внешними организациями, что позволяет выпускникам медиаклассов не только получать теоретические знания, но и развивать практические навыки, востребованные на рынке труда.

Таким образом, проект «Медиакласс в московской школе» является примером успешной реализации государственной и муниципальной образовательной политики, направленной на подготовку специалистов, способных адаптироваться к требованиям современного медиарынка.

Исследование интересов и образовательных потребностей обучающихся: особенности реализации проекта «Медиакласс в московской школе»

Ежегодно информационное агентство школьной прессы «НАШпресс» при поддержке РГУ им. А.Н. Косыгина проводит крупное исследование «Портрет медиаподростка» среди школьников, значительную часть времени которых занимает деятельность в медиaprостранстве. В 2024 г. «Анкету медиаподростка» заполнило 790 человек из более чем 95 субъектов Российской Федерации. В числе задач этого опроса — изучение опыта взаимодействия

подростков с медиасредой и уровня сформированности их представления о своей роли в ней. Среди участников опроса особо выделяются 373 респондента, которые обучаются в столичных медиаклассах. Ответы этих обучающихся на ряд интересующих нас вопросов легли в основу исследования.

Один из главных вопросов анкетирования — «Какое направление в медиасреде вам наиболее интересно?» — позволяет нам предположить выбор школьниками будущей профессии. Следует отметить, что респонденты могли выбрать сразу несколько ответов.

Как показывают результаты проведенного опроса, учащиеся медиаклассов интересуются различными направлениями медиасферы. Образовательный маршрут участников проекта «Медиакласс в московской школе» [1] предусматривает обучение в колледжах по программам профессиональной подготовки «Фотограф», «Оператор видеозаписи» и «Оформитель табло, виньеток и альбомов» в объеме 48 академических часов, что учитывает пожелания большинства обучающихся. Перечисленные программы позволяют овладеть навыками фото- и видеосъемки, организации схем освещения в медиастудии, построения фотокадров, цифровой ретуши и цветокоррекции, а также разработки графического оформления цифровых проектов. По результатам этого обучения и итоговой аттестации обучающиеся получают свидетельство о профессии рабочего, должности служащего.

Важной задачей в рамках проекта «Медиакласс» является координация действий между образовательными учреждениями и государственными органами для создания актуальных программ обучения, обеспечивающих подготовку медиаспециалистов, востребованных на рынке труда. Управление проектом осуществляется при поддержке Департамента образования и науки города Москвы, который не только регулирует стандарты предпрофессионального образования, но и предоставляет методические рекомендации для административных и педагогических команд, реализующих проект. Такие управленческие действия позволяют обеспечивать высокое качество образовательного процесса и способствуют адаптации программ под современные требования медиаиндустрии.

По решению администраций школ навыки устной публичной речи можно развить посредством введения программ дополнительного образования. Например, в московской образовательной среде активно продвигается идея создания школьных театров, неотъемлемой частью программы которых являются занятия по сценической речи. Существует возможность расширения программ обучения на площадках колледжей: согласно общероссийскому классификатору профессий рабочих, должностей служащих¹ для обучаю-

¹ Постановление Госстандарта РФ от 26.12.1994 № 367 (ред. от 19.06.2012) «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов ОК 016-94» (вместе с «ОК 016-94. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов») (дата введения 01.01.1996). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58964/ (дата обращения: 10.09.2024).

щихся медиаклассов могут подойти такие профессии, как «Рекламный агент», «Художественный редактор» и «Режиссер монтажа».

О важности основательной общекультурной подготовки и о том, что история является частью гуманитарного знания, необходимого для успешной реализации творческого потенциала будущего журналиста, высказывается канд. истор. наук Е.А. Беседина [2]. Знание истории, по мнению исследователя, не только может помочь будущим медиаспециалистам расширить кругозор и более свободно ориентироваться в информационном пространстве, опираясь на исторические факты и сведения о роли отдельных личностей в становлении современного общества, но также даст обучающимся возможность реализовать себя при работе с такими жанрами, как рецензия (например, рецензирование монографий) и «историческое» интервью.

Предметы «Русский язык» и «История» также могут быть включены в учебный план — в часть, формируемую участниками образовательного процесса. Кроме того, большинство московских школ проводят для учащихся 11 классов практикумы по подготовке к единому государственному экзамену (ЕГЭ): экспериментальная программа подготовки к ЕГЭ была запущена в 2023 г. и успешно зарекомендовала себя в столице².

В рамках программ «Медиаканикул» вузы реализуют образовательно-просветительские мероприятия, лекции, экскурсии в лаборатории и медиастудии, практические занятия и встречи с преподавателями. Это позволяет помочь с поиском оригинальных идей для учебных проектов, а также удовлетворить запрос большинства респондентов на развитие навыков в медиасфере и выстраивание новых социальных связей со сверстниками из различных образовательных организаций на основе общих интересов. Проект «Медиакласс в московской школе» в 2024–2025 учебном году реализуется на площадках 20 вузов, что свидетельствует о разнообразии образовательных программ и участии в них большого числа школьников.

Проектно-исследовательская деятельность, по мнению Т.И. Громовой [3], позволяет обучающимся сформировать исследовательскую позицию, т.е. особое проявление личности, выражающее активное, инициативное отношение к знанию и способу его получения. Особенность этой программы для медиаклассов в вузах заключается также в ее практико-ориентированном характере и направленности на совершенствование узкопрофильных навыков по выбранному формату медиа (например, создание фоторепортажа, видеорепортажа, учебного или документального фильма, буктрейлера, лонгрида или дизайн-проекта, веб-сайта и т.п.).

На актуальность медиапроектирования указывает исследование В.А. Плотникова и О.А. Шаминой [4]. Авторы отмечают стремительный рост рынка медиаиндустрии, а также цифровизацию экономики и общества

² Сергей Собянин рассказал, как школьников готовят к будущим профессиям // Пресс-служба Мэра и Правительства Москвы : официальный сайт. 05.04.2024. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/10988050/> (дата обращения: 10.09.2024).

в последние годы, что объясняет необходимость качественного проектного подхода к созданию медиапродуктов различных форматов.

Как показывают результаты проведенного опроса, для многих обучающихся также важна профессиональная ориентация. Чтобы определиться с выбором направления профессиональной деятельности или будущего обучения на ступени высшего профессионального образования, в период обучения в медиаклассе школьники могут не только принять участие в вышеперечисленных образовательных программах, но и реализовать свои возможности в проекте ранней профессиональной ориентации «Билет в будущее». На протяжении трех последних лет данный проект успешно интегрирован в образовательный процесс школьников 6–11 классов и позволяет им пройти профессиональные пробы по 135 профессиям на 45 высокотехнологичных площадках образовательных организаций среднего профессионального образования, подведомственных Департаменту образования и науки города Москвы³.

Эти инициативы являются частью стратегического направления в государственной и муниципальной политике, направленного на усиление профориентации в школах и кадрового обеспечения для цифровой экономики. В научном пространстве исследован региональный опыт реализации проекта «Билет в будущее» и отмечен его положительный эффект на экономику и кадровое обеспечение страны. Так, М.Ю. Малкин называет этот проект «консолидацией лучших практик, упакованных в оболочку, которую диктует время, и приведенных к общедоступному механизму привлечения субъектов профессионального самоопределения. Кроме того, проект имеет цифровую рамку, которая позволяет школьникам, соответствуя трендам, формировать цифровое портфолио на основе интеграции с другими платформами и треками образовательной деятельности. Это универсализированный инструмент профориентации, ставший доступным абсолютно всем» [5].

Цифровая трансформация общества и стремительная технологизация процессов в информационной среде подчеркивают возрастающую роль медианавыков на современном рынке труда, что требует от образовательных организаций различных уровней и предприятий обеспечения подготовки высококвалифицированных специалистов в области медиаиндустрии и массовых коммуникаций. В этих условиях предпрофессиональное образование становится стратегическим приоритетом государственной и муниципальной политики, поддерживающей проекты, такие как «Медиакласс в московской школе», направленные на развитие медиакомпетенций у школьников.

Одним из примеров интеграции медиаподходов в образовательный процесс является работа на уроках литературы, где обучающиеся медиаклассов создают подкасты по литературным произведениям. Это позволяет учащимся формулировать и осмысливать проблемы, заложенные в художественном

³ Проект ранней профессиональной ориентации для учащихся «Билет в будущее» // Московский центр развития профессионального образования : официальный сайт. URL: https://mcpro.ru/proekty/bilet-v-budushhee/#tab_4843 (дата обращения: 12.09.2024).

произведении, координировать работу в условиях реального и виртуального взаимодействия, а также оценивать полученный читательский опыт⁴. Такой подход поддерживается на уровне городской образовательной политики, обеспечивающей школам ресурсы и методологическую поддержку для включения подобных проектов в учебный процесс.

Кроме того, медиаобразование получает поддержку в рамках обучения иностранным языкам, что подчеркивает И.А. Иванова: «... множество взаимодействующих языков и культур, тексты различных форматов, циркулирующие в глобальном информационном пространстве, и новые формы медиатизированного общения детерминируют формирование у человека медиакомпетентности вторичной языковой личности, характеристики, способствующей функционированию в мировом информационном пространстве» [6]. Муниципальные образовательные программы поддерживают использование иностранных языков как инструмента для развития медианавыков, адаптируя школьников к международным стандартам коммуникации.

Как отмечает Н.А. Илюхина, «высшая школа, в силу потребности в профессионально ориентированных молодых людях, использует многочисленные формы работы со школьниками на собственных площадках» [7]. Мы также считаем, что практика взаимодействия общеобразовательных учреждений с вузами — одна из неотъемлемых составляющих учебного процесса в классах предпрофессионального образования. Для обучающихся медиаклассов вузы разрабатывают программы интенсивного погружения в специальности медиасферы: под руководством преподавателей школьники учатся создавать информационные поводы и кроссмедийные продукты, работать с различными медиаресурсами, снимать и монтировать видео, вести теле- и радиопрограммы, развивают журналистские, ораторские и креативные навыки.

Следует обратить внимание и на возрастающую роль медианавыков в современном мире. Согласно Докладу Всемирного экономического форума — 2023, «креативное мышление», «чтение и письмо», «дизайн», «маркетинг и медиа», «сети и кибербезопасность» признаются навыками, которым придается стратегически большое значение. Специалисты по цифровой трансформации и электронной торговле, разработчики блокчейна, коммерческие и промышленные дизайнеры, а также разработчики ПО и приложений вошли в ТОП-20 наиболее востребованных профессий в 2023–2027 гг.⁵ Таким образом, актуальность медиа в профессиональном мире растет, а значит, общение с представителями медиасферы с целью получения профессионального опыта имеет большое значение не только для учащихся медиаклассов, но и для предприятий из числа потенциальных работодателей.

⁴ Федеральные рабочие программы среднего общего образования // ФГБНУ «Институт стратегии развития образования»: официальный сайт. URL: <https://edsoo.ru/rabochie-programmy/> (дата обращения: 13.09.2024).

⁵ Отчет о будущем рабочих мест 2023 г // Доклад Всемирного экономического форума — 2023 (Future of Jobs Report 2023). URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2023/> (дата обращения: 15.09.2024).

Проект «Медиакласс в московской школе» становится примером того, как государственное и муниципальное управление в сфере образования способствует подготовке кадров для динамично развивающейся медиасферы, что подтверждается включением актуальных медиакомпетенций в образовательные программы и усилением взаимодействия между образовательными учреждениями и представителями индустрии.

Моделирование предпрофессионального обучения в медиасфере: компетентностный подход и роль муниципального управления в формировании образовательных маршрутов

На основании ключевых положений Доклада Всемирного экономического форума — 2023, существующих нормативно-правовых актов, регламентирующих содержание образовательного маршрута обучающихся в московских медиаклассах, а также данных проведенного опроса мы можем небезосновательно сделать вывод о том, какие образовательные потребности наиболее востребованы среди выпускников, решивших связать свою профессиональную деятельность со сферой медиа, что позволит в дальнейшем более качественно подойти к вопросам преподавания и систематизации процесса обучения в предпрофессиональных классах.

В содержании школьного образования как открытой системы существует необходимость моделирования педагогических процессов в аспекте положений компетентностного подхода по ФГОС. Л.И. Холина, Н.П. Абаскалова и А.Н. Дахин рассматривают педагогическое моделирование как самостоятельную область исследования, обеспечивающую необходимыми средствами внедрение инновационных образовательных проектов [8]. Т.И. Шамова и Т.М. Давыденко видят в моделировании метод исследования, дающий возможность изучить процесс до его осуществления [9]. Благодаря поддержке муниципальных органов проект «Медиакласс» получил возможность интегрировать практические знания и умения, что значительно улучшило качество подготовки учащихся и дало школьным администрациям доступ к ресурсам и материалам, разработанным с учетом требований актуальной государственной политики.

Мы представили возможную модель подготовки будущих специалистов сферы медиа. Под целями (результатами) освоения образовательных программ на площадках вузов и предприятий из числа потенциальных работодателей мы рассматриваем набор деятельностных категорий и знаний, которые не регламентированы отдельными нормативно-правовыми актами, но играют, на наш взгляд, важную роль в формировании у обучающихся представлений о будущей профессиональной деятельности. Ключевую роль в этом процессе играет взаимодействие образовательных учреждений с работодателями, которое поддерживается и регулируется в рамках муниципального управления. В свою очередь, образовательные учреждения Москвы, подведомственные Департаменту образования и науки города Москвы, получили возможность выстраивать образовательный маршрут школьников в соответствии

с потребностями рынка труда, благодаря чему реализуется значимый управленческий аспект государственной политики в области образования.

При перечислении образовательных программ на площадках школы и колледжа, опираясь на исследование Е.А. Балашовой [10], под целями (результатами) мы имеем в виду такие соотнесенные понятия, как универсальные учебные действия (УУД) и компетенции (УУД являются фундаментом для овладения компетенциями, которые, в свою очередь, становятся основой компетентности). УУД как деятельностные категории предусмотрены федеральными государственными образовательными стандартами и рабочими программами по учебным предметам, а компетенции включены в профессиональные стандарты отдельных профессий (в нашем случае — профессий медиасферы). Поддержка со стороны муниципальных органов управления, в т.ч. координация работы между школами и внешними организациями, позволяет обеспечить высокое качество реализации образовательных стандартов и внедрение компетенций, которые необходимы будущим специалистам медиасферы для успешной профессиональной деятельности.

Заключение

Цифровая трансформация общества и стремительная технологизация процессов в информационной среде подчеркивают возрастающую роль медианавыков на современном рынке труда, что требует от образовательных организаций различных уровней и предприятий обеспечения подготовки высококвалифицированных специалистов в области медиаиндустрии и массовых коммуникаций. В этих условиях государственные и муниципальные органы управления играют ключевую роль в развитии и координации предпрофессионального образования, особенно в высокотехнологичных областях, таких как медиатехнологии.

Проект «Медиакласс в московской школе» представляет собой пример успешной реализации городской образовательной политики, направленной на развитие медиаобразования в школах. Поддержка проекта на государственном уровне обеспечивается не только через финансирование и создание образовательных стандартов, но и через разработку специализированных программ, которые ориентированы на развитие у школьников востребованных на рынке навыков. Департамент образования города Москвы выпускает нормативные акты и руководства, обеспечивающие унификацию и стандартизацию подходов к преподаванию в медиаклассах, а также предусматривает механизмы взаимодействия школ с вузами и предприятиями для реализации практико-ориентированных образовательных маршрутов.

В рамках проекта, обучающимся предоставляется возможность не только углубленно изучать школьные предметы, такие как «Литература», «Обществознание» и «Иностранный язык», но и проходить специализированные курсы в области журналистики, медиапроизводства и рекламы, а также участвовать в программах профессиональной подготовки в колледжах

и на предприятиях. Такой подход формируется и поддерживается через взаимодействие между образовательными учреждениями и государственными структурами, что обеспечивает постоянную актуализацию образовательных программ в соответствии с изменяющимися требованиями рынка труда и стратегиями развития города.

Исследуя результаты опроса обучающихся и существующие нормативно-правовые акты, регламентирующие содержание образовательного маршрута в московских медиаклассах, мы выявили наиболее востребованные образовательные потребности будущих медиаспециалистов. Это позволило нам предложить модель комплексной предпрофессиональной подготовки, которая охватывает обучение на площадках школ, колледжей, вузов и предприятий — потенциальных работодателей. Такой многоуровневый подход к организации образовательного процесса отражает эффективное управление проектом на уровне государственной и муниципальной власти, а также содействует формированию портрета выпускника, который не только обладает необходимыми знаниями и навыками, но и имеет опыт взаимодействия с профессиональной средой.

Портрет будущего выпускника медиакласса включает в себя: знание на углубленном уровне учебных предметов; владение навыками работы с современным оборудованием и технологиями медиапроизводства; понимание профессиональной этики и основ законодательства в сфере медиа; умение организовывать и осуществлять проектную деятельность, адаптируясь к требованиям рынка. Важным аспектом этой подготовки становится развитие у учащихся способности самостоятельно принимать решения в условиях цифровой и информационной среды, что отвечает целям государственной политики в области кадрового обеспечения стратегически важных отраслей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Весманов С.В., Источников В.В.* Предпрофессиональное образование в московской школе: анализ практик работы школьных и межшкольных команд // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2020. Т. 51. № 1. С. 74–84. <https://doi.org/10.25688/2076-9121.2020.51.1.06> EDN: OHCWQA
2. *Беседина Е.А.* Преподавание курса «Истории России» будущим журналистам: самостоятельная работа студентов как фактор формирования профессиональных навыков // XV юбилейные Царскосельские чтения: Евразийский опыт: культурно-историческая интеграция : материалы международной научной конференции. 19–21.04.2011. СПб. : Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. С. 375–379. EDN: ZSBTWT
3. *Громова Т.И.* Критерии сформированности исследовательской деятельности // Исследовательская деятельность учащихся в современном образовательном пространстве: сборник статей. М. : НИИ школьных технологий. 2006. С. 108–110.
4. *Плотников В.А., Шамина О.А.* Медиапроект: понятие, особенности, аспекты управления качеством // Управленческое консультирование. 2022. Т. 165. № 9. С. 134–144. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-9-134-144> EDN: HWBXHF
5. *Малкин М.Ю.* От «Билета в будущее» до чемпиона страны // Инновационное развитие профессионального образования (Челябинский институт развития профессионального образования). 2021. Т. 29. № 1. С. 113–119. EDN: PBETEX

6. Иванова Л.А. Медиаобразование в обучении иностранным языкам — веление времени // *Magister Dixit*. 2013. № 2. С. 104–113. EDN: QBMWGH
7. Илюхина Н.А. Профорientационная работа вузов со школьниками: новые возможности традиционных форм // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Искусствоведение. Социология*. 2016. Т. 6. № 4. С. 83–88. EDN: XXQKNJ
8. Холина Л.И., Абаскалова Н.П., Дахин А.Н. Моделирование и неопределенность педагогических результатов // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2015. № 6. С. 101–110. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1506.11> EDN: VDNTCL
9. Шамова Т.И., Давыденко Т.М. Управление образовательным процессом в адаптивной школе. М. : Центр «Педагогический поиск», 2001. 384 с.
10. Балашова Е.А. Соотнесенность учебных действий и компетентности // *Проблемы современного образования*. 2018. № 6. С. 118–123. EDN: YTGTLV

Информация об авторах:

Сазонов Андрей Викторович — методист Института развития профильного обучения, Московский городской педагогический университет, Россия, 129226, Москва, ул. Воронцовская, д. 6, корп. 1 (ORCID: 0009-0007-5367-4657) (SPIN-код: 1585-1680) (e-mail: sazonovav195@mgpu.ru).

Светлова Александрина Антоновна — кандидат психологических наук, старший методист Института развития профильного обучения, Московский городской педагогический университет, Россия, 129226, Москва, ул. Воронцовская, д. 6, корп. 1 (ORCID: 0009-0008-0939-1155) (SPIN-код: 2455-7947) (e-mail: svetlova@mgpu.ru).

Морозов Сергей Викторович — методист Института развития профильного обучения, Московский городской педагогический университет, Россия, 129226, Москва, ул. Воронцовская, д. 6, корп. 1; учитель русского языка и литературы, ГБОУ «Цифровая школа», Россия, 111401, Москва, ул. 3-я Владимирская, д. 26А (ORCID: 0000-0002-1840-9707) (SPIN-код: 1050-9825) (e-mail: morozovsv@mgpu.ru).

ДЛЯ ЗАМЕТОК
